

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ III

Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка 117.

1908.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

Малорусская этнографія на XIV археологическомъ сѣздѣ въ Черниговѣ.

Тогда какъ великорусская этнографія за послѣдніе годы постоянно обогащалась новыми трудами, — вспомнимъ хотя бы капитальные сборники былинъ Маркова, Ончукова и труды Московской комиссіи по собиранію памятниковъ народнаго творчества, — малорусская этнографія послѣ большихъ сборниковъ Гринченка, можно сказать, застыла (это, впрочемъ, не относится къ дѣятельности австрійскихъ малороссовъ). Даже бывшіе подрядъ на территоріи Украйны четыре археологическіе сѣзда не прибавили чего-либо значительнаго къ разработкѣ малорусской этнографіи. Столь же бѣднымъ въ этомъ отношеніи оказался и послѣдній XIV сѣздъ въ Черниговѣ. Изданій съ этнографическимъ матеріаломъ къ сѣзду не было выпущено, если не считать „Трудовъ Черн. Предварительнаго Комитета по устройству XIV сѣзда“, въ которыхъ напечатано нѣсколько документовъ, имѣющихъ нѣкоторый бытовой интересъ, и замѣтка на трехъ страницахъ: „Черниговскія писанки“ В. Д. На самомъ сѣздѣ было прочитано три реферата по малорусской этнографіи: А. Миллера — „Лотосъ въ украинскомъ орнаментѣ“, С. Шелухина — „Украинскія причтанія надъ умершими“ (на малорусск. яз.) и Х. Ящуржинскаго — „Почитаніе ключей и колодезь въ Малороссіи“ (на малор. яз.). Было заявлено еще два реферата: Х. Ящуржинскаго — „Украинскіе заговоры отъ уроковъ“ и А. Синавскаго — „Бытовые малорусскіе пѣсни Еватеринославской губ. въ XIX в.“ — но послѣдніе рефераты прочитаны не были. Изъ представленныхъ рефератовъ докладъ г. Миллера обладалъ научнымъ обоснованіемъ и былъ построенъ на изученіи малорусскаго орнамента сравнительно съ орнаментомъ восточнымъ (персидскимъ, киргизскимъ, татарскимъ). Г. Миллеръ выводитъ съ Востока довольно часто встрѣчающееся на малорусскихъ рушникахъ изображеніе махроваго цвѣтка, види

въ немъ отзвукъ рисунка лотоса, употребительнаго въ восточномъ орнаментѣ. Чтеніе г. Миллера было иллюстрировано какъ рисунками вышивокъ, такъ и образцами рушниковъ. Докладъ г. Шелухина объ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ былъ построенъ на небольшомъ количествѣ собранныхъ имъ самимъ матеріаловъ, среди которыхъ немалая доля пришлась на народные анекдоты. На основаніи своего матеріала г. Шелухинъ пытался доказать, что въ Малороссіи не было наемныхъ плакальщицъ, и что малорусскія причитанія представляютъ продуктъ индивидуальнаго творчества въ противоположность причитаніямъ великорусскимъ, представляющимъ неизмѣнныя формы, передающіяся отъ одной плакальщицы къ другой. Для доказательства перваго положенія рефентъ совершенно отрицалъ достовѣрность свидѣтельства польско-латинскаго писателя XVI вѣка, Себастіана Фабіана Кленовича—Asernus'a, въ его poemѣ „Roxolania“, о существованіи въ Галицкой Руси наемныхъ плакальщицъ, на томъ основаніи, что въ приводимомъ Кленовичемъ причитаніи встрѣчаются слова: „capitolinus anser“—„капитолійская гуска“ что невозможно въ устахъ простой бабы. Но докладчикъ не принялъ во вниманіе характера всей „Роксоланіи“ Кленовича, которая ни въ комъ изъ историковъ литературы не вызывала подозрѣній въ невѣрности описываемаго авторомъ быта. Русскій изслѣдователь дѣятельности Кленовича г. Стороженко (Кіевск. Унив. Ивв. 1881 г.) говоритъ, что поэма „Roxolania“— „настоящій кладъ для занимающихся южнорусской стариной“.

Вотъ свидѣтельство Кленовича. Когда умираетъ, говоритъ онъ, человекъ,— „тогчасъ за плату (mercede) старуха заводитъ заученныя (doctas) причитанія (querelas), и такъ по заказу (jussa) женщина оплакиваетъ не своего мужа. Продажныя слезы (venales lacrimas) противъ воли выжимаетъ она изъ глазъ... Нанятыми за деньги рыданіями (conductis pretio) она оглашаетъ воздухъ“¹⁾. Столь опредѣленное свидѣтельство мы сможемъ отвергнуть только тогда, когда не признаемъ всю описываемую Кленовичемъ бытовую обстановку, на что, однако, нѣтъ никакихъ данныхъ. Изъ того, что въ настоящее время въ Малороссіи неизвѣстно существованіе плакальщицъ, нельзя заключать того же по отношенію къ Галиціи XVI вѣка. Сербы занимаютъ меньшую территорію, чѣмъ украинцы, но и въ Сербіи по свидѣтельству В. Караджича въ его книгѣ: „Живот и обычаи народа српскога“, въ одномъ мѣстѣ есть плачевницы, въ

¹⁾ См. мое сообщеніе: „Древнѣйшее малорусское причитаніе“. Кіев. Стар., 1904 г. декабрь, стр. 148—153.

другомъ ихъ нѣтъ. Въ доказательство того, что наемныя плакальщицы существовали въ Малороссіи, можетъ быть приведенъ рисунокъ изъ альбома француза Де-Ла-Флиза, относящійся къ началу XIX вѣка и изображающій малорусское погребеніе на саяхъ. Въ фигурахъ женщинъ, одѣтыхъ одинаково во все бѣлое и идущихъ рядами за гробомъ вмѣстѣ съ нищими, можно безошибочно видѣть не родственницъ покойнаго, а именно приглашенныхъ плакальщицъ¹⁾.

Второе положеніе референта, а именно, что малорусскія причитанія являются продуктомъ индивидуальнаго творчества, опровергается извѣстнымъ въ литературѣ матеріаломъ. Всѣ причитанія, сколько ихъ ни было напечатано у Метлинскаго, Чубинскаго и Милорадовича, очень однообразны и представляютъ небольшое количество опредѣленныхъ похоронныхъ формулъ-мотивовъ, которыми и пользуется причитающая женщина. Малорусскія причитанія отличаются однообразнымъ содержаніемъ, единствомъ стиля и повѣстическихъ представленій, что и создаетъ изъ нихъ опредѣленный, цѣльный видъ народнаго малорусскаго творчества. Объ индивидуальномъ творествѣ здѣсь не можетъ быть даже и рѣчи въ томъ смыслѣ, какъ понималъ его докладчикъ, т. е., что каждое отдѣльное причитаніе соответствуетъ каждому отдѣльному случаю смерти и погребенія.—Вопросъ объ украинскіхъ причитаніяхъ очень интересенъ и еще ждетъ своего изслѣдователя. Въ „Кіевской Старинѣ“ за 1904—05—06 гг. и въ „Украинѣ“ 1907 г. мы помѣстили рядъ очерковъ, посвященныхъ причитаніямъ, изъ которыхъ уважемъ двѣ работы: „Одна глава объ украинскіхъ похоронныхъ причитаніяхъ“ и „Символика птицъ и растений въ украинскіхъ похоронныхъ причитаніяхъ“.

Лучше была представлена малорусская этнографія на выставкѣ, устроенной при Съѣздѣ. Экспонаты были собраны особой экспедиціей Русскаго Музея Императора Александра III, Черниговской Архивной Комиссіей и частными лицами. Постройки, домашняя утварь, промыслы, одежда, все это было представлено полно и достаточно освѣщало народный бытъ. Особенное вниманіе обращали на себя не относящіяся къ малорусской этнографіи, но идущіе изъ Черниговской г. старинные женскіе костюмы стародубскихъ старообрядцевъ. Предметы, бывшіе въ этнографическомъ отдѣлѣ, описаны въ „Каталогѣ выставки“, изданномъ въ Черниговѣ.

В. Даниловъ.

¹⁾ Рисунокъ былъ напечатанъ въ „Кіевской Старинѣ“.

Первобытныя древности на XIV археологическомъ съѣздѣ.

Въ числѣ рефератовъ, поступившихъ на XIV археологическій съѣздъ, значительный интересъ представляли рефераты, прочитанные въ секціи первобытныхъ древностей, каковы: К. В. Хилинскаго—„Трипольская культура“, чешскаго проф. В. О. Пича „Типичныя черты городищъ въ предѣлахъ Чехіи“, И. Е. Евсѣева—„Раскопки по верхнему теченію р. Оки“, В. Д. Языкова—„О раскопкахъ въ окрестностяхъ Маяцкаго городища на Дону“, П. В. Селиванова—„По поводу производства раскопокъ и храненія добытаго матеріала“, В. Г. Ляскоронскаго—„Городища, курганы, майданы въ области днѣпровскаго лѣвобережья“, О. К. Волкова—„Палеолитическая стоянка близъ с. Мезени (Черниговск. г.)“, Л. Г. Лопатинскаго—„Находка мастерской бронзоваго вѣка на Кавказѣ въ области Курь“, А. М. Мартиновича—„Хозарское городище на р. Воронежѣ“, В. А. Городцова—„Раскопки Бѣльскаго городища и сопровождающихъ его кургановъ“, К. В. Болсуновскаго „Культъ предковъ по памятникамъ эпохи неолита“, В. А. Бабенко—„Соотношеніе верхне-салтовскихъ могильниковъ и могильниковъ сѣвернаго Кавказа“, А. А. Миллера „Археологическое обслѣдованіе устьевъ р. Дона“ и В. Е. Данилевича—„Раскопки въ Курской губерніи“. Съ захватывающимъ интересомъ былъ выслушанъ докладъ г. Хилинскаго о загадочной такъ называемой „трипольской культурѣ“, слѣды которой обнаружены В. О. Пичемъ въ Молдавіи въ Кукутенахъ, Г. Оссовскимъ—въ восточной Галиціи около Золотого Билча и В. В. Хвойко—близъ М. Триполья Бѣвской губ., а также близъ с. Крутобородицъ Летичевскаго у., Подольской губ. Докладчикъ приписывалъ эту культуру народу арійской расы и предлагалъ назвать ее географическимъ терминомъ „карпато-днѣпровской культурой“. По описываемая культура распространена также въ Азіи, въ Фессаліи—близъ древнихъ Сузъ, Асхабада, Мерва и проч. Вѣроятнѣе всего, за этими находками утвердится терминъ—„до-мивен-

ской культуры“, т. е. они встрѣчаются ниже предметовъ микенской культуры (въ Фессалии).

Обстоятельный докладъ чешскаго профессора В. О. Пича ознакомилъ русскихъ археологовъ со своеобразными городищами Чехіи, которыя можно раздѣлять по три категоріи: 1) городища съ валами изъ сплавленныхъ на огнѣ камней, 2) городища съ валами изъ камней, сложенныхъ безъ всякаго цемента и 3) городища съ земляными валами. По мнѣнію референта городища 1-й категоріи принадлежать только славянамъ, а не Боямъ, которымъ приписывали ихъ многіе ученые.

Заслуживаютъ быть отмѣченными доклады: О. К. Волкова — объ открытой незадолго до сѣзда палеолитической стоянкѣ на берегу р. Десны, близъ с. Мезеня; А. А. Миллера, которому удалось обнаружить слѣды древняго Танаиса на островѣ въ устьяхъ рѣки Дона и В. А. Городцова, внимательно изслѣдовавшаго Вѣльское городище Полтавской г., приурочиваемое докладчикомъ ко времени скифовъ.

При устройствѣ выставки древностей, добытыхъ изъ раскопокъ, предварительнымъ комитетомъ по организаціи сѣзда были заботливо собраны коллекціи изъ различныхъ древлехранилищъ (Старая Рязань, Кіевская губ., Полтавская, Харьковская, Курская, Тамбовская и др.), а также организованы спеціальныя раскопки въ с. Мезенѣ Кролевецкаго у. и въ мѣстечкѣ Воронежѣ, Глуховскаго у. Отдѣлъ первобытныхъ древностей, не будучи обширнымъ, заключалъ въ себѣ, однако, весьма интересныя коллекціи, каковы, напр., находки близъ с. Мезеня, Кролевецкаго уѣзда, а также замѣчательные сосуды трипольской культуры (изъ раскопокъ В. В. Хвойко), украшенные поразительно интереснымъ орнаментомъ. Перечень древностей, бывшихъ на выставкѣ, занимаетъ 54 страницы „Каталога“ (изд. подъ редакціей П. М. Добровольскаго) и 4 страницы „дополненія“ къ нему.

Ив. Абрамовъ.

Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ *).

(Продолженіе **).

2. Начала пастурели

Устранивъ возможность шеольнаго вліянія ⁵²⁾, равно какъ и искусственной организаціи данной пѣсенной схемы, мы хотѣли бы указать на крайне интересные факты обрядоваго порядка, которые, какъ намъ кажется, скорѣе могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи интересующей насъ формы.

Умыканіе или насильственный увозъ дѣвушки, сыгравшіе такую огромную роль въ исторіи брака, оставили, какъ извѣстно ⁵³⁾, глубокій слѣдъ въ современной брачной обрядности народовъ различнаго происхожденія и культурной формаціи. Свадебное дѣйство открывается сватовствомъ. Сваты приходятъ къ дому невѣсты обыкновенно вечеромъ и просятъ впустить ихъ, покормить коней ⁵⁴⁾. Они проѣзжіе ⁵⁵⁾ или странники ⁵⁶⁾. Но еще

*) См. Журн. Мин. Нар. Пров., 1901, № 12, часть CCCXXXVIII, отд. 2, стр. 250 и слѣд.: Припѣвъ и аналитическій параллелизмъ.

**) См. „Жив. Стар.“, вып. II, 1908 г.

⁵²⁾ Н. Reich, переоцѣнивающій значеніе греко-римскаго мима, видитъ его отраженіе не только въ пастурели, но разсматриваетъ всю вообще пасторальную поэзію Франціи, Италиі, Испаніи и др. какъ переживаніе его буколической формы. Опицъ и Г. Гаутманъ (Потонувшій колоколъ) замыкаютъ эту историческую цѣпь. Der Mimus, Ein litterarentwickelungsgeschichtlicher Versuch, т. I (Берлинъ, 1903), стр. 894.

⁵³⁾ E. Westermarck, Gesch. der menschlichen Ehe (нѣм. перев. Katscher и Grazer, Jena, 1893), стр. 384 сл.; M. Kulischer, Interkommunale Ehe durch Raub und Kauf въ Zs. f. Ethnol., X (1878), стр. 200 сл.; J. Kohler, Studien über Frauengemeinschaft, Frauenraub und Frauenkauf въ Zs. f. vgl. Rechtswiss., (Stuttg., 1883), V, стр. 334 сл.

⁵⁴⁾ Шейнъ, Русск. нар. п. (Москва, 1870), I, стр. 536, 548.

⁵⁵⁾ П. Чубинскій, Матер. и изслѣдов. (Спб. 1877), IV, стр. 599.

⁵⁶⁾ F. Kraus, Sitte und Brauch bei den Südslaven (1885), стр. 357, ср. его же Südslav. Sagen und Märchen, I, стр. 124—142; Шейнъ, о. с., стр. 599 (Волг. губ.).

чаще они называютъ себя охотниками. Они съ княземъ гнали звѣря, который, однако, ушелъ отъ нихъ и, какъ показывается слѣдъ, скрылся въ данномъ домѣ ⁵⁷⁾. Въ Полтавск. у. ⁵⁸⁾ отецъ невѣсты спрашиваетъ пришедшихъ къ нему на сватанье „старость“:

— А що ви за люди, и відкіля васъ Богъ приніс? Чи зъ далека, чи зъ близька? Може ви охотники які, а може вольні козаки?

— Ми люде німецки,—отвѣчаютъ старосты,—ідемо зъ землі турецької. Разъ дома у нашій землі випала пороша. Я й кажу товаришу: що намъ дивиться на погоду, ходімъ лишень шукать звіриноного сліду. Отъ и нішли. Ходили, ходили—нічого не знайшли; атъ—гульє! назустрічъ иде нашъ князь (молодой), підніма у гору плечі и говоритъ намъ таки речі: „Эй, ви, хлопці, добрі охотники! Будте ласкові, покажіть дружбу мені. Трапилась мені куниця, красная дівича. Не імъ, не пью и не сплю одъ того часу, та все думаю, якъ її достати? Поможіть її мені поймати“. Отъ ми й нішли по слідамъ, по всімъ городамъ, а все куниці не знайшли. Отъ якъ у це село війшли, тутъ упять випала пороша: ми вранці встали и таки на слідъ напали. Вірно що звірь нашъ та пійшовъ у двіръ вашъ, а зъ двору у хату, та й сівъ у кімнату. Тутъ и мусимо ёго поймати. Тутъ застряла наша куниця. Оце-жъ нашому слову конець, а ви дайте ділу вінець: оддайте нашому князю куницю—вашу красну дівичю. Кажить же діломъ, чи виддаєте, чи нехай ще підросте? ⁵⁹⁾ Въ Волынской и Подольской губ. сваты ищутъ телку. Этотъ послѣдній или аналогичные ему образы были переработаны и съ точки зрѣнія купли, измѣнившей основной мотивъ діалога — погоню. У лужичанъ сваты спрашиваютъ у отца невѣсты, нѣтъ ли у него продажной скотинки ⁶⁰⁾; поляки говорятъ о продажной коровѣ ⁶¹⁾, лужицкіе сербы ⁶²⁾ моравы ⁶³⁾,

⁵⁷⁾ Шейнъ, о. с., стр. 416.

⁵⁸⁾ Ср. свадьбу, записанную въ селѣ Ждановѣ у Чубинскаго, о. с., IV, стр. 581 сл.

⁵⁹⁾ Ср. тамъ же, стр. 59—60, 557—558 (Полт. губ.), 633 (Волынск. губ.).

⁶⁰⁾ М. Ковалевскій, Первобытное право, II, стр. 120.

⁶¹⁾ Жена—корова, Gajus—Gaja, см. F. Liebrecht, Zur Volkskunde (1879), стр. 423; сл. М. Ковалевскій, о. с., стр. 121. сл.; Сумцовъ, О свадьбахъ, стр. 22, 26.

⁶²⁾ Kulischer, о. с., стр. 225; Reinsberg—Düringsfeld, Hochzeitsbuch, стр. 168.

⁶³⁾ Kulischer, о. с., стр. 224.

ярославцы ⁶⁴⁾, жители Гродненской ⁶⁵⁾ и Сѣдлецкой губ. ⁶⁶⁾ — о телеѣ.

Та же форма сватовства, погоня, хорошо известна финнамъ и эстамъ. Въ діалогѣ сватовъ у православнаго населенія вост. Финляндіи (Карелии) мотивъ купли и погони (исканія) чередуются. Описаніе страны, изъ которой они являются, напоминаетъ нѣмецкихъ людей и турецкую землю малорусскаго сватанья ⁶⁷⁾. Сваты гонятся за лисицей, покупаютъ птицу. На вопросъ, бывали ли они когда либо въ этомъ краю, они отвѣчаютъ: „одинъ изъ насъ былъ здѣсь, да на отъѣздѣ потерялъ рукавицы (rukka-set), вотъ мы и пріѣхали сюда, чтобы поискать ихъ“. Разговоръ, происходящій внѣ избы, продолжается до тѣхъ поръ, пока не впустятъ въ комнату. У эстовъ сватъ, isamees, ищетъ обыкновенно пропавшую молодую корову (mulikas), темной или свѣтлой масти, въ зависимости отъ цвѣта волосъ невѣсты (въ районѣ Obergrahlen'a). Если предложеніе не желаютъ принять, то отвѣчаютъ отрицательно и всякій разъ настаиваютъ на томъ, что ничего о пропавшей не знаютъ. Въ противномъ случаѣ разговоръ поддерживаютъ разспросами со своей стороны: спрашиваютъ, напр., о масти коровы и т. п., разрѣшаютъ поискать ее въ домѣ, и невѣсту находятъ въ комнатѣ. Подробности различны, смотря по мѣстности. Такъ по словамъ Neus'a ⁶⁸⁾ сваты ищутъ иногда ягненка; Petri ⁶⁹⁾ говоритъ о розыскахъ теленка, овцы, гуся или какой нибудь другой птицы. Въ Дерптскомъ у. отыскиваютъ обыкновенно õhwaakene, Kùhstärke, или толкуютъ о покупке стога сѣна (Kuje), рѣже о подстрѣленной птицѣ, тетеревѣ ⁷⁰⁾. Въ приходѣ klein St. Johannis (у Obergrahlen'a) сваты держатъ приблизительно такую рѣчь: „мы послы турецкаго короля; у насъ случилась бѣда: улетѣлъ отъ насъ тетеревъ, и вотъ король въ безутѣшномъ горѣ. Тетеревъ пустился какъ разъ по этому направленію — не видали ли вы его?“ Сторона невѣсты отвѣчаетъ отрицательно. Но послы настаиваютъ: „Однако нашъ стрѣлокъ

⁶⁴⁾ ib d., стр. 225.

⁶⁵⁾ V. Bogišić, Pravni običaji u slovena (=III Književnik, Zagreb 1867), стр. 89.

⁶⁶⁾ Чубинскій, о. с., IV, стр. 671.

⁶⁷⁾ См. описаніе свадьбы д-ра А. О. Heikel'я, напечатанное у v. Schroeder'a. Hochgeitsgebräuche der Esten, стр. 243.

⁶⁸⁾ Neus, Estnische Volkslieder, стр. 240.

⁶⁹⁾ J. C. Petri, Ehstland und die Ehsten, II (Gotha, 1802), стр. 280, 281.

⁷⁰⁾ teder. См. v. Schroeder, о. с., стр. 225.

отлично видѣлъ, какъ онъ влетѣлъ въ вашъ домъ, въ окно коморы“ (гдѣ живутъ обыкновенно дѣвушки) и т. п. Въ концѣ концовъ имъ позволяютъ искать птицу и они выводятъ въ избу невѣсту. Въ концѣ XVIII в., въ пору крѣпостного права, подобныя рѣчи держали готовившіеся къ браку вѣсты своимъ помѣщикамъ⁷¹⁾. Они говорили также о пропажѣ коровы, телки, овцы и т. п., и на вопросъ, удалось ли имъ найти ушедшую скотинку, отвѣчали утвердительно и сообщали имя невѣсты.

У латышей сваты рассказываютъ о пропажѣ пастушки, гуся или какой-нибудь иной птицы, овцы, и просятъ ее выдать⁷²⁾. У мазуровъ свать ѣдетъ къ будущей невѣстѣ съ кочемъ капусты, который онъ даетъ предварительно обѣсть своему коню. „Къ намъ въ огородъ“, говоритъ онъ по пріѣздѣ, „забралась дикая коза (или просто коза), обгрызла капусту. Но я выслѣдилъ ее вплоть до вашего дома и хочу посмотреть на нее“. Родители дѣвушки выводятъ ее къ пріѣзжимъ⁷³⁾. Если въ Chrudim'ѣ⁷⁴⁾ сваты, пришедшіе по невѣсту, говорятъ, что пришли за кладомъ, сокровищемъ, которое спрятано въ домѣ, то пѣсня, которую поетъ женихъ на свадьбѣ въ Чехіи во время торжественнаго пляса о похищеніи рабчика ворономъ, переносятъ насъ къ прежнимъ зоологическимъ образамъ.

Венгерскій кѣгѣ, предводительствующій группой сватовъ, обращается къ отцу невѣсты со слѣд. вопросомъ: „красивый голубокъ улетѣлъ отъ насъ и опустился какъ разъ надъ вашимъ почтеннымъ домомъ; намъ очень хотѣлось бы знать, не видѣли ли вы его?“ — „Нѣтъ, вашей птицы мы не видѣли; есть у насъ голубокъ, только свой собственный. Ступайте своей дорогой дальше да поищите голубка въ другомъ мѣстѣ“. Сваты выходятъ, но скоро снова возвращаются и кѣгѣ повторяетъ свой вопросъ, къ которому онъ присоединяетъ обѣщаніе беречь голубка, если ему его отдадутъ, посадить его въ хорошую клѣтку. На это ему отвѣчаютъ, что сразу нельзя дать отвѣта, нужно обдумать дѣло, пусть онъ пока уходитъ. За этимъ слѣдуетъ новое возвращеніе, новый діалогъ въ стилѣ прежнихъ,

⁷¹⁾ Petri, о. с., стр. 283.

⁷²⁾ Reinsberg—Düringsfeld, о. с., стр. 20.

⁷³⁾ *ib d.*, стр. 203—204; (ср. аналогичные факты въ Зап. Пруссіи у v. Schroeder, о. с., стр. 39. Великорусскія параллели у Веселовскаго, Три главы, стр. 39—40).

⁷⁴⁾ *ib d.*, стр. 192.

пока вопросъ не окажется исчерпаннымъ и невѣста не будетъ представлена сватамъ ⁷⁵⁾).

Аналогичный обрядъ существуетъ у румынъ. Женихъ идетъ къ невѣстѣ въ сопровожденіи своихъ родителей, музыканта и сватовъ (petitori). Музыкантъ, скоморохъ по профессіи, обращается къ отцу невѣсты съ рѣчью: „дѣды наши и предки, охотясь, пришли нѣкогда случайно въ нашу страну, богатую молокомъ и медомъ. Слѣдуя ихъ примѣру охотился и нашъ молодой, NN, бродя по полямъ, лѣсамъ и горамъ. На пути своемъ онъ повстрѣчалъ робкую серну (лань), которая, испугавшись его, скрылась; но мы нашли ея слѣды, которые и привели насъ сюда. Вы должны выдать намъ ее или указать то мѣсто, гдѣ она скрывается, потому что преслѣдованіе ея стоило намъ большого труда и силъ“.—Въ отвѣтъ на это выводятъ обыкновенно бабу невѣсты или другую старую женщину и показываютъ ее пришедшимъ. „Не она ли?“—„Нѣтъ“, отвѣчаютъ тѣ, „у нашей красавицы золотые волосы, глаза сверкаютъ какъ брилліанты, зубы что жемчугъ, а алые губы напоминаютъ черешню. Видомъ она львица, ея шея бѣла какъ шея лебедя, пальцы нѣжны какъ воскъ, лицо сіяетъ подобно солнцу“ и т. п. Compliments тянутся безконечной вереницей, насколько хватаетъ воображенія говорящаго ихъ, пока наконецъ не выведутъ дѣвушку ⁷⁶⁾

Голубку ищутъ и сваты на Riviera della Castella, между Spalato и Трау, но соответствующій діалогъ приуроченъ къ другому моменту. Въ день свадьбы къ дому невѣсты направляется поѣздъ жениха со знаменосцемъ и главнымъ сватомъ (starisvat) во главѣ, который выстрѣломъ даетъ сигналъ къ выступленію. Необычайно яркая и красивая картина старой отмицы. Поѣзжане останавливаются передъ домомъ невѣсты, и отецъ ее спрашиваетъ: „кто тамъ?“—„Друзья“, отвѣчаютъ ему. „Зачѣмъ вы здѣсь съ этимъ поѣздомъ?“—„Мы знаемъ“, отвѣчаетъ starisvat, „что въ вашемъ дома скрывается нѣчто такое, чему здѣсь не мѣсто; мы ищемъ это“.—„Хорошо, входите и ищите“. Всѣ садятся за столъ, уставленный разными яствами и напитками. Поѣвъ сваты говорятъ: „ну, теперь мы поищемъ своего голубка, что спрятался въ этомъ домѣ“. Начинаются поиски. Имъ показываютъ самую старую родственницу въ домѣ: „это вашъ голубъ?“—„Нѣтъ, нашъ не таковъ“.

⁷⁵⁾ ib d., стр. 44—45.

⁷⁶⁾ ib d., стр. 53.

Наконецъ показываютъ невѣсту. „Не онъ ли?“ спрашиваютъ сватовъ снова. — Да, вотъ это и есть тотъ голубь, который улетѣлъ отъ насъ“. Дѣвушку отрываютъ отъ отца и уводятъ. Но на порогѣ сватовъ встрѣчаетъ толпа сосѣдей, собравшихся постоять за невѣсту. Завязывается примѣрный бой, прекращаемый уплатой выкупа, послѣ чего вся процессія направляется въ церковь⁷⁷⁾. На ту же тему о похищеніи голубка жалуется послѣ свадьбы и братъ невѣсты.

Въ приморьи Stagno, старой области Рагузы, отецъ жениха, являющійся сватомъ въ домъ невѣсты (dan prstenovanja), говоритъ ей отцу о красномъ цвѣтѣ, который онъ увидѣлъ, проходя мимо его дома, и который ему хочется пересадить въ свой садъ. Одну за другой показываетъ хозяинъ гостямъ своихъ дочерей—цвѣты, пока дѣло не доходитъ, наконецъ, до невѣсты, которой и вручается кольцо⁷⁸⁾. Точно также ищетъ эстонскій свать по сообщенію Neus'a⁷⁹⁾ цвѣтка, потеряннаго его спутниками; въ Приморьи Makarska предметомъ исканія представляется яблоко, играющее роль и въ соотвѣствующихъ обрядахъ французовъ. Оба ряда обрядовъ комбинируются въ жалобѣ испанской дѣвушки, которой она отвѣчаетъ на просьбу trobador'a, говорящаго отъ имени жениха: „я еще молода. Кто хочетъ оторвать голубка отъ матери, кто хочетъ сломать почку, которая не успѣла еще распуститься. Я не знаю тебя. Кто ты?“⁸⁰⁾. Въ Сардиніи, сохранившей много древнихъ традиціонныхъ обрядовъ и обычаевъ, отецъ жениха или опекунъ его проситъ у отца невѣсты уступить ему голубя или телку; голубь утѣшалъ бы его въ старости, телка была бы лучшимъ украшеніемъ его стада⁸¹⁾.

Символическое дѣйство, въ которомъ просвѣчиваютъ древнія отношенія умыканія, пристраивалось къ различнымъ моментамъ свадебной церемоніи, дававшимъ поводъ къ такимъ безсознательнымъ, лучше, игровымъ воспоминаніямъ старыхъ реальныхъ отношеній. Характеръ момента опредѣлялъ всякій разъ подробности игры, приурочивавшейся то ко вступительному эпизоду свадебной драмы—сватовству, то къ центральному ея моменту, ко дню свадьбы, когда поѣздъ жениха является къ невѣстѣ, чтобы взять ее подъ вѣнецъ, то къ заключающей дѣй-

⁷⁷⁾ i b d., стр. 80—81.

⁷⁸⁾ i b d., стр. 74.

⁷⁹⁾ о. с., стр. 240.

⁸⁰⁾ Reinsberg-Düringsfeld, о. с., стр. 263.

⁸¹⁾ i b d., стр. 94.

ство сценъ, свадебному пиру, послѣ котораго молодой хватается въ охапку новобрачную и бросается съ ней изъ дому; молодая вырывается отъ мужа, дѣвушки защищаютъ ее, но женихъ овладѣваетъ ею и уводитъ къ себѣ.

Соотвѣтственно съ этимъ чередуется и приуроченіе пѣсенъ, разрабатывающихъ обряды, навѣянные указанными бытовыми отношеніями. Мотивъ охоты очень часто лежитъ въ основѣ ихъ; какъ, напр., въ слѣд. записанной въ Щигровскомъ у. Кур-ской губ. ⁸²⁾:

Па подь небисью имень соколъ лятать...

Съ нею можно сопоставить свадебную Саратов. губ. исполняемую передъ невѣстой послѣ сговора:

Соколъ лебедь ловилъ... ⁸³⁾.

Въ эстонской свадебной пѣснѣ, приуроченной къ моменту, когда женихъ является къ невѣстѣ, чтобы ѣхать съ нею къ вѣнцу, и ее прячутъ, поется:

Hier ging hin des Vögleins Stimme;
Durch Gesträuch des Entleins Stimme,
Eben wie des Eichhorn Sprünge!
Hier gestanden hat das Vöglein,
Hat die Schuh geschnürt die Ente.
Thuet auf die weiten Thüren... ⁸⁴⁾

Въ Харьковск. губ. на заручинахъ (рукодаініи, руковини) поютъ небольшую пѣсню, иллюстрирующую моментъ своими охотничьими образами:

Вчера зъ вечера та порошенька впала... ⁸⁵⁾

Тѣ же образы, но въ иномъ положеніи, отвѣтять позже и другимъ обрядамъ символизирующимъ умыканіе: куница заблудилась въ лѣсу и проситъ соболя вывести ее ⁸⁶⁾. У бѣлоруссовъ такая пѣсня поется послѣ вѣнчанія, въ домѣ жениха или еще

⁸²⁾ Веселовскій, Психологическій параллелизмъ, стр. 44.

⁸³⁾ М. Соколовъ, Великорусск. свадебн. пѣсни и причтанія, записанныя въ Саратовской губ., (Саратовъ, 1898), стр. 1—2, № 2.

⁸⁴⁾ v. Schroeder, о. с., стр. 59.

⁸⁵⁾ Чубинскій, о. с., IV, стр. 84.

⁸⁶⁾ Потебня, Объясненіе малорусск. и сродн. нар. пѣс., II, стр. 344.

до сватовства⁸⁷⁾. Исполняемая на бѣлорусской свадьбѣ послѣ заручинъ: Ходила козынька по ламу...⁸⁸⁾ возвращаетъ насъ снова къ мотиву охоты.

Рядомъ съ нимъ уже самый обрядъ намѣчаетъ и другой мотивъ:—исканіе пропавшаго при тѣхъ или иныхъ условіяхъ; онъ шире прежняго, ибо онъ позднѣе: отсюда и большая пестрота образовъ связываемыхъ основными мотивами въ цѣлую картину. Сваты ищутъ телку, гуся, корову и т. п. Въ малорусской пѣснѣ⁸⁹⁾ рассказывается о потери парнемъ въ лѣсу козы, отыскивая которую онъ встрѣчаетъ дѣвушку. Та же ситуація въ одной литовской народной пѣснѣ. Молодецъ потерялъ коня; находитъ дѣвушку⁹⁰⁾. Коня заперли, но онъ вырвался и, бросившись въ садъ, откусилъ тамъ три цвѣтка руты.

Въ другой литовской пѣснѣ подробности разоренія произведеннаго конемъ иныя⁹¹⁾.—Основной мотивъ старый, но образъ коня указываетъ на новую точку зрѣнія пѣсни: искомое не женскій символъ, а мужской; отсюда идея выкупа.

Финалъ пѣсенъ приводитъ насъ къ новымъ символамъ брака, характеризующимъ все тотъ же моментъ насилія: ломаніе, топтаніе посѣяннаго, посаженнаго (сада, винограда, руты, проса и т. п.). Обобщившись они дали образъ разрушенія въ широкомъ смыслѣ. Цитированныя литовскія пѣсни лучше всего комментируются русской игрой въ „сѣянье проса“⁹²⁾; спутанность нѣкоторыхъ подробностей объясняется забвеніемъ смысла основного образа; игровое преніе овладѣло имъ и дало пѣснѣ иное направленіе, хотя въ конечномъ обмѣнѣ молодцемъ и дѣвицей сквозить совершенно опредѣленно первоначальная мысль игры. Конь, конечно, молодецъ. Богѣ прозаическая „Посѣяли

⁸⁷⁾ Шейнъ, Бѣлорусск. нар. пѣсни (Спб. 1874), стр. 323, № 556, 337, 601).

⁸⁸⁾ *ibid.*, стр. 460 № 28.

⁸⁹⁾ Я. Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси (Москва, 1878), III/1, стр. 343 № 76.

⁹⁰⁾ Вс. Миллеръ и Ф. Фортунатовъ, Литовск. нар. пѣсни (Москва, 1873), стр. 100—101, № XXXXVI.

⁹¹⁾ U G. H. F. Nesselmann, *Littauische Volkslieder* (Berlin, 1853) стр. 147 и 181. Ср также Соболевскій, Пѣсни, II, 222: у козака пропалъ конь; онъ находитъ его у корчмы, но на немъ оказывается дѣвушка.

⁹²⁾ Терещенко, IV, 307; Потебня, о. с., I, стр. 39 сл.; Веселовскій, Три главы, стр. 30—31. Ср. также игру (въ Risano) описанную Vrševičемъ въ его *Srpske narodne igre* (Бѣлградъ, 1868), стр. 29—30 и Fr. Krauss'омъ въ *Sitte und Branch der Südslaven* (Вѣна, 1885), стр. 147—148

дѣвки лень⁹³⁾ выражается яснѣе: парень повадился въ лень ходить:

Весь бѣлый лень притопталъ,
Маковочки прищипалъ,
Въ Дунай рѣчку побросалъ⁹⁴⁾.

Въ другомъ варьантѣ еще болѣе опредѣленные указанія:

Со льну цвѣты сорывалъ,
Два вѣночка совивалъ,
Въ Дунай рѣчку побросалъ⁹⁵⁾.

Ой ходила Марися по новиму двору,
Сіяла садъ-виноградъ съ приполю,
Забула воротечки заченити,
Ажъ мусіла батенька просити:
„Ой піди—жъ, мій батеньку, зачини воритця:
Яки приде Иванъ зъ боярами,
То витопче садъ-виноградъ кониками“⁹⁶⁾,

поется въ Новоградъ-волинскомъ уѣздѣ на заручинахъ. Въ великорусской пѣснѣ⁹⁷⁾ молодецъ обѣщаетъ выкупъ дѣвицѣ за потоптанный его конемъ садъ. Въ связь съ этими образами и отмѣченными выше литовскими пѣснями нужно поставить и крайне интересную эстонскую игру, стоящую, правда, внѣ свадебнаго обряда, но рядомъ съ игровыми пѣснями. Г. Калласъ приводитъ описаніе ея въ приложеніи къ своей работѣ⁹⁸⁾. Играющіе разбиваются на три группы: одни становятся въ кругъ, другіе входятъ внутрь его, третьи остаются внѣ. Затѣмъ начинается діалогъ между двумя послѣдними группами. (Приношу за содѣйствіе въ переводѣ текстовъ искреннюю благодарность лектору А. Игельстрѣму и проф. І. Миккола):

„Сынъ мой, ты, чтѣ сторожишь коней (hoburine=Pferde-wächter), не видѣлъ ли ты моего коня, бродящаго въ туманный день, разгуливающаго въ дождливый день?“ — „Какой масти

⁹³⁾ Плясовая и вечериночная, см. Соболевскій, о. с., III, №№ 472—478.

⁹⁴⁾ ib d., № 477.

⁹⁵⁾ ib d., № 474.

⁹⁶⁾ Чубинскій, о. с., IV, стр. 70—71, № 19. Ср. Nesselmann, о. с., № 49.

⁹⁷⁾ Шейнъ, Русск. нар. п., 148—150.

⁹⁸⁾ O. Kallas, Die Wiederholungslieder der estnischen Volkspoesie (1901), I. Ср. мою замѣтку въ Журн. Мин. Нар. Просв., т. 342 (1902), № 8, отд. 2, стр. 442 сл.

твой конь? — „Утромъ масть его, что молодой посѣвъ; на зарѣ — что золото; въ сумеркахъ — что закатъ солнца (vietti?); днемъ — что разсвѣтъ; въ полдень — что (мясо) семги“. — „Конь твой прошелъ дорогою дѣвушекъ (проходъ между двумя изгородами), новой улицей: много бѣды натворилъ онъ, когда уходилъ, много бѣды натворилъ онъ и въ другой разъ, когда приходилъ: онъ испортилъ свой хомутъ, испортилъ гужи, повредилъ желѣзные ворота, опрокинулъ полъ-тонны меду, погрызъ (цѣлый) ларь грѣховъ. Зѣвая (конь твой) сломалъ оглобли, мотнувъ головой, — разорвалъ узду. Загремѣлъ жемчужный конь, загремѣло на дорогѣ (обставленной) плоскими камнями, затрепала вязовая дуга“. Ржи, ржи, конь (мой) мышиной масти, зови, меринъ, купцовъ, ржи, зови своего хозяина, зови (громко) того, что скачетъ на твоей спинѣ, ржи подъ хозяиномъ, кричи подъ купцами!

Аналогичную игру мы встрѣчаемъ въ Финляндіи (стр. 358 сл.):

— Съ уздой на плечахъ, я ищу лошадку, уздечка жеребенка (у меня) за спиной. Если ты конь моего отца, — ржи, чтобы я могъ тебя слышать, ступай домой въ овсу, въ овсу, что шуршить; ступай домой въ сѣну, въ хрустящему сѣну. Сломай хворостаную изгородь, сломай изгородь, вѣтвящую, какъ желѣзо; сломай хворостаную изгородь, опрокинь изгородь жердяную! Hette, lette, бросай прочь, taari, laari, начинаю снова! — Въ Эстляндіи, на Эзелѣ, Монѣ и въ Перновскомъ уѣздѣ (Pärnumaa) цитированный выше текстъ игры развился въ балладу, введеніе въ которую совершенно тождественно съ началомъ пѣсни объ „украденномъ поцѣлуѣ“ (II, 7). Дѣвушка (или дѣвушки) собираютъ въ лѣсу вѣтви для вѣнковъ. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ дѣвушка названа по имени, Anu, Viru neitsike, Sula Salmi п., Salvi или Salme (последнія имена, очевидно, подъ влияніемъ крайне интересныхъ и ждущихъ еще разъясненія пѣсенъ о Salme, выросшей изъ курицы, за которую послѣдовательно сватаются солнце, мѣсяцъ и звѣзды. См. Fennia, I, с. № 2). Слѣдуетъ описаніе встрѣчи съ парнемъ, отыскивающимъ своего коня (вар.: парень названъ Ot't' otmus, osmus или ohmus poisikene). Діалогъ скалькированъ съ текста игры. Въ другихъ вариантахъ дѣвушка рассказываетъ о томъ страшномъ разгромѣ, который конь произвелъ въ домѣ ея отца (сѣденъ весь хлѣбъ, выпито нѣсколько бочекъ пива и т. п.). Парень предлагаетъ возмѣститъ убытки и дѣлаетъ дѣвушкѣ предложеніе. Иногда, оказывается, что конь запертъ въ конюшнѣ и можетъ быть возвращенъ лишь подъ условіемъ выкупа или же дѣвушка прямо заявляетъ парню, предугадывая

его намѣренія: „ты не коня ищешь, ты, злой человѣкъ, вздумалъ свататься за меня. Но у насъ такой обычай: объ этомъ говорить только въ присутствіи отца и матери“.

Въ цѣломъ рядѣ вариантовъ перемѣщены роли: отыскиваетъ коня не парень, а дѣвушка; очевидно забылся смыслъ первоначальнаго образа. Въ пинской свадебной пѣснѣ ищутъ голубки (утки), она ушла въ очеретъ; дѣвушки ищутъ молодой, она ушла уже въ клѣтъ (она уже въ домѣ жениха):

Ключами забражджела,
А сукиными зашастѣла⁹⁹⁾.

То же обобщеніе ситуаціи въ массѣ литовскихъ, великорусскихъ, малорусскихъ и другихъ пѣсенъ. Дѣвушка пасла коней:

Красная панна малада Ганна кони пасэ,
поется въ бѣлорусской волочебной пѣснѣ¹⁰⁰⁾, или въ безымянной малорусской¹⁰¹⁾:

Ой, за газмъ зелененькимъ
Пасла дівка коні ворони,
А насучи загубила...

Также въ пѣсняхъ польск. и моравск.¹⁰²⁾. Въ другихъ рѣчь идетъ о пастыбѣ воловъ, образъ, который не выводитъ насъ еще за предѣлы символики коня; ср. образъ воловъ въ плугѣ¹⁰³⁾. Такъ въ малорусской колядѣ:

Пасла Ганнуса воли...¹⁰⁴⁾,

или литовск. пѣснѣ у Юшкевича, *Liet. dainos*, II № 1015. Гораздо распространеннѣе образы, которые мы уже встрѣтили въ рѣчи сватовъ во время перваго ихъ пріѣзда въ домъ невѣсты, если только они не позднѣйшія черты, внесенныя въ данныя рамки. Въ великорусскихъ пѣсняхъ встрѣчаются овцы¹⁰⁵⁾, но особенно гуси, лебеди¹⁰⁶⁾.

⁹⁹⁾ Веселовскій, Психологич. параллелизмъ, стр. 28.

¹⁰⁰⁾ У Шейна, Бѣлор. нар. п., стр. 101—102.

¹⁰¹⁾ У Чубинскаго, о. с., V, стр. 1073.

¹⁰²⁾ Kolberg, Lud, I, 133; Sušil, Mor. nar. p. 155.

¹⁰³⁾ Головацкій, о. с., II, 435, 760.

¹⁰⁴⁾ i b d., IV 86—87, 133, II 144, III 228 сл.; Чубинскій, о. с., V, 908.

¹⁰⁵⁾ Соболевскій, о. с., II № 48; у малороссовъ также просто стадо, ср. колядку у Головацкаго, о. с. II 75.

¹⁰⁶⁾ Соболевскій, о. с., II 49—57, V 742—746; въ малорусской—павы у Головацкаго, о. с., III/2 № 29—колядка.

Кое гдѣ сохранился мотивъ выкупа¹⁰⁷⁾; другія пѣсни останавливаются еще на мотивѣ исканія, причемъ мысль очень часто проходитъ впередъ отъ желанія или ожиданія къ исполненію, такъ что не исканіе пронавшего приводитъ къ встрѣчѣ съ женихомъ, къ браку, а, наоборотъ, находка становится возможной, такъ какъ рѣшенъ главный вопросъ: ни отецъ ни мать, ни братъ не могутъ отыскать пронавшего стада, пока дѣвушка не приходитъ въ голову обратиться къ милому:

„Піди милейкий стада глядати!“

Мілейкий пішовъ, стадайко найшовъ.

Ліпший милейкий, якъ братъ ріднейкий!¹⁰⁸⁾.

Такую же метаморфозу встрѣчаемъ мы и въ пѣсняхъ о садѣ. Не тотъ кто придетъ и силой овладѣетъ садомъ и его плодами станетъ мужемъ, суженымъ; дѣвушка сама даетъ яблоко милому, отказывая въ томъ отцу, матери и роднымъ. Такая перестройка мотива въ болѣе мягкомъ и гуманномъ смыслѣ отвѣтила, очевидно, новымъ бытовымъ запросамъ и воззрѣніями.

Разложеніе старой схемы шло и другимъ путемъ.—Вниманіе останавливалось преимущественно на финальномъ эпизодѣ встрѣчи, остальное рассматривалось какъ введеніе, какъ поводъ къ ней. Къ этому вела оторванность пѣсни отъ обряда, вызывавшая трактовку ея какъ баллады, какъ пѣсни о нѣкогда реальномъ фактѣ. Такъ въ литовской пѣснѣ у Фортунатова — Миллера, стр. 116—117, № LIV, 2 и 1 (ср. 114—115—№ 1)¹⁰⁹⁾—пастыба только аксессуаръ, фонъ, на которомъ разыгрывается любовная сценка. Въ одной великорусской пѣснѣ¹¹⁰⁾ дѣвушка сгоняетъ своихъ гусей-лебедей, собираясь идти домой; но

...гуся не табунятыся,

По бережку разбѣгаются,

По кустикамъ разлетаются.

Ненужная подробность, такъ какъ ниже оказывается, что она

Собрала гусей, домой пошла.

¹⁰⁷⁾ Бѣлорусск. волочебная у Шейна, Бѣл. нар. п. 101—102; Kolberg, Lud, I 133, Széil, о. с., 115.

¹⁰⁸⁾ Колядка дѣвушки, Головацкій, о. с., II 75.

¹⁰⁹⁾ Ср. малорусскую пѣсню у Головацкаго, о. с., III/1, стр. 174—175, № 48 и стр. 182, № 57.

¹¹⁰⁾ Соболевскій, о. с., II 52, 49.

Остается только пастушеская, обстановка, которая вовсе не предваряетъ дальнѣйшаго: aoristus могъ имѣть мѣсто и при другихъ обстоятельствахъ.

Погоню овечку
За быструю рѣчку,
За калиновъ частый мостикъ.
На встрѣчу младенькѣ
Донской молодой казакъ ¹¹¹⁾.

Діалогъ обыкновенно развитъ слабо; завязываетъ его молодецъ ¹¹²⁾.

Форма изложенія пѣсни можетъ быть, при способности народной пѣсни мѣнять этого рода оттѣнки ¹¹³⁾, и „личной“, и „объективной“.

Такой схемой могли овладѣть французскіе пѣвцы, развивши подъ вліяніемъ популярных *débats* зародышъ діалога, и обративъ ее въ позднѣйшую пастурель. Къ этому уже шла и народная пѣсня, сосредоточившаяся на моментѣ любовнаго *débat*; пасторальные элементы стали шаблоннымъ вступленіемъ. Женская по-преимуществу пѣсня (почти во всѣхъ вариантахъ этого типа въ центрѣ женщина) была снова переработана съ точки зрѣнія мужчины.

Не только на почвѣ Франціи, о которой идетъ рѣчь, но и на почвѣ Германіи или Италіи мы напрасно искали бы народныхъ пѣсенъ, аналогичныхъ тѣмъ, которыя приводили сейчасъ, и которыя всѣ записаны въ восточной половинѣ Европы. Въ обширномъ сборникѣ *Erg-Böhme* ¹¹⁴⁾ мы встрѣчаемъ одну пастурель, которой имѣются нѣсколько вариаций ¹¹⁵⁾. Обстановка обычная для французской пастурели, несмотря на народный характеръ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей. Ситуація одной изъ первыхъ пьесъ того же сборника, можетъ быть, также навѣяна пастурелью. Пѣсня рассказывала о похищеніи пастушки Рюбецалемъ, явившимся въ образѣ рыцаря (Силезія). Въ діалогѣ оригинала дѣвушка говоритъ на силезскомъ діалектѣ, Рюбецаль —

¹¹¹⁾ Соболевскій, о. с., II 48.

¹¹²⁾ Казакъ, I. с.; молодой парень II 49, 52, 54, 55, солдатъ 51, сержанъ 53, лакей 50 и даже дворянскій сынъ 57. Только въ V 742 на сценѣ милый. Дворянчикъ, можетъ быть, не безъ вліянія пастурелей, прошедшихъ съ Запада, пѣсенъ вроде „Вышелъ баринъ изъ лѣсочка“.

¹¹³⁾ Ср. Соболевскій, II 631.

¹¹⁴⁾ *Deutscher Liederhort*, Lz. 1893—1894.

¹¹⁵⁾ I 26: *Reiter und Hirtenmädchen*. сл. стр. 442.

на литер. нѣм. языкѣ ¹¹⁶⁾. Источникъ пьесъ этого типа свозить и въ подробностяхъ французскихъ „народныхъ“ пастурелей. Герой оказывается бариномъ ¹¹⁷⁾, кавалеромъ ¹¹⁸⁾, рыцаремъ ¹¹⁹⁾, королевскимъ сыномъ ¹²⁰⁾, лѣсничимъ ¹²¹⁾, охотникомъ ¹²²⁾; въ финалѣ одной пастурели Наурт'а ¹²³⁾ рѣчь идетъ о замкѣ и т. п. Въ одной изъ очень популярныхъ пьесъ этого рода, напечатанной Гастономъ Парисомъ ¹²⁴⁾, дѣвушка называетъ своего собесѣдника *sire*; на общественное положеніе ея нѣтъ прямыхъ указаній, но общій характеръ пьесы—обычный тонъ куртуазной пастурели. Тоже можно сказать и о №№ IV и LX сборника Париса. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ чувствуется литературный прототипъ ¹²⁵⁾, сказывающійся и въ цѣломъ рядѣ народныхъ пастурелей, записанныхъ недавно ¹²⁶⁾.

Обстановка и подробности знакомы намъ хорошо изъ сборника Bartsch'а. Пастурели XV в. въ этомъ отношеніи ближе всего къ ихъ средневѣковымъ параллелямъ. Обычную форму зачина: *L'autrier quant je chevauchois* ¹²⁷⁾ или тождественную ей мы не найдемъ въ сборникѣ Наурт'а, древнѣйшая изъ пастурелей котораго (*Mon règne m'envoüe*, p. 100) заимствована изъ пѣсенника 1538 г., не говоря уже о новѣйшихъ собраніяхъ

¹¹⁶⁾ Другія пѣсни, изображающія аналогичныя встрѣчи, примыкаютъ скорѣе къ прототипамъ *chansons à personnages*. Ср. I 70, 73; I 120, 121, 123a и b, 125, 204a; II 437, 438, 440, 443, 444; II 517; III 1295; III 1436, 1437, 1450. См. также *Des Knaben Wunderhorn* III 305; Haupt und Schmäler, I 79; Arwidsson, *Svenska Fornsånger*, III p. 271; Weddigen, *Gesch. d. d. Volksdichtung* (Висбаденъ, 1891), стр. 207, 212—213.

¹¹⁷⁾ J. Tiersot, *Histoire de la chanson popul. en France* (Парижъ, 1889), стр. 54.

¹¹⁸⁾ J. Bujeand, *Chants et chansons popul. des provinces de l'Ouest etc.* (Niort, 1866), I стр. 311—312, ср. E. Rolland, *Recueil des chansons populaires* (Парижъ, 1883—1887) I xcm, lxi и II стр. 124.

¹¹⁹⁾ *Chevalier tout en blanc*, Haupt, *Französische Volkslieder*. (Lz., 1877), p. 141; ср. Bujeand, о. с., p. 309—310, 312 var.

¹²⁰⁾ Bujeand, о. с., стр. 109—110; ср. Rolland, о. с., I cxxi и II стр. 144 сл.

¹²¹⁾ *Forestier du roi*, Haupt, о. с., p. 129; Rolland, о. с., I ш, ср. II стр. 22 сл.

¹²²⁾ Bujeand, о. с., стр. 213—214, 215—216, ср. стр. 207—208, 209—210, 211, 212, 213.

¹²³⁾ о. с., стр. 110—111.

¹²⁴⁾ *Chansons du XV siècle* (Парижъ, 1875, SATFr). № lxxiii.

¹²⁵⁾ Ср. №№ IX, XXIX, L, CXVI.

¹²⁶⁾ Ср. Bujeand, о. с., стр. 254—255, 266—267; Rolland, о. с., I, lxi.

¹²⁷⁾ Сборникъ Париса №№ XXIX, ср. *IV, VI, IX, XXIX, L, LX, *LXIII, CXVI.

народныхъ пѣсень. Описаніе внѣшняго вида пастушки сведено до простыхъ ничего не говорящихъ эпитетовъ, какъ *gaie* ¹²⁸), *jeune* ¹²⁹), *belle au sucg plaisant*, *belle* ¹³⁰), *jolie* ¹³¹), *aimable*, *d'une aimable beauté* ¹³²). Начальныя стихи Rolland, LXI, поэтому, поневолѣ останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя:

Quant la bergère s'en va-t-aux champs
Bien peignée, bien coiffée,
Sa quignollette à son joli côté...

Характеристика его еще болѣе скудна; короткимъ и сухимъ *beau valet* ¹³³) исчерпывается описаніе въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ разсказъ ведется отъ лица пастушки. Никакихъ указаній на время встрѣчи ¹³⁴), его настроеніе и даже на мѣсто встрѣчи ¹³⁵): ситуація предполагается извѣстной. Сравнительно чаще встрѣчаются указанія на занятія ея въ данный моментъ: она поетъ и плететъ вѣнокъ ¹³⁶);

Je fleuris ma houlette
Tout pleine de fleurs...

говорится въ другой современной пастурели изъ Оверни ¹³⁷). У Haupt'a, стр. 129, дѣвушка собираетъ фіалки. Центръ тяжести интереса сосредоточивается въ діалогѣ, которому, поэтому, и отведено главное мѣсто. Подробности, которыя мы встрѣтимъ въ предѣлахъ его, нами уже знакомы: эпизодъ съ волкомъ мы находимъ въ сборникѣ Париса, XXIX, у Haupt'a стр. 129, Rolland III; на настойчивыя просьбы героя она отвѣчаетъ болѣе или менѣе рѣзкимъ отказомъ ¹³⁸), или ссылкой на недосугъ ¹³⁹) или на то, что любить другого ¹⁴⁰), шуткой ¹⁴¹). Но страстныя

¹²⁸) i b d., №№ XXIX. CXVI.

¹²⁹) i b d., №№ LXIII, XCIII c.

¹³⁰) i b d., № LX.

¹³¹) Rolland, I ind, xa, LXIb.

¹³²) i b d., XCIII d.

¹³³) Haupt, o. c., p. 110. Cavalier tout en blanc, i b d., стр. 141.

¹³⁴) Вечеръ—сборникъ Париса, №№ LX и *LXIII; май—i b d., № LXIII.

¹³⁵) Кратко у Париса LXIII, LX, XXIX, CXVI, VI, IV; Haupt, стр. 129, 141; Rolland LXI.

¹³⁶) Сб. Париса, CXVI.

¹³⁷) Rolland Ха.

¹³⁸) Сб. Париса III, VI, LXIII.

¹³⁹) i b d., XXIX.

¹⁴⁰) Rolland, XCIII; Vujeaud, II, стр. 311—312.

¹⁴¹) Rolland Ха и б.

рѣчи, импровизируемы неожиданнымъ поклонникомъ начинаютъ въ концѣ концовъ заражать ее: она проситъ его говорить тише: иначе отецъ или мать ихъ услышатъ ¹⁴³); она готова почти уступить, но нѣтъ, она дастъ ему только поцѣлуй ¹⁴³); еще одно, послѣднее усиліе съ его стороны и дѣло кончается или согласіемъ ея ¹⁴⁴) или насиліемъ въ случаѣ упорства или нерѣшительности дѣвушки ¹⁴⁵). „Типическая“ форма пастурели—единственная вошедшая въ обиходъ народной пѣсни; это объясняется контрастомъ, на которомъ она построена и который могъ заинтересовать, существованіемъ аналогичныхъ схемъ въ составѣ народной поэзіи, и можетъ быть, наличностью прототипа пастурели. Сценки не пережили эпохи литературнаго интереса къ пастурели, что объясняется, конечно, характеромъ ихъ содержанія. Правъ ли послѣ этого Гастонъ Парисъ, считавшій возможнымъ признать и за ними народные оригиналы, переработанные наравнѣ съ пастушескимъ *contrasto*?

Бое-гдѣ привычныя пѣсенныя приемы измѣнили традиционный обликъ пастурели (ср. сб. Г. Париса I, II, III), но переработка коснулась только формы, внѣшней организаціи, въ которую внесены были типическія для народной пѣсни черты отрывочности, полудосказанности, неустойчивости точки зрѣнія, съ которой передается содержаніе пьесы и т. п. Самымъ яркимъ признакомъ вулгаризаціи этой формы нужно признать несомнѣнно обращеніе ея въ женскую пѣсню. Еще въ сборникѣ Г. Париса всѣ пастурели сложены съ точки зрѣнія героя. Пьесы Haupt'a, — всѣ безъ исключенія женскія пѣсни; въ сборникахъ Bujeaud и Rolland чередуютъ формы изложенія объективная ¹⁴⁶) съ женской ¹⁴⁷) и мужской ¹⁴⁸), но женская преобладаетъ. — Въ Германіи пастурель мало популярная въ эпоху ея расцвѣта во Франціи, среди пѣвцовъ рыцарства, почти неизвѣстна въ народѣ; во Франціи она демократизовалась, если не въ составѣ своемъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ предметъ литературнаго обмѣна. При всемъ томъ, мы были бы, однако, далеки отъ мысли утверждать категорически на основаніи

¹⁴³) Rolland IIIa и IIIb.

¹⁴⁴) i b d., IIIc.

¹⁴⁵) Сб. Париса, II, IV, LX; Haupt, стр. 110.

¹⁴⁶) Rolland LXIa и b; сб. Париса, I.

¹⁴⁷) Bujeaud I, стр. 254—255, 266—267; Rolland, Xb, LXI, IIIc и d.

¹⁴⁸) Bujeaud, I, стр. 109—110, 309—310, II 311—312, 313; Rolland, IIIa и b CXXI.

¹⁴⁹) Bujeaud, I, стр. 209—215; Rolland, XCIII.

приведенныхъ фактовъ, что за пастурелью не стоитъ никакой народной схемы, что она искусственный во всѣхъ отношеніяхъ литературный продуктъ, какъ это дѣлаетъ Е. В. Аничковъ ¹⁴⁹). Записи народной пѣсни слишкомъ поздны для того, чтобы можно было строить на нихъ широкія обобщенія. Да и вызваны они, конечно, прежде всего литературными, эстетическими запросами: слѣд. полународность сборника Г. Париса столько же въ его составѣ, сколько, очень возможно, и въ качествѣ записи; припомнимъ народныя пѣсни эпохи Макферсона и романтиковъ. Все это требуетъ большой осторожности въ оцѣнкѣ матерьяла, выдаваемого и принимаемого за народный. — Не объясняется ли популярность пастурели во французской народной поэзіи тѣмъ, что почва была подготовлена аналогичными мотивами, т. е. въ пору, недоступную нашему анализу, общепѣсенныя схемы стояли рядомъ.

Предполагая существованіе народнаго прототипа пастурели во Франціи мы опираемся прежде всего на распространенность въ Европѣ того обряда сватства, который отражается въ указанныхъ выше пѣсняхъ. Правда, на существованіе подобнаго обряда во Франціи нѣтъ прямыхъ указаній, но его можно предположить рядомъ съ многочисленными свадебными обрядами, представляющими собой переживаніе насильственнаго увоза жены ¹⁵⁰). Помимо обряда важно существованіе въ этой части Романіи множества образовъ отражающихъ въ себѣ древнія брачныя отношенія, образовъ, которые извѣстны не только всюду въ Европѣ, но и далеко за предѣлами ея. Растительные, цвѣточные символы преобладаютъ, что объясняется отчасти бытовыми условіями, отчасти вліяніемъ средневѣковой поэзіи на народную. Но съ ними чередуются и такіе, которые стоятъ ближе къ образамъ нашей гипотетической пастурели. Садъ садить, жать, полоть, ломать цвѣты, розу, сучья—безконечной вереницей таятся черезъ пѣсни и игровыя дѣйства Франціи, Германіи и т. д., въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и сочетаніяхъ. Встрѣча молодца съ дѣвушкой на лугу въ тотъ моментъ, когда она ломаетъ розу, въ лѣсу, когда она собираетъ вѣтки, въ саду,—популярны по обѣ стороны Рейна не

¹⁴⁹) Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ, I, (Спб. 1904), стр. 12 сл., особ. 14.

¹⁵⁰) См. Reinsberg-Düringsfeld, о. с., стр. 245 сл.: Laisnel de la Sale, *Le Berry. Moeurs et coutumes* въ *Les littér. pop. de toutes les nations*, т. XLIV (Парижъ, 1902), стр. 54 сл. Ср. также пѣсню у Rolland, I Lxi.

менѣе, чѣмъ въ Великороссіи или вост. Финляндіи. Схему нѣм. пѣсни *Die schöne Holzlerin*¹⁵¹⁾ мы видимъ въ лат.-нѣм. пьесѣ *Carmina Burana*¹⁵²⁾. Съ французскими *chansons à personnages*, въ которыхъ поэтъ рассказываетъ о своей встрѣчѣ съ дамой *pres d'un vergier* (I 49), *en un jardin* (I 64), *de joste un vergier* (I 68) и др. могутъ быть сопоставлены, если не французскія же пьесы вроде *En allant au bois*¹⁵³⁾, ибо можно спорить о ихъ народномъ происхожденіи¹⁵⁴⁾, или нѣмецкія пѣсни о розовомъ саду и встрѣчѣ въ лѣсу¹⁵⁵⁾, то по крайней мѣрѣ великорусскія о дѣвушкѣ, которая въ саду крапиву жнетъ, цвѣты собираетъ, грушу ломаетъ и т. п.¹⁵⁶⁾. Обстановка французскихъ *chansons à personnages* постоянная, такъ какъ передъ нами символъ обратившійся въ формулу; это не изобрѣтенная жонглерами рамка для *contrasto*. Последнее могло быть въ предѣлахъ даннаго мотива сопутствующей формой, другой стороной „объективной“, выражаясь французскимъ терминомъ пѣсни, если предположить (что вполне вѣроятно) существованіе рядомъ съ послѣдней тождественной съ ней по содержанію игры. Слабое развитіе діалога, сказывающееся подчасъ въ чисто формальномъ присутствіи поэта, почти перестающимъ быть героемъ описываемаго, объясняется не тѣмъ, что схема эта вышла изъ монолога, въ которому искусственно приращивали потомъ, какъ думалъ Г. Парисъ разныя детали, но 1) тѣмъ что данная пѣсенная форма была далеко не такъ популярна какъ пастурель, и 2) одностороннимъ увлеченіемъ таймагіею съ ея естественнымъ послѣдствіемъ тяготѣніемъ къ ламентациі, т.-е. монологу. Въ цитированныхъ русскихъ пѣсняхъ рѣчь идетъ о дѣвушкѣ, но иногда описывается и ухаживаніе за замужней. Это приводило къ мотиву о несчастномъ бракѣ, популярному въ народной поэзіи, далеко за предѣлами Франціи, какъ на то справедливо указалъ Г. Парисъ *Cesageo*¹⁵⁷⁾. Изолированная народ-

¹⁵¹⁾ *Erk-Böhme*, I 73.

¹⁵²⁾ С. В. 145 (р. 216). Ср. финскія пѣсни объ Айно и ихъ эстонскія параллели (*Kallas*, о. с.).

¹⁵³⁾ *Bujeaud*, I, стр. 244—246, вар. *ib d.*, стр. 248—251, 251—253; *E. de Beaurepaire*, *Etudes sur la poésie pop. en Normandie*, (1856): *Chanson de l'oranger* *Tiersot*, о. с., стр. 46, 52—53; сборникъ Париса, № LXXXI.

¹⁵⁴⁾ Ср. *Bujeaud*, II, стр. 171—173; сл., впрочемъ, I стр. 57, *Rolland*, I LXI и II стр. 98 сл., I схм.

¹⁵⁵⁾ *Erk-Böhme*, I 68a и II 57; ср. I 70, 121, 141, II 40, 443, 444 и др.

¹⁵⁶⁾ Соболевскій, IV 281—284.

¹⁵⁷⁾ *Origini della poesia lirica*, стр. 64 и сл.

но-пѣсенная ситуація могла легко обобщиться въ средѣ, въ которой культъ дами являлся протестомъ чувства противъ замыкавшей его дѣловой или необходимой сдѣлки.

Мы отошли нѣсколько отъ нашей прямой задачи, хотя, въ сущности, отмѣченная связь образовъ смоглабыть гораздо шире. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣмецкой поэзіи хорошо знакомъ образъ оленя, топчущаго садъ ¹⁵⁸⁾; французы поютъ о королевскомъ сынѣ, убившемъ утку дѣвушки ¹⁵⁹⁾; въ другой пѣснѣ молодецъ рассказываетъ о томъ, какъ онъ застрѣлилъ жаворонка, чтобы изъ перьевъ его сдѣлать подушку себѣ и своей Jeannette ¹⁶⁰⁾. Я не говорю уже объ образахъ сокола, голубя. Наконецъ и мотивъ выхода изъ затруднительнаго положенія съ помощью человѣка, который въ награду требуетъ любви отлично знакомъ французской народной пѣснѣ ¹⁶¹⁾.

Нѣтъ, такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, достаточныхъ основаній отрицать существованіе на почвѣ Франціи тѣхъ пѣсенныхъ схемъ, которыя при извѣстныхъ условіяхъ развились въ художественную форму пастурели. Всѣ необходимыя для нея матеріалы могли быть собраны и обработаны затѣмъ жонглерами, тѣмъ болѣе что обрядовое значеніе мотива обезпечивало, въ извѣстной мѣрѣ, его сохранность; рядомъ съ лирической формой въ самой рыцарской средѣ могла еще исполняться отвѣчающая ей игра, которую есть полное основаніе предполагать при условіи обрядоваго толкованія пѣсенной схемы.

В. Шимаревъ.

¹⁵⁸⁾ In meinem Garten geht ein Hirsch, Tritt nieder alle Blüthen; см. Вецеловскій, Психологическій параллелизмъ, стр. 12.

¹⁵⁹⁾ Bujeaud, I стр. 134, вар. стр. 135; ср. Haupt, стр. 41; Rolland, I cxxvi, II стр. 147.

¹⁶⁰⁾ Bujeaud, I, стр. 139.

¹⁶¹⁾ Ср. Rolland, I xliiv, 1; II, стр. 95 сл.

Къ вопросу объ общинѣ у зырянъ.

(По поводу статьи г. М. А. Большакова).

(Окончаніе).

Г. Большаковъ, приведя первую, помѣщенную выше цитату изъ моей работы, спѣшилъ увѣрить меня, „что сельское общество, *какъ таковое*, въ Устьсысольскомъ уѣздѣ никогда не присваиваетъ себѣ права распоряжовъ надъ земельными угодьями“... Но если бы г. Большаковъ внимательнѣе отнесся къ цитатѣ (и вообще ко всей моей работѣ), то онъ, конечно бы, увидѣлъ, что я говорилъ въ ней о сельскомъ обществѣ не какъ „о таковомъ“, а имѣлъ въ виду, такъ сказать, „общество“ генеральнаго межеванія, получившее дачу и документы на нее. Въ этомъ смыслѣ я могъ, конечно, безъ большого риска говорить, что „право распоряжовъ луговыми землями сельскія общества стараются удержать за собой“; и это, конечно, не значитъ, что я „навязываю“ сельскимъ обществамъ, „этимъ административнымъ органамъ“, роль въ выработѣ хозяйственныхъ общинъ,—какъ предполагалъ г. Большаковъ. „Сельское общество“ здѣсь то же, что „составная сѣновосная община“, стремящаяся разверстать сѣновосныя угодья возможно равномерно и справедливо между всѣми хозяйствами всѣхъ селеній общины, почему она обычно гонитъ, скажемъ, ховяевъ дер. Ивановки на покосы за 10 верстъ, хотя бы таковые и были расположены у Ивановцевъ, что называется, подъ бокомъ,—гонитъ потому, что „подъ бокомъ“ покосовъ потому ни у кого изъ селеній общины нѣтъ.

Затѣмъ, болѣе вдумчивое отношеніе къ моей работѣ въ этой части, можетъ быть, помогло бы г. Большакову понять, что я разумѣю подъ терминами „земельная община“, „хозяйственная община“ и „земельно-хозяйственная община“. Онъ увидѣлъ бы, можетъ быть, что при данномъ положеніи дѣла эти понятія совершенно равнозначущи, будучи противопоставленіемъ лишь чисто административнымъ функціямъ сельскаго общества. Но г. Боль-

шаковъ не видѣлъ всего этого. Вотъ почему я пожалѣлъ выше, что рукопись моей работы не побывала въ моемъ просмотрѣ до отпечатанія ея въ „Итогахъ...“ Можетъ быть мнѣ удалось бы тогда внести въ работу такіа дополненія и поясненія, что и г. Большакову пришлось бы понять, что я хочу сказать“...

Но что всего неизвинительнѣе для г. Большакова, это—его обращеніе съ „фактами“ и „примѣрами“ для „иллюстраціи“ своихъ „положеній“. Здѣсь уже прямо сказывается какое-то упорное нежеланіе понять и видѣть эти „факты“, какъ они есть. А, между тѣмъ, „факты“ эти, какъ мнѣ хорошо извѣстно, входили въ районъ „непосредственныхъ наблюденій“ автора.

Приведу нѣсколько примѣровъ, въ интересахъ которыхъ я подчеркивалъ выше цитаты изъ статьи г. Большакова.

Полемизируя противъ моего будто бы предположенія о присвоеніи сельскимъ обществамъ, „какъ таковымъ“, права распорядковъ надъ земельными угодьями, г. Большаковъ утверждалъ, что если это иногда бываетъ (т. е., если сельское общество распоряжается землей), то „оно дѣйствуетъ здѣсь какъ составная община, случайно съ нимъ совпавшая“; что, „анализируя ходъ и причины образованія составныхъ общинъ“, онъ показалъ, какъ онѣ формируются; и что „онѣ иногда бываютъ менѣе общества, иногда болѣе“... Затѣмъ г. Большаковъ приводитъ „примѣръ“ Пожегодской составной сѣновосной общины, „въ которую входятъ не только селенія Пожегодскаго сельскаго общества, но и д.д. Скородумская и Кырнышъ, входящія въ составъ другого общества“—и заключаетъ: „такихъ примѣровъ можно при желаніи привести не одинъ“.

Особо эффектенъ этотъ примѣръ „Пожегодской составной общины“ послѣ „анализа хода и причинъ образованія составныхъ общинъ“!

Если бы г. Большаковъ не такъ увлекался своимъ „анализомъ“, то вѣроятно увидѣлъ бы, что Пожегодская составная община есть ни что иное, какъ *община генеральной дачи*, на рѣзанной на бывшую тогда (при межеваніи) „Пожегодскую волость“; что она по сіе время цѣликомъ охватываетъ *всѣ селенія этой дачи*, хотя два изъ нихъ — входящія въ дачу, — въ 60-хъ годахъ, по соображеніямъ административнаго свойства, были причислены въ составъ болѣе близкаго къ нимъ, Помоздинскаго сельскаго общества; что не будь этого случайнаго по отношенію къ общинной жизни перехода названныхъ селеній, мы имѣли бы здѣсь типъ той общины, въ которой „сельское

общество, генеральная дача и хозяйственная единица совершенно совпадают другъ съ другомъ“; теперь же такое совпаденіе наблюдается лишь между двумя послѣдними понятіями, т. е. генеральной дачей и составной общиной, ибо сельское общество, какъ мы сказали, по причинамъ стороннимъ для общинной жизни, измѣнилось въ своемъ составѣ.

Или, можетъ быть, г. Большаковъ предполагаетъ, что его „анализъ хода и причинъ образованія составныхъ общинъ“ объясняетъ принадлежность с.с. Скородумскаго и Кырныша къ Пожегодской общинѣ, не смотря на то, что селенія эти находятся отъ *средоточія общиннаго управленія* — *первое въ 21, а второе въ 17 верстахъ?*

Не думаемъ, чтобы и самъ г. Большаковъ вѣрилъ въ притягательную силу раскрытыхъ имъ „причинъ“ на такомъ разстояніи, вѣрилъ и въ такую всеобъемлемость своего „анализа“. Проще, намъ думается, предположить, что г. Большаковъ дѣлалъ свой „анализъ“, не считаясь съ анализируемыми „элементами“ и не зная ихъ, какъ слѣдуетъ, почему самъ себя побилъ своимъ „примѣромъ“ и свелъ результаты „анализа“ къ нулю... ¹⁾.

Потомъ, г. Большаковъ, какъ мы видѣли, прибавилъ, что „такихъ примѣровъ можно при желаніи привести не одинъ“.

Что онъ этимъ хочетъ сказать? Если то, что „составныя общины иногда бываютъ менѣе сельскаго общества, иногда — болѣе“, — то дѣйствительно *такихъ* примѣровъ можно привести „не одинъ“. (Хотя, надо сказать, и не очень ужъ много: они встрѣчаются лишь въ тѣхъ 8 обществахъ, въ которыхъ, какъ мы указывали выше, общинные порядки наиболѣе развиты). Но если разумѣть подъ „примѣрами“ такіе факты, когда дача генеральнаго межеванія и хозяйственная единица совпадаютъ другъ съ другомъ, а сельское общество, будучи по административнымъ соображеніямъ измѣнено въ своемъ составѣ, уже не соответствуетъ имъ, — то такихъ примѣровъ, какъ мнѣ хорошо извѣстно, наберется не много: ихъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ всего два-три.

Или вотъ еще „иллюстрація“ г. Большакова. Приводя мои слова — „также Шиловское и Уреинское общества, передѣлив-

¹⁾ А, вѣдь, Пожегодская община должна быть наиболѣе хорошо извѣстна г. Большакову. Онъ лично тамъ былъ и работалъ, а на стр. 90—91 своей брошюры приводитъ даже краткую исторію борьбы между селеніями этой общины на почвѣ земельныхъ отношеній.

шія землю по наличнымъ членамъ мужского пола, выражаютъ пѣликомъ и хозяйственныя единицы "...—г. Большаковъ, между прочимъ, спрашиваетъ: „какая хозяйственная связь до 1900 года могла существовать между селеніями Шиловскаго общества, когда эти селенія прямо писали въ приговорѣ: землю изъ деревни въ деревню не переводить?“ Какой смыслъ можно вложить въ этомъ случаѣ въ понятіе „хозяйственная община“, относимое къ Шиловскому обществу?

Sit venia verbo,—меня прямо оторопь беретъ отъ этихъ вопросовъ г. Большакова,—до того они, такъ сказать, далеки отъ существующаго положенія вещей въ Шиловскомъ обществѣ, которое беретъ для своей „иллюстраціи“ авторъ.

А, вѣдь, г. Большаковъ долженъ хорошо знать и это общество: онъ тоже здѣсь былъ лично, работалъ, а на стр. 68—69 своей работы пишетъ слѣдующее:

„Подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ (выше излагался пресловутый „анализъ“ ... В. П.) образованіе составныхъ общинъ идетъ впередъ быстрыми шагами. Въ видѣ иллюстраціи уважемъ на ту эволюцію, которую испытали общины Шиловской волости. Въ 1884 году волостнымъ сходомъ было постановлено: „пахотную землю изъ деревни въ деревню не переводить и дѣлить въ деревнѣ сколько таковой окажется позагонно“...

„Подеревенская разверстка въ результатъ повлекла къ тому, что на наличную душу м. п. (каковая принята за единицу при разверсткѣ) въ различныхъ деревняхъ приходилось неодинаковое количество угодій“. (Слѣдуетъ примѣрная таблица о количествахъ пашни на душу по отдѣльнымъ деревнямъ. В. П.).

„Такое различіе въ величинѣ паевъ по деревнямъ не могло держаться, и въ 1900—1901 году постановлено раздѣлить пахотныя и сѣновосныя (?) угодья безъ отнесенія ихъ къ отдѣльнымъ деревнямъ, чѣмъ и достигнута одинаковой величины душевыхъ долей по всей волости ¹⁾. Но уже при перемѣрѣ земель выяснилось практическое неудобство этого способа, заключающееся въ томъ, что крестьянинъ, получившій дополнительное количество земли въ другой, отдаленной деревнѣ, фактически не могъ воспользоваться имъ за дальностью разстоянія, и, какъ видно изъ дополнительнаго приговора Шиловскаго

¹⁾ Относительно *смысловыхъ* угодій утвержденіе автора совершенно не вѣрно (я отношу это къ опискѣ). Угодья эти никогда въ распоряженіи отдѣльныхъ селеній и третей не бывали. Ниже объ этомъ я еще буду говорить. В. П.

волостного схода, крестьяне избрали средній путь: они раздѣлили волость на три части, назвали ихъ „третями“ и произвели уравниеніе внутри каждой трети. Хотя между деревнями различныхъ третей и осталась нѣкоторая разница въ величинѣ пашей, но она значительно менѣе прежней“. (Слѣдуетъ опять примѣрная таблица. В. П.).

„Группы селеній, или „жила“, преобразовываются такимъ образомъ съ теченіемъ времени въ составныя полныя общины. *Бытовая-административная община становится кроме того и земельной*“ (курсивъ мой. В. П.).

Присмотримся поближе къ приведеннымъ сейчасъ разсужденіямъ г. Большакова.

Прежде всего необходимо установить здѣсь твердо такое положеніе: *относительныя* земли Шиловскаго общества *никогда* не бывали въ отдѣльномъ распоряженіи и владѣніи ни селеній, ни третей (что я и отмѣтилъ выше, въ подстрочномъ примѣчаніи, объясняя упоминаніе авторомъ „сѣнокошныхъ“ угодій, — которыя будто бы тоже рѣшено въ 1900 году дѣлить безъ „отнесенія ихъ къ отдѣльнымъ деревнямъ“, — опиской). Угодья эти и прежде разверстывались и теперь разверстываются en masse, цѣликомъ, всѣмъ обществомъ-общиною прямо между отдѣльными хозяйствами, а не между деревнями или третями. Такимъ образомъ здѣсь мы опять встрѣчаемъ „составную сѣнокошную единицу“, *топикъ совпадающую*, съ одной стороны, съ сельскимъ обществомъ (и даже съ волостью), а съ другой, — дачей генеральнаго межеванія. Значитъ, рѣшенія о томъ или иномъ порядкѣ раздѣла земель касались только пахотныхъ угодій (что, впрочемъ, явствуетъ и изъ цитаты приговора Шиловскаго схода, приводимой самимъ г. Большаковымъ: „пахотную землю изъ деревни въ деревню не переводить“... и т. д.).

Итакъ, что же мы видимъ?

Въ 1884 году „Шиловскій волостной сходъ“ ¹⁾ находилъ нужнымъ *при общемъ передѣлѣ земель* „пахотную землю изъ деревни въ деревню не переводить“ и дѣлить въ деревнѣ ту, какая оказывалась тогда въ ея пользованіи. Въ 1900 году тотъ же сходъ находилъ нужнымъ измѣнить этотъ порядокъ и постановляетъ дѣлить „пахотныя земли безъ отнесенія къ отдѣльнымъ деревнямъ“ (т. е. такъ же, какъ дѣлятся сѣнокосы). Это рѣшеніе при проведеніи на практикѣ оказалось малоудоб-

¹⁾ На самомъ дѣлѣ, конечно, не „волостной“, а *сельскій* сходъ, ибо Шиловская волость состоитъ изъ одного общества.

нымъ, в сходѣ вновь постановляетъ: межъ-хозяйственное уравненіе пахотныхъ земель произвести по третямъ, на которыя дѣлится общество-община ¹⁾. При всѣхъ этихъ перемѣнахъ право разверстки *стѣкосныхъ* угодій ни разу не затрагивается; оно оставалось и остается цѣлкомъ за обществомъ-общиной.

И вотъ, г. Большаковъ спрашиваетъ: какая „хозяйственная“ связь могла существовать между селеніями Шиловскаго общества до 1900 года? Какое понятіе можно вложить въ выраженіе, что „Шиловское общество представляетъ изъ себя цѣлкомъ одну хозяйственную общину?“

Неужели г. Большаковъ самъ не въ состояніи видѣть эту „связь“ и понять выраженіе: „Шиловское сельское общество—одной хозяйственной общинѣ?“ Неужели онъ не видитъ, что всѣ эти перемѣны и порядки—„земли изъ деревни въ деревню не переводить“, „земли дѣлить безъ отнесенія къ отдѣльнымъ деревнямъ“, „земли дѣлить по третямъ“—устанавливаетъ и санкціонируетъ Шиловскій общественный (общинный—тожъ) сходъ?

Не будетъ ли, наконецъ, все это яснѣй для г. Большакова, если я укажу, что рѣшеніе Шиловскаго схода, состоявшееся въ 1901 году, объ уравненіи пахотныхъ земель *внутри третьей съ переводомъ ихъ изъ деревни въ деревню*, не есть что-нибудь новое. Съ 1870 по 1884 годъ (когда шиловцы рѣшили „пахотныя земли изъ деревни въ деревню не переводить“) существовалъ именно тотъ порядокъ, который они вздумали повторить при передѣлѣ въ 1900—901 году. Въ 1870 году Шиловское общество впервые официально разбилось на „трети“ и уравняло пахотныя земли внутри этихъ третей, переводя ихъ (т. е. земли) изъ деревни въ деревню...

Что, наконецъ, скажетъ г. Большаковъ, если Шиловскому сходу при слѣдующемъ передѣлѣ опять вздумается постановить, чтобы земли „изъ деревни въ деревню не переводить?“ А, вѣдь, это вполне возможно, ибо никакихъ—ни юридическаго, ни земельно-бытоваго характера препятствій для этого пока не имѣется.

Но я думаю, что и тогда г. Большаковъ „не пойметъ“ хозяйственной связи между селеніями Шиловскаго общества и

¹⁾ Это подраздѣленіе Шиловскаго общества-общины на трети соотвѣтствуетъ географическому положенію селеній, составляющихъ какъ бы три отдѣльныя компактыя группы, и существовало уже издавна, а не создано въ „1900 году“, какъ это полагаетъ г. Большаковъ. Объ этихъ „третяхъ“ мнѣ еще придется сказать два-три слова.

содержанія понятія „Шиловская ховайственная община“ и такъ же будетъ задавать свои вопросы. Ему, вѣдь, рѣшеніе Шиловскаго схода 1901 года объ уравниеніи земли по третамъ важно, какъ признакъ того, когда „группы селеній преобразуются въ составныя полныя общины“, когда „бытовая-административная община становится кромѣ того и земельной“¹⁾. Онъ, вѣдь, и описывалъ земельные порядки въ Шиловскомъ обществѣ специально для „иллюстраціи“ своего „анализа причинъ и хода образованія составныхъ общинъ“, а анализъ этотъ, очевидно, требовалъ видѣть въ земельно-хозяйственной жизни упомянутаго общества не то, что есть въ дѣйствительности, а нѣчто другое, могущее служить примѣромъ, иллюстраціей²⁾.

¹⁾ См. подчеркнутый мною выше конецъ послѣдней цитаты изъ г. Большакова.

²⁾ Я былъ бы неправъ, если бы не упомянулъ объ одномъ, по существу правильномъ и дѣльному замѣчаніи г. Бол—ва по поводу моей статьи. Замѣчаніе это вызвано тѣмъ, что я, перечисляя сельскія общества „представляющія изъ себя одну земельно-хозяйственную единицу“, включилъ въ число ихъ, *безъ всякихъ оговорокъ*, Кочергинское и Верхолузское общества. Г. Бол—въ на стр. 72—73 своей брошюры справедливо указалъ на довольно пеструю картину юридическихъ правъ на землю въ этихъ обществахъ, связанную съ существованіемъ въ нихъ массы мелкихъ починковъ, заброшенныхъ на десятки верстъ другъ отъ друга, а потому не имѣющихъ между собой никакой связи на земельно-хозяйственной почвѣ. Оговорить все это я, конечно, былъ обязанъ. Но, принимая во вниманіе, во-первыхъ, что—какъ я уже говорилъ—отпечатана моя работа съ рукописи, не бывшей въ моемъ разсмотрѣніи; во-вторыхъ, что положеніе мое относительно коренныхъ селеній („жила“) упомянутыхъ обществъ, на которыя были выданы документы генеральнаго межеванія, все же остается правильнымъ,—принимая, я говорю, все это во вниманіе, можно считать допущенный мною пробѣлъ не за слишкомъ важную „ошибку“.

Кстати, долженъ упомянуть еще вотъ о чемъ: г. Бол—въ, указывая на эти общества, говоритъ, что „достаточно для иллюстраціи привести одинъ примѣръ“ (т. е. примѣръ этихъ обществъ), и нѣсколько ниже продолжаетъ „...почти всѣ общества имѣютъ, если не подобную, то развѣ немного меньшую спутанность правъ“. Здѣсь г. Бол—въ опять, по своему обыкновенію идетъ мимо дѣйствительности: „примѣръ“ этихъ обществъ на самомъ дѣлѣ совершенно таки единственный. Больше у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда обществъ съ такимъ пестрымъ составомъ землевладѣнія нѣтъ. Въ данномъ же случаѣ созданію пестроты правъ на землю способствовали особая (мѣстная) причины, на которыя отчасти указалъ самъ г. Бол—въ въ двухъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту своихъ разсужденій. (См. 72 стр. его брошюры).

Было бы, может быть, въ известномъ смыслѣ поучительно нѣсколько ближе разобратся въ этомъ „анализѣ причинъ и хода образованія составныхъ общинъ“, — каковой анализъ г. Большаковъ, очевидно, ставить себѣ въ особую заслугу... Но моя замѣтка уже и безъ того растанулась, и, кромѣ того, теперь — послѣ всего сказаннаго — я совершенно не вижу какой-либо необходимости входить въ разборъ не соответствующихъ дѣйствительности теоретическихъ построений г. Большакова. Поэтому въ дальнѣйшемъ я ограничусь лишь нѣсколькими краткими замѣчаніями.

Изъ приведенныхъ выше (послѣ разсужденій о Шилловскомъ обществѣ) заключительныхъ словъ г. Большакова, что „такимъ образомъ жила преобразовываются въ полныя составныя общины“, а „бытовая-административная община становится кромѣ того и земельной“, — можно заключить, что г. Большаковъ за Шилловской составной общиной не хочетъ признавать „земельнаго“ значенія вплоть до 1900—901 года и видитъ въ ней до этого времени какую-то только „бытовую-административную общину“.

Послѣдній довольно таки загадочный терминъ употребленъ г. Большаковымъ здѣсь въ первый разъ, и насколько можно догадываться изъ всего содержанія его статьи, — онъ вкладываетъ въ него понятіе недостаточно развитыхъ и не сполна выраженныхъ общинныхъ порядковъ землевладѣнія, присущихъ менѣ подвижнымъ формамъ послѣдняго, — каковыя формы, какъ мы видѣли выше, пока наиболѣе характерны для земельно-хозяйственной жизни зырянъ Устьсысольскаго уѣзда.

Было бы излишне спорить съ г. Большаковымъ по этому поводу и доказывать, что землевладѣніе по дробнымъ частямъ ревизской души, въ той или иной мѣрѣ всегда примѣняется къ наличному составу семей, какъ равно землевладѣніе Шилловскаго и Пожегодскаго обществъ¹⁾ въ ихъ цѣломъ есть именно общинныя землевладѣнія какъ по духу, принципу, такъ и по установленію порядковъ его и по тенденціи этихъ порядковъ въ дальнѣйшихъ измѣненіяхъ.

Тенденція же эта выражается въ двухъ ясно обозначившихся направленіяхъ: во-первыхъ, въ желаніи достигнуть наиболѣе справедливаго способа землераспределенія по отдѣльнымъ хозяйствамъ, каковой способъ въ концѣ концовъ находитъ свое вы-

¹⁾ Упоминаю только объ этихъ обществахъ-общинахъ, конечно, лишь для примѣра, какъ уже нѣсколько известныхъ намъ.

раженіе въ разверсткѣ земли по ѣдокамъ,—и, во-вторыхъ, въ стремленіи, такъ сказать, обособиться, разбиться на болѣе мелкія и компактныя хозяйственныя единицы, чтобы такимъ образомъ избѣжать громоздкой возни по землевладѣнію цѣлыми обществами-общинами, состоящими обычно изъ такихъ селеній, которыя иногда удалены другъ отъ друга на десятокъ и болѣе верстъ.

По имѣющимъ въ моемъ распоряженіи свѣдѣніямъ, развитіе общинно-земельной жизни у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда неуклонно и прежде шло, и теперь идетъ въ обоихъ сейчасъ указанныхъ направленіяхъ, и—встати сказать—оно шло бы несомнѣнно быстрѣе, если бы дѣло не осложнилось вопросомъ о сѣнокосныхъ угодьяхъ, которыя, въ виду особой своей хозяйственной цѣнности и по условіямъ расположенія относительно селеній, трудно поддаются такому разверстанію между отдѣльными, стремящимися обособиться частями сложныхъ общинъ, которое бы удовлетворило всѣ эти части—будущія болѣе мелкія общины. Но не смотря на все это—какъ я уже сказалъ, эволюція земельно-общинной жизни совершается безостановочно, выражаясь, какъ въ улучшеніи способовъ землераспредѣленія между отдѣльными дворами, такъ и въ распаденіи крупныхъ общинъ на болѣе мелкія. Приведенное выше раздѣленіе Шиловской общины на „трети“ есть, конечно, одинъ изъ такихъ примѣровъ распада, дающаго то удобство, что въ настоящее время передѣлы и разверсты пахотныхъ земель могутъ происходить самостоятельно внутри каждой изъ этихъ третей, не считаясь съ порядками, существующими въ другихъ третяхъ.

Наиболѣе лучший и полный примѣръ эволюціи земельно-общинной жизни у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда даетъ, по моему мнѣнію, Вотчинское общество, имѣющее свой отдѣльный (групповой) планъ генеральнаго межеванія. Въ концѣ 60-хъ годовъ это общество разбилося на три хозяйственныя общины, при чемъ, въ виду особо благоприятныхъ условій расположенія сельско-хозяйственныхъ угодій относительно существующихъ селеній, удалось раздѣлить по вновь образованнымъ общинамъ не только пахотныя, но и сѣнокосныя земли. При этомъ, въ одну общину вошло 8 селеній, въ другую 3 и въ третью одно (самое большое въ обществѣ). Затѣмъ, въ началѣ 70-хъ годовъ первыя восемь селеній раздѣлились еще на 2 вполне самостоятельныя общины; а въ половинѣ 80-хъ годовъ возникла упорная борьба на почвѣ выдѣленія въ особую общину одного изъ трехъ селеній второй общины. Борьба эта въ концѣ концовъ

(въ 90-хъ годахъ) завершилась тѣмъ, что всѣ три селенія образовали особыя *пахотныя* общины, хотя и связанныя общностью владѣнія *спянокосными* угодьями, но съ сильно выраженнымъ стремленіемъ обособиться и этими послѣдними. (Нашло ли это стремленіе свое осуществленіе—я, въ сожалѣнію, сейчасъ подъ руками свѣдѣній не имѣю).

Такимъ образомъ, съ конца 60-хъ годовъ изъ одной сложной общины, совпадавшей съ сельскимъ обществомъ и съ дачей генеральнаго межеванія, образовалось шесть вполне сформировавшихся земельно-хозяйственныхъ общинъ, съ предусмотрѣнными сроками коренныхъ предѣловъ и съ землераспредѣленіемъ по ѣдокамъ.

Послѣ сейчасъ высказаннаго, мнѣ думается, нѣтъ нужды ни спорить съ г. Большаковымъ, ни указывать на фактическую неправильность его утвержденія, что „онъ не знаетъ ни одного случая распада сѣстной общины“ и что „наоборотъ—соединеніе простыхъ общинъ въ одну составную—заурядное явленіе“¹⁾.

Распаденіе составныхъ общинъ—какъ мы уже это видѣли—представляетъ изъ себя одно изъ естественныхъ звеньевъ эволюціи земельно-общинной жизни у вырпанъ Устьсысольскаго уѣзда, а соединеніе простыхъ общинъ въ составную явленіе совершенно несвойственное вырпанскому землевладѣнію,—если только не считать за „соединеніе“ такіе случаи (возможные, но мнѣ совершенно не извѣстные), когда, скажемъ, нѣсколько дворовъ, образовавшихъ новый починокъ не вдалекѣ отъ своего селенія-метрополія, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе расширенія площади хозяйственныхъ угодій, опять сливаются этими послѣдними со своимъ селеніемъ, обобщаясь при этомъ и земельными угодьями. Насколько можно судить по соображеніямъ, высказаннымъ г. Большаковымъ на стр. 63—64 своей брошюры, онъ именно подобные случаи и имѣетъ въ виду, говоря о „заурядности“ соединенія простыхъ общинъ въ составную. Но мы рѣшительно повторяемъ, что хотя подобные случаи и возможны, но могутъ быть крайне рѣдкими. Описанное же г. Большаковымъ сліяніе пахотными угодьями самостоятельныхъ такъ сказать селеній *никогда* само по себѣ не ведетъ къ соединенію въ одну пахотную общину. Такіе примѣры теперь не наблюдаются да по существу они и не возможны. Нѣчто подобное могло на-

¹⁾ Эти положенія г. Большакова я подчеркивалъ въ первой своей цитатѣ изъ его брошюры.

блюдаются только въ стародавнія времена, въ эпоху образованія крупныхъ (иногда до 300 и бол. дворовъ) зырянскихъ поселеній изъ отдѣльныхъ посемейныхъ выселковъ. Впрочемъ, дальше, на стр. 75 и сл., г. Большаковъ самъ разбиваетъ свое положеніе о „соединеніи простыхъ общинъ“. Хотя здѣсь онъ какъ будто говорить „въ будущемъ времени“ и видитъ теперь лишь „зачатки“ разложенія составной общины, но на это даетъ ему возможность исключительно неправильное освѣщеніе фактической стороны земельно-хозяйственной жизни.

Я далеко не могъ исчерпать въ этой краткой замѣткѣ всѣхъ тѣхъ фактовъ, положеній и выводовъ г. Большакова, которые или прямо неправильны, или возбуждаютъ крупное сомнѣніе. Но онъ въ заключеніи рекомендуетъ „заглянуть“ въ свою работу „тѣмъ лицамъ, на долю которыхъ выпадаетъ поземельное устройство зырянъ“ и при этомъ высказываетъ въ своемъ резюме, — „что должно имѣть въ виду этимъ дѣателямъ“...

Ничего конечно не имѣя противъ того, чтобы „заглянуть“ въ работу г. Большакова, и даже рекомендуя это сдѣлать непременно, я, однако, долженъ повторить къ свѣдѣнію будущихъ дѣателей поземельнаго устройства зырянъ, что „заглядывать“ въ работу г. Большакова слѣдуетъ непременно съ острымъ критическимъ скальпелемъ въ рукахъ.

В. Ф. Поповъ.

Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г., подъ видомъ купца Хóрошева.

(Продолженіе).

Донесеніе о торговлѣ.

Въ донесеніи вашему сіятельству отъ 11 прошлаго февраля, изложивъ подробности, относящіяся собственно до путешествія моего въ западныя города Китая, Чугучакъ и Кульджу, имѣю честь представить теперь свѣдѣнія и наблюденія мои по части торговли, производимой чрезъ Семипалатинскъ ¹⁾ съ западными областями Китая.

Нужнымъ считаю представить нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія, дабы дать яснѣйшее понятіе о сей торговлѣ, нынѣшнемъ ея состояніи и основаніяхъ, на коихъ она производится. Свѣдѣнія сіи тѣмъ необходимѣе, что объ образѣ производства ея существуютъ довольно сбивчивыя понятія и она въ подробности еще не была изслѣдована.

Взгляды на прежнее состояніе сей торговли. Не входя здѣсь въ историческія розысканія о началѣ торговыхъ нашихъ сношеній съ западными владѣніями Китая, не распространяясь о предметѣ, который далеко бы отылекъ отъ главныхъ и существенныхъ въ настоящемъ дѣлѣ вопросовъ, я долгомъ поставляю только изъяснить, что торговля наша съ мѣстами, гдѣ нынѣ Чугучакъ и Кульджа, т. е. съ бывшею Джунгаріею, или Зюнгоріею, и городами Восточнаго Туркестана производилась издавна: караваны наши еще въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія ходили въ такъ называемую Калмыцкую Ургу (мѣстопробываніе Джунгарскихъ контайшей, или владѣльцевъ), гдѣ была довольно

¹⁾ Подъ Западными областями Китая разумѣются здѣсь: *Илійская область* (бывшая Джунгарія), въ коей находятся города: Чугучакъ, Кульджа, Урумджи, Баркюль, Хами и проч., и *Кашкарія*, или Восточный Туркестанъ, гдѣ главные города суть: Кашгаръ, Яркентъ, Аксу, Хотенъ и другіе.

значительная по тогдашнему времени мѣна товаровъ. Купцы проникли даже въ Урумджи, одинъ изъ богатыхъ городовъ вынѣшней Илійской области, лежащій ближе къ внутреннимъ Китайскимъ провинціямъ. Къ намъ также приходили тогда караваны изъ Зюнгоріи, и главный торгъ ихъ былъ въ крѣпостяхъ Ямышевской и Семипалатной. Но, по завоеваніи сей страны китайцами, что послѣдовало въ 1755 году, торговля эта совершенно прекратилась: изъ указа 1762 года видно, что за неприходомъ болѣе каравановъ изъ Зюнгоріи велѣно было даже распустить всѣхъ таможенныхъ служителей въ таможенныхъ Семипалатинской и Ямышевской ¹⁾).

Въ послѣдствіи времени, и по основаніи уже китайцами, на новыхъ западныхъ предѣлахъ ихъ, городовъ Кульджи (Или) и Чугучака (Тарбагатай), торговля опять стала возникать, но уже въ другихъ видахъ и, такъ сказать, *тайная*. — Поелику никакими трактатами Россіи съ Китаемъ не было установлено торговли въ помянутыхъ мѣстахъ, и какъ съ другой стороны мѣнковой въ нихъ торгъ свободно былъ разрѣшенъ киргизамъ, — то купцы (болѣею частію азіятцы, у насъ проживавшіе) прибѣгнули къ посредничеству киргизовъ и султановъ ихъ и чрезъ нихъ проложили себѣ первую дорогу въ западные китайскіе города. Они для этого брали письма отъ помянутыхъ султановъ къ мѣстнымъ китайскимъ властямъ (къ чугучакскому амбаню и къ кульджинскому джанджуну, или главнокомандующему); брали также нѣкоторые къ нимъ подарки, состоявшіе обыкновенно въ лошадяхъ, и отъ имени султановъ, *и какъ бы съ ихъ товарами*, являлись уже въ Чугучакъ и Кульджу и производили тамъ торгъ свой. Но потомъ торговля въ Западномъ Китаѣ разрѣшена была и анджанамъ (хокандцамъ и ташкентцамъ), и обычай брать письма мало по малу отиѣнился, или сдѣлался одною пустою формою. Когда именно разрѣшена была со стороны китайскаго правительства торговля ташкентцамъ и хокандцамъ, съ точностію неизвѣстно; но достоверно, что она имъ позволена.

Нынѣшнее состояніе торговли съ Западнымъ Китаемъ. Первые обороты наши съ западомъ Китая, какъ и естественно, были весьма слабы: русскіе купцы вовсе почти въ оныхъ не участвовали, кромѣ татаръ и ташкентцевъ. Главнѣйшая торговля производилась киргизскимъ скотомъ, вымѣниваемымъ купцами отъ киргизовъ и потомъ сбываемымъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ на дѣбы,

¹⁾ Объ этомъ упоминается въ Историческомъ описаніи Россійской коммерціи Чулкова, Т. III, Кн. II, стр. 329.

бязи, кирпичный чай и грубый сабетъ-чай (въ мѣшкахъ). Еще въ 1825 году весь отпускъ нашъ по семипалатинской таможенѣ не превышалъ 256,097 р. асс. (73,170 р. 57 к. сер.), включая тутъ и товары, которые частію шли въ Киргизскую степь и Хокандъ. Но около этого времени вывозъ нашихъ произведеній, особенно же нанки, полуситца, сукна и металлическихъ издѣлій, постепенно сталъ возрастать; а съ 1837 года сталъ являться въ этой торговлѣ (изъ привозныхъ статей) байховый чай, который съ 1839 года замѣтно началъ возрастать, что придадо торговлѣ новое движеніе.

Оборотъ торговли. Впрочемъ, торговля эта и теперь въ сущности еще незначительна и далеко не соотвѣтствуетъ нашимъ ожиданіямъ. Я имѣю честь при семъ представить четыре вѣдомости, полученныя изъ семипалатинской таможни объ отпущенныхъ и привозныхъ чрезъ сію таможену товарахъ, начиная съ 1825 года по 1844-й включительно, и особо двѣ вѣдомости за 1845 годъ. Таблицы сіи представляютъ весь ходъ торговли за послѣднія 20 лѣтъ и изъ нихъ видно, что въ настоящее время оборотъ нашъ съ Западнымъ Китаемъ простирается на сумму 230,536 р. 17 к. сер., по отпускинымъ статьямъ, и на 254,617 р. 70 к. сер. по привознымъ изъ Китая, а всего на 485,153 р. 80 к. сер. Доходъ же семипалатинской таможни (собственно по торговлѣ же съ западными городами Китая) можно полагать въ 56 тыс. р. сер. по привознымъ и отвознымъ товарамъ¹⁾.

Предметы отпуска. Главные предметы отпуска суть: изъ шерстяныхъ издѣлій — сукно, котораго въ прошломъ году вывезено 11,928 арш. (на 17,936 р. сер.) и драдедамъ, который сталъ идти только съ недавняго времени; изъ бумажныхъ же нанка, составляющая постоянно одну изъ главныхъ статей отпуска (ея отправляется до 500 т. арш., на сумму до 80 тыс. р. сер.), полуситецъ, вейвереть, или плисъ, миткаль, коленкоръ, платки и т. п.; изъ кожевенныхъ — юфтевыя кожи. Затѣмъ отправляется еще не малое количество разныхъ желѣзныхъ, чугунныхъ и мѣдныхъ издѣлій: котловъ, тагановъ, тагильскихъ подносовъ, столовъ и т. п. Прочія статьи отпуска состоятъ въ разныхъ мелочахъ, какъ то: въ фарфоровой посудѣ, мишурѣ, сундукахъ и проч.

¹⁾ Всѣ таможенные доходы за 1845 годъ простирались до 67,848 р. 53 коп. серебромъ; но въ этомъ числѣ заключаются и сборы по торговлѣ съ киргизскою степью и Хокандомъ; послѣдніе составляли въ прошломъ году 11,800 р. сер. съ небольшимъ.

Относительно сихъ отпускныхъ нашихъ товаровъ слѣдуетъ замѣтить, что большая часть ихъ суть весьма грубыя произведенія фабричной и заводской промышленности: сукно лучшее, какое идетъ въ Чугучакъ и Кульджу, стоитъ не выше 4 р. 50 к. асс. (Мизиритскихъ суконъ вовсе еще нейдетъ въ сію торговлю); плисъ и большая часть бумажныхъ издѣлій (платки, миткаль, коленкоръ, ситецъ) — такой же низкой доброты. Вообще всѣ эти товары не могутъ выдержать никакого сравненія съ кяхтинскими; но тѣмъ не менѣе сбытъ ихъ полезенъ и необходимъ для нашихъ фабрикъ и поддержанія мелкой фабричной промышленности. Замѣчательно еще, что многихъ предметовъ, которые въ кяхтинской торговлѣ составляютъ немаловажныя статьи и которыхъ китайцы съ той стороны постоянно требуютъ, вовсе нѣтъ въ этой торговлѣ, производимой чрезъ Семипалатинскъ; такъ, наприм., вовсе нейдетъ чешуйки, мало, или почти нейдетъ тика, — двухъ статей, которыя въ кяхтинской отпускной торговлѣ занимаютъ важное мѣсто; то же слѣдуетъ сказать о сафьянахъ и козлахъ. Пушныхъ товаровъ, которые въ огромномъ же количествѣ требуются на Кяхтѣ, также съ этой стороны вовсе не сбывается, а напротивъ, наши купцы вывозятъ изъ Кульджи нѣкоторые пушные товары, какъ, напр., лисицъ и волковъ, доставляемыхъ въ Чугучакъ и Кульджу киргизами.

Привозныя статьи. Привозныя же статьи изъ Китая главнѣйше состоятъ: въ байховомъ черномъ, или такъ называемомъ торговомъ чаѣ, въ кирпичномъ чаѣ, въ бумажныхъ издѣліяхъ (дабахъ и бязяхъ) и въ шелковыхъ матеріяхъ (канфахъ, канчахъ, фанвахъ, чучунчахъ и т. п.). Байховый чай началъ идти, какъ выше сказано, съ недавняго времени и хотя по сравненію съ количествомъ кяхтинскаго чая его вывозится еще незначительная пропорція (по вѣдомостямъ семипалатинской таможни въ 1845 году вывезено было 1.637 пудовъ); но тѣмъ не менѣе онъ уже въ послѣдніе годы сталъ занимать первое мѣсто между привозными товарами изъ Чугучака. Въ Кульджѣ же торговля имъ (для китайцевъ вообще весьма выгодная) также начинаетъ усиливаться; но доселѣ въ Кульджѣ главные товары суть шелковые матеріи и бязи; изъ Чугучака же шелковыхъ матерій вовсе почти не идетъ, и въ этомъ главная разница между чугучавскимъ и кульджинскимъ рынками по предметамъ вывоза. Прежде изъ западнаго Китая не мало также шло къ намъ серебра въ слиткахъ, или такъ называемыхъ ямбъ (его привозилось болѣе 200 пудовъ, какъ въ 1831 и 1833 годахъ); но теперь эта статья значительно упала, и серебра, по срав-

ненію съ прежними годами, доставляется уже немного. (Въ прошломъ году было всего въ привозѣ 43 пуда).

Кто торговцы съ нашей стороны. Производители теперь нашей торговли съ Чугучакомъ и Кульджею суть главнѣйше ташкентцы, съ давняго времени поселившіеся въ Семипалатинскѣ, и наши татары. Изъ русскихъ купцовъ по сіе время участвуютъ въ ней еще весьма не многіе, и тѣ обыкновенно посылаютъ свои товары чрезъ ташкентцевъ же и татаръ, не отваживаясь сами ѣздить въ Чугучакъ и Кульджу. Только два три купца отправляютъ свои товары съ русскими прикащиками, и то въ одинъ Чугучакъ; въ Кульджу же почти исключительно ѣздитъ наши ташкентцы, и вся кульджинская торговля находится, можно сказать, въ ихъ рукахъ: изъ русскихъ въ ней участвуетъ только купецъ Самсоновъ, посылающій туда свои товары съ прикащикомъ. О ташкентцахъ слѣдуетъ однако же замѣтить, что доколѣ наша торговля съ Чугучакомъ и Кульджею не учредится на законныхъ основаніяхъ, азіатцы эти необходимы для торговыхъ сношеній съ западомъ Китая: безъ нихъ кульджинская торговля для насъ не существовала бы.

Немногіе русскіе, которые ѣздитъ теперь въ Чугучакъ (помянутые три прикащика и еще человекъ пять мелкихъ торговцевъ) являются туда подъ видомъ азіатцевъ, переодѣтые въ азіатское платье. Китайцы, впрочемъ, очень хорошо знаютъ, что они русскіе и сами торговцы наши нисколько этого не скрываютъ. Въ Чугучакѣ, напр., я явился хотя тоже въ азіатскомъ платьѣ, но подъ русскимъ именемъ и объявилъ прямо въ китайской таможенѣ, что я русскій. Китайскій чиновникъ при этомъ только съ улыбкою замѣтилъ, что русскимъ не позволено пріѣзжать въ Чугучакъ и затѣмъ безпрепятственно допустилъ къ торгу. Доступность Чугучака для природныхъ русскихъ, конечно, есть явленіе довольно пріятное, но оно еще ничего особеннаго не доказываетъ, какъ увидимъ далѣе, и нисколько не ручается за развитіе сей торговли: доступность эта должна покупаться немалыми жертвованіями и сопряжена съ разными униженіями.

Большихъ капиталистовъ вовсе еще нѣтъ въ этой торговлѣ: самыми значительными купцами въ ней считаются: помянутый купецъ Самсоновъ, ведущій торгъ съ Кульджею и посылающій товаровъ всего на 20 т. р. сер., и Ибрагимъ Амировъ (изъ азіатцевъ), торгующій исключительно съ Чугучакомъ на сумму не болѣе 15 т. р. сер. Изъ прочихъ купцовъ кто торгуетъ тысячи на четыре, кто на пять; остальные и вообще вся масса

суть ничто иное какъ мелочники, которыхъ въ Чугучакѣ и Кульджу, и особенно въ первый изъ сихъ городовъ ѣздить весьма не мало. Для большаго сбыта всякихъ грубыхъ нашихъ издѣлій они также народъ полезный, но нельзя съ другой стороны не сознаться, что мелочники эти, дабы сбыть только скорѣе товаръ свой, портятъ цѣны на русскія произведенія, и тѣмъ наносятъ немалый вредъ этой торговлѣ. Если въ послѣднее время китайскіе товары и въ Чугучакѣ стали доставаться нашимъ купцамъ не дешево, такъ что имъ, безъ особенныхъ незаконныхъ продѣлокъ, трудно иногда сводить концы съ концами, то это явленіе надобно главнѣйше приписать наводненію чугучакскаго рынка всякимъ мелкимъ торгующимъ народомъ, хотя тутъ есть и другія еще причины, о коихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Торговля съ китайской стороны предоставлена теперь купечеству. Съ китайской стороны производители торговли въ Чугучакѣ и Кульджѣ *суть теперь китайскіе купцы.* Прежде вся эта торговля была исключительно въ рукахъ мѣстнаго китайскаго начальства: пріѣзжавшіе иностранные купцы не иначе могли сбывать пригоняемый ими для промѣна скотъ и разные товары, какъ въ китайскую казну, которая платила за оные дабами и бязями; на сторону же, т. е. китайскимъ купцамъ, дозволялось продавать только то малое количество товаровъ, которое оставалось за промѣномъ въ казну. Отъ этого купцы, пріѣзжавшіе съ русскими товарами, прибѣгали къ разнымъ хитростямъ, чтобы срывать отъ взоровъ китайскаго начальства небольшую частицу лучшихъ своихъ товаровъ, за которые отъ казны назначалась та же плата, какъ и за самые посредственные, они прятали ихъ въ своихъ юртахъ, въ землю и т. п.— (Получаемые китайскою казною товары обращались въ жалованье пограничному войску и китайскимъ чиновникамъ; лучшіе изъ нихъ, разумѣется, разбирались джанджуномъ, амбанемъ и таможенными чиновниками. Вымѣниваемые же бараны, рогатый скотъ и лошади, за употребленіемъ изъ всего этого сколько надобно было на казенныя надобности, передавались въ казенные китайскіе табуны, содержимые калмыками въ окрестностяхъ Чугучака и Кульджи).—Но съ большимъ въ послѣдствіи развитіемъ торговли, съ большимъ противъ прежняго приливомъ разныхъ мануфактурныхъ товаровъ, которые по времени взяли верхъ надъ торговлею киргизскимъ скотомъ, а можетъ быть и вслѣдствіе неоднократныхъ жалобъ азіатскаго купечества на притѣсненія китайскихъ чиновниковъ, отъ произвола коихъ за-

всѣло назначеніе цѣнъ товарамъ, правительство китайское сочло, наконецъ, нужнымъ измѣнить эти правила и *передать торговлю въ руки китайскихъ купцовъ*. Первоначально измѣненіе это послѣдовало въ Чугучакѣ, гдѣ уже лѣтъ десять купцы наши имѣютъ дѣло съ пріѣзжающими туда китайскими торговцами; въ китайскую же казну представляютъ только, въ видѣ пошлины, десятую часть изъ каждаго привезеннаго ими товара, и то, впрочемъ, не даромъ, а за назначаемую китайскимъ начальствомъ половинную цѣну (сія половинная цѣна опредѣлена, сообразуясь съ базарными цѣнами, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ взятыми, изъ чего составлено родъ тарифнаго положенія). Въ Кульджѣ же новый этотъ порядокъ (дозволеніе продавать китайскимъ купцамъ) возымѣлъ свое дѣйствіе только съ прошлаго 1845 года. Тамъ сдѣлано еще противъ Чугучака то облегченіе, что половинная цѣна за товаръ, *поступающій въ пошлину*, назначена, вслѣдствіе особеннаго ходатайства нашего каравана, большая нежели, какая опредѣлена въ Чугучакѣ.

Вольнаго торго еще нѣтъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ. Конечно, всѣ эти измѣненія для торговли благопріятны; купцы въ силу оныхъ до нѣкоторой степени болѣе противъ прежняго избавлены отъ прижимокъ китайскихъ чиновниковъ; они могутъ также привозить товары въ большемъ количествѣ, имѣя дѣло уже не съ одною казною (потребности коей въ товарахъ всегда ограничены); могутъ привозить и лучшаго качества товары, продавая ихъ по вольной цѣнѣ. Если торговля развилась въ послѣднее время противъ кульджинской, то это должно отчасти приписать вышеизъясненнымъ перемѣнамъ. *Притѣсненія со стороны китайскихъ властей*. Но со всѣмъ этимъ вполнѣ вольнаго торго, свободныхъ и безпрепятственныхъ сношеній съ китайскимъ купечествомъ, еще не существуетъ: торговля все еще находится, такъ сказать, въ когтяхъ китайскихъ чиновниковъ, и почти во всемъ зависитъ отъ ихъ произвола: прежде нежели наприим., разрѣшается купцамъ торгъ съ китаичами, отъ нихъ (кромя товаровъ, слѣдующихъ въ пошлину) вымогаются еще разныя вещи для джанджуна, для амбана, для разныхъ чиновниковъ, и разумѣется, по цѣнамъ весьма низкимъ и въ явный для купцовъ убытокъ; если же послѣдніе не соглашаются отдать за сія низкія цѣны, то начинаются разнаго рода прижимки и притѣсненія. Примѣровъ подобныхъ самопроизвольныхъ поступковъ, грубаго обращенія и обидъ нашему купечеству со стороны китайскихъ чиновниковъ можно бы привести множество;

но довольно сказать, что во время прошлогодняго торгова въ Кульджѣ всѣхъ насъ, за то только, что не соглашались вдругъ безусловно на всѣ новыя торговыя постановленія китайцевъ и просили сбавки пошлины, китайское начальство продержало почти цѣлый мѣсяцъ въ осадномъ положеніи, не пропуская ни хлѣба для насъ, ни корма для нашего скота. Бывали даже примѣры, что пріѣзжавшихъ изъ Россіи купцовъ (по счастью не русскихъ, а азіатцевъ) китайское начальство, безъ всякихъ съ ихъ стороны проступковъ, а за то только, что не удовлетворяли иногда его корыстолюбію, подвергало, подъ самыми пустыми предлогами, тѣлесному наказанію ¹⁾. Въ самомъ вниманіи товаровъ, поступающихъ въ пошлину, существуетъ тотъ же произволъ и стѣсненіе: по положенію слѣдуетъ брать одну десятую съ каждаго товара за полцѣны; между тѣмъ въ Чугучакѣ, наприм. въ прошломъ году, съ предъявленныхъ мною товаровъ взято было съ иныхъ гораздо болѣе нежели сколько слѣдовало по ихъ количеству, съ другихъ же, которые китайскимъ чиновникамъ не нравились, вовсе ничего не было взято, и за все назначена была цѣна произвольная: за мизиритское сукно, плисъ и другіе товары, въ пошлину отъ меня поступившіе, назначена была полудѣна, какъ за подобныя же издѣлія, несравненно низшаго качества, которыя были предъявлены прочими купцами.

Послѣ всего этого легко вообразить себѣ, можетъ ли процвѣтать торговля въ этихъ мѣстахъ, при такомъ положеніи ея! *можетъ ли привлечь она капиталныхъ людей*, безъ коихъ значительной торговли никогда и нигдѣ не существовало!

О пошлинѣ съ Русскихъ товаровъ. О товарахъ, взимаемыхъ теперь китайскимъ правительствомъ въ пошлину, долгомъ считаю еще присовокупить, что назначеніе ихъ то же, какое было и при прежнемъ порядкѣ сей торговли, т. е. лучшіе изъ нихъ идутъ въ карманъ джанджуна и прочихъ китайскихъ властей; другіе же, и весьма уже въ маломъ теперь количествѣ, поступаютъ на жалованье пограничному китайскому войску. Вообще китайская казна тутъ мало выигрываетъ; главный же сборъ ея — собственно съ китайскихъ купцовъ, вымѣнивающихъ отъ насъ товары. Сія послѣдняя пошлина (съ китайскихъ купцовъ)

¹⁾ Такимъ образомъ въ 1839 г., въ Кульджѣ начальнику нашего каравана, прибывшаго изъ Семипалатинска, ташкентцу Мирвопѣ, дано было вѣсколько ударовъ плетми за то только, что онъ пустилъ въ свою юрту китайскаго купца прежде, нежели окончена была торговля съ китайскою казною.

взимается уже не товарами, а деньгами, съ цѣны, по какой вымѣненъ ими товаръ. Она довольно значительна, по 3 фынтъ съ сари; это составляетъ около 8⁰/о.

Образъ производства самого товара. Что касается до образа производства сей торговли, до самого механизма ея, то по сему предмету слѣдуетъ, во-первыхъ, замѣтить, что ни въ Чугучакѣ, ни въ Кульдѣ для промѣна китайцамъ нашихъ товаровъ не составляется между нашими купцами никакого предварительнаго *положенія* (по чемъ отдавать свой товаръ и по чемъ принимать китайскій): всѣ товары, по привозѣ, представляются въ китайскую таможену и по очистѣ ихъ пошлиною, по выдачѣ чего слѣдуетъ джанджуну, амбаню и прочимъ чиновникамъ, всякій уже промѣниваетъ по какой хочетъ цѣнѣ китайскимъ купцамъ, не будучи удерживаемъ никакими постановленіями купечества. Самый же промѣнъ дѣлается такимъ образомъ: что сначала русскій и китайскій купцы производятъ расцѣнку своимъ товарамъ; потомъ окончательно условливаются, — и всѣ наединѣ, — какой именно товаръ и сколько какого получить въ обмѣнъ. Расцѣнка товаровъ въ Чугучакѣ дѣлается на дабы, замѣняющія тамъ ходячую монету; въ Кульдѣ же на серебро. Главная при всемъ этомъ трудность съ нашей стороны бываетъ — склонить китайца дать такой именно товаръ, а не другой; что же касается до самыхъ цѣнъ, то онѣ довольно скоро устанавливаются (базарныя цѣны на всѣ главныя статьи)¹⁾ и только на первыхъ порахъ, при открытіи торговаго, подаютъ поводъ къ нѣкоторымъ спорамъ и возраженіямъ. Обыкновенно китайскіе купцы желаютъ болѣе сбыть байховаго чая; наши же купцы, напротивъ того, въ количествѣ вымѣниваемого товара желаютъ болѣе получить дабъ и кирпичнаго чая, такъ какъ эти статьи представляютъ вѣрный и выгодный сбытъ, расходясь въ значительномъ количествѣ между киргизами и по всей нашей линіи.

Не смотря, однако, на нѣкоторую теперь неохоту нашихъ купцовъ брать отъ китайцевъ чай, торговля приняла въ послѣднее время такой оборотъ, особенно въ Чугучакѣ, что купцы находятся въ необходимости брать главнѣйше отъ китайцевъ это произведеніе, т. е. байховый чай ихъ. Въ Чугучакѣ прошлаго года купцы наши къ концу расторожки даже ничего другаго не могли уже получить отъ китайцевъ въ обмѣнъ на свои произведенія, кромѣ чая.

¹⁾ Но цѣны, разумѣется, не такія, какія могли бы устанавливаться, если бы составлялось между нашими купцами *Положеніе о промѣнѣ товаровъ*.

О цѣнахъ на Русскіе и Китайскіе товары и проч. Представляю при семъ выписку изъ особаго отчета о промѣненныхъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ товарахъ. Изъ нея можно видѣть, по чемъ расцѣнены были русскіе товары и по чемъ китайскіе, поступившіе въ обмѣнъ на оныя. Прилагаю также записку о цѣнахъ вообще на главные русскіе и китайскіе товары въ упомянутыхъ двухъ городахъ, съ разными замѣчаніями на оныя китайскихъ купцовъ.

Въ Кульджѣ, кромѣ мѣны, существуетъ также и продажа на чистыя деньги; но уже это болѣе для вслѣдствія мелкихъ статей, выставляемыхъ для покупателей всѣхъ классовъ. На сихъ мелочахъ торговцы получаютъ иногда значительныя прибыли.

Относительно цѣнъ на наши товары въ Чугучакѣ и Кульджѣ можно вообще сказать, что онѣ довольно выгодны *въ сравненіи съ ихъ покупными цѣнами*; но такъ какъ вѣрный расчетъ о выгодности или невыгодности торговаго оборота, — по сбытѣ въ Россіи вымѣннаго китайскаго товара, — то рассматривая съ этой точки, выводы не всегда будутъ въ пользу нашего купечества. Вообще промѣнъ товаровъ, особенно въ Чугучакѣ, теперь уже не такъ сдѣлался для торговцевъ прибыленъ, какъ былъ прежде тому нѣсколько лѣтъ, и главною причиною, что китайскіе товары въ послѣднее время значительно поднялись въ цѣнахъ ихъ, особенно чай, составляющій теперь, какъ выше было замѣчено, главную статью привозной нашей торговли. Обстоятельство это, въ соединеніи съ тѣмъ, что въ Ирбитѣ, главномъ мѣстѣ сбыта семипалатинскихъ чаевъ), цѣна на чай осталась прежняя и по сравненію съ цѣною на Нижегородской ярмаркѣ весьма низкая, дѣлаетъ то, что торговля чаемъ не можетъ для семипалатинскихъ купцовъ представлять особенныхъ выгодъ, а напротивъ, вести иногда къ явнымъ убыткамъ¹⁾. Купцы, однако, же умѣ-

¹⁾ Представляю здѣсь расчетъ по вымѣну чая въ Чугучакѣ, въ прошломъ 1845 году, на нанку, — главный нашъ товаръ въ Западномъ Китаѣ.

На ящикъ чернаго чая, въ 80 фунтовъ, обыкновенно даютъ 14 кусковъ нанки (она расцѣнивается, при промѣнѣ, въ 11 дабъ за кусокъ; чай же (изъ обыкновенныхъ сортовъ) — въ 150 дабъ ящикъ въ 80 ф. вѣсомъ; итого выходитъ 14 кусковъ нанки за ящикъ чая). Нанка эта стоитъ русскому купцу (считая по 35 к. ас. за аршинъ, а за кусокъ въ коемъ 40 арш., — 14 р. ас.) — 196 р. ас. За провозъ ея отъ Ирбита до Семипалатинска, считая по 3 р. съ пуда, за 2 пуда (вѣсъ 14 кусковъ нанки) — 6 р. ас. За провозъ отъ Семипалатинска до Чугучака (по 1 р. 50 к. ас. съ пуда) — 3 р. ас. Провѣздъ и содержаніе себя въ пути, а также кормъ работниковъ и проч., на что примѣрно

ють урівно́влювати сіи не́вгоди провозомъ вымѣ́ннаго ими чая помимо тамо́жни, чему обширность нашей границы даетъ всѣ средства. Огромная контрабанда по Сибирской линіи есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію и всѣмъ извѣстный. Таможенное начальство не разъ уже о семъ представляло, изыскивая разныя мѣры пресѣченію сей контрабанды; разумѣется, обыкновенныя мѣры тутъ недостаточны. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о значительности сей контрабанды скажу только, что байховатаго чая по семипалатинской тамо́жнѣ за 1845 годъ показано было въ привозѣ и дѣйствительно въ оную предъявлено 1.637 пудовъ (что, по свѣдѣніямъ изъ той же тамо́жни, составляетъ 1.002 ящика); между тѣмъ какъ одинъ только китайскій купецъ въ Чугучаѣ, по собственнымъ словамъ его, промѣниваетъ ежегодно нашимъ купцамъ до 1.000 ящиковъ чая. Количество всего вымѣниваемого нашими торговцами въ Чугучаѣ и Кульджѣ чая можно по самой малой мѣрѣ полагать въ 6 т. ящиковъ¹⁾. Изъ этого можно видѣть сколь велика, по нашей Сибирской линіи контрабанда чаемъ. Непріятнымъ всего этого послѣдствіемъ то, что честнымъ торговцамъ трудно вести эту торговлю²⁾: они всегда противъ торгующихъ контрабанднымъ образомъ останутся въ накла́дѣ, и тѣмъ болѣе, что по теперешнему обороту торговли, также должны будутъ брать отъ китайцевъ преимущественно чай. Обстоятельство это въ совокуп-

надобно положить 10 к. на рубль,—20 р. ас. Итого 225 р. ас., или 64 р 29 к. сер., не считая еще процентовъ, которые купецъ долженъ заплатить за взятый имъ товаръ, такъ какъ почти всѣ они торгуютъ въ долгъ.

На нанку эту купецъ получаетъ, какъ выше сказано, ящикъ байховатаго чая въ 80 фун. Расходы по сему вымѣненному товару слѣдующіе: заширка ящика — 2 дабы, или на наши деньги 4 р. ас. Провозъ отъ Чугучака до Семипалатинска (считая въ ящикѣ съ укупо́ркою 3 пуда, а за пудъ по 1¼ дабы)—3¾ дабы, или 7 р. 50 к. ас. Пошлина за 80 фунтовъ сего чая по 60 к. сер. съ фунта,—48 р. сер. или 168 р. ас. Провозъ отъ Семипалатинска до Ирбита за 3 пуда—9 р. ас.—Итого (не считая издержекъ по своему проѣзду и содержанію въ обратный путь) 188 р. 58 к. ас., или 53 р. 86 к. сер.

Итакъ, чтобы выручить цѣнность поступившаго въ промѣнъ за ящикъ чая товара своего и всѣ издержки по сему обороту (пошлинныя, провозныя и другія) купцу, по самому строгому расчету, надобно получить за вымѣненный имъ чай 413 р. ас. (118 р. сер.). А цѣна чая въ Ирбитѣ 320 р. ас. и никакъ не болѣе 350 р. ас. за ящикъ. Слѣдственно купецъ не только не выручаетъ своихъ денегъ, но даже теряетъ около 30 р. сер. на каждый ящикъ чая.

¹⁾ Изъ Кульджи вывозится не болѣе 500 ящиковъ.

²⁾ Трудно вести *при теперешнемъ ея положеніи*, когда она вся въ рукахъ мелкихъ торговцовъ и законнымъ образомъ не установлена.

ности съ разными другими, тоже не можетъ *въ настоящемъ положеніи вещей* слишкомъ заманивать порядочныхъ людей въ сію торговлю, гдѣ не только не представляется имъ особенныхъ выгодъ (не смотря на всѣ трудности, уничтоженія и притѣсненія, какимъ они должны подвергнуться въ китайскихъ городахъ), но явный даже убытокъ, если только будутъ вести дѣла свои частнымъ образомъ. *Уменьшеніе контрабанды*, при учрежденіи сей торговли на правильныхъ основаніяхъ (если когда-нибудь къ этому приступать) *составляетъ важный вопросъ въ этомъ дѣлѣ*.

На возвышеніе цѣнъ на китайскіе товары отчасти дѣйствуетъ и то, что не составляетъ, какъ выше было замѣчено, между купцами Положенія о промѣнѣ товаровъ на мѣстѣ, отъ чего мелочники особенно портятъ цѣны. Но дѣло въ томъ, что Положеніе это, о коемъ нѣкоторые изъ купцовъ уже не разъ помышляли, если и можетъ быть составляемо, то только въ Кульджѣ, гдѣ болѣе между ними единства и порядка; а въ Чугучакѣ (гдѣ теперь главный нашъ рынокъ) весьма трудно это сдѣлать и даже, при настоящемъ положеніи вещей, не возможно: по близости Чугучака отъ нашей границы туда пріѣзжаетъ, въ теченіе всего лѣта, множество всякаго народа: и ташкентцы, и бухарцы, и киргизы, и бѣгле наши татары; всѣ съ русскими товарами пріѣзжаютъ въ разное время: одинъ оканчиваетъ свои дѣла, тогда какъ другой только является и начинается ихъ. При такомъ порядкѣ нельзя и думать о составленіи Положенія. Разумѣется это было бы легко и возможно, *если бы въ Чугучакѣ появилось болѣе капитальныхъ людей*, которые тогда привлекли бы къ себѣ главную массу китайскихъ товаровъ, и могли бы и дѣлать Положеніе и возвышать, при постоянныхъ и благоразумныхъ усиліяхъ, цѣны на свои товары: въ ихъ рукахъ была бы, такъ сказать, вся оптовая торговля, а тѣмъ осталась бы мелочная, и все могло бы тогда принять другой оборотъ.

О караванныхъ путяхъ въ Чугучакъ и Кульджу. Довончу теперь всѣ эти замѣчанія о нашей торговлѣ съ Западнымъ Китаемъ нѣкоторыми подробностями о самыхъ торговыхъ путяхъ, ведущихъ въ Чугучакъ и Кульджу.

Пути въ Чугучакъ: Изъ Семипалатинска (главнаго и, можно сказать единственнаго пункта, чрезъ который торговля эта производится), ведутъ въ Чугучакъ два пути (оба лежатъ чрезъ Киргизскія степи): одинъ—чрезъ Кокбектинскій нашъ Приказъ и чрезъ Тарбагатайскій хребетъ горъ, который обыкновенно

караваны переѣзжаютъ въ мѣстѣ, называемомъ Сай-асу, и отъ коего по китайскимъ уже владѣніямъ идутъ до самаго Чугучака. Пространство собственно отъ Тарбагатай (южнаго его склона) до Чугучака составляетъ не болѣе 50 верстъ; весь же путь, по расчету нашихъ купцовъ, составляетъ 470 верстъ. Другой путь имѣетъ свое направленіе западнѣе, и именно: *черезъ Аягузскій Приказъ*, и потомъ *черезъ такъ называемый Котель* (переходъ *черезъ Тарбагатай*), и далѣе, до самаго Чугучака, степями киргизовъ, считающихся именательно въ китайскомъ подданствѣ. Разстояніе отъ Семипалатинска до Чугучака по сему послѣднему пути можно считать въ 512 верстъ. Здѣсь прилагаю маршруты какъ тому, такъ и другому изъ вышеозначенныхъ путей. Въ отношеніи къ разнымъ удобствамъ (корму для вьючнаго скота, воды и проч.) какъ тотъ, такъ и другой путь равно удобны, мѣста болѣею частью привольны; самая же переправа *черезъ Тарбагатай по Аягузскому тракту*, т.-е. *черезъ Котель*, удобнѣе нежели по Кокбектинскому, *черезъ Сай-асу*, хотя и послѣдній не представляетъ особенныхъ затрудненій. Купцы однако же предпочитаютъ послѣдній трактъ, т.-е. Кокбектинскій, по болѣе его краткости. Оба сіи пути могутъ назваться и тележными, хотя доселѣ главная масса товаровъ перевозится на верблюдахъ и только самая незначительная часть на телегахъ. Караваны употребляютъ на переѣздъ отъ Семипалатинска до Чугучака, *черезъ Кокбекты*, 12 и не болѣе 15 дней; *черезъ Аягузъ* же идутъ двумя, или тремя днями долѣе. Обыкновенная цѣна за провозъ товаровъ отъ Семипалатинска до Чугучака 43 к. сер. съ пуда, а въ обратный путь—отъ 55 до 85 к. сер. (1 до 1½ дабы); если же нанимать въ оба конца съ тѣмъ, чтобы въ Чугучакѣ пробыть не болѣе 15 дней, то возчики берутъ 1 р. сер. съ пуда, или около того.

Путь отъ Кульджу. Путь въ Кульджу лежитъ *черезъ тотъ же Аягузскій Приказъ* и *черезъ Котель*, слѣдуя до извѣстнаго пункта, называемаго Урджаръ, по той же дорогѣ, которая ведетъ изъ Аягуза въ Чугучакъ; съ Урджара же караваны, отдѣляясь отъ Чугучакскаго тракта, берутъ направленіе къ югу и слѣдуютъ *мимо озера Алакуля*, по восточной сторонѣ его, и далѣе—*черезъ разные хребты горъ: Тохту* (гдѣ начинаются уже китайскіе караулы), *Канджигу* и *Талку*, отъ коей до Кульджи не болѣе 40 верстъ. Путь этотъ, по случаю переправъ *черезъ означенные высокіе хребты горъ*, сопряженъ съ разными трудностями, которыя при обратномъ слѣдованіи изъ Кульджи (что

обыкновенно бываетъ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ) увеличиваются отъ недостатка въ иныхъ мѣстахъ топлива и отъ скудности, мѣстами же, подножнаго корма. Разстояніе отъ Семипалатинска до Кульджи по сему пути считаютъ приблизительно въ 830 верстъ. Его можно совершить въ 25 дней съ небольшимъ. Товары въ Кульджу иначе не возятся (по затруднительности вышеозначенныхъ переправъ чрезъ горы), какъ вьюками на верблюдахъ. Цѣна за наемъ вьючнаго верблюда, поднимающаго не болѣе 12 пудовъ клади, въ оба конца—70 р. асс., слѣдственно менѣе 6 р. асс. съ пуда; но купцы обыкновенно перевозятъ на собственныхъ своихъ верблюдахъ, которыхъ нарочно для этого содержатъ въ Киргизской нашей степи.

Новый путь въ Кульджу. Кромѣ вышеозначеннаго пути въ Кульджу есть другой путь, гораздо удобнѣйшій, и именно: чрезъ такъ называемыя *Семь-рѣкъ*, или Большую Орду. Слѣдуя по сему пути, караваны могутъ избавиться отъ трудностей, выше сего исчисленныхъ: по оному одна только переправа чрезъ Югантасъ (отрасль Алатаускаго хребта) и то нисколько незатруднительная; а затѣмъ — корма для скота, топлива, воды и т. п. въ изобиліи. Купцы однако же не ѣздятъ по сему тракту, опасаясь своевольства и всякихъ насилій со стороны киргизовъ Большой Орды. Въ прошломъ 1845 году учиненъ былъ мною первый опытъ слѣдованія по сему пути, изъ Кульджи въ Семипалатинскъ и опытъ этотъ вполне убѣдилъ въ превосходствѣ сей дороги предъ тою, по коей доселѣ ходили наши караваны. Сими двумя путями въ Кульджу имѣю честь у сего же представить подробные маршруты.

Безопасны ли означенные пути? Что касается до вопроса о безопасности вышеозначенныхъ караванныхъ путей, то о Чугучавскихъ двухъ путяхъ можно вообще сказать, что слѣдованіе по онымъ до Тарбагатая, чрезъ степи нашихъ киргизовъ Средней Орды, совершенно безопасно. Но что касается до степей, лежащихъ по ту сторону помнутаго хребта горъ, гдѣ кочуютъ киргизы, извѣстные подъ названіемъ Байджигитовъ, считающіеся въ китайскомъ, или, лучше сказать, ни въ чемъ подданствѣ, то хотя ординцы эти въ послѣднее время сдѣлались противъ прежняго смирнѣе, но тѣмъ не менѣе мѣста эти, (т.-е. все пространство отъ Тарбагатая до Чугучака) не могутъ еще считаться совершенно безопасными для слѣдованія каравановъ, по временамъ бываютъ тамъ со стороны Байджигитовъ шалости и грабежи: въ прошломъ году, при Котели, они ограбили нашего толмача изъ Аягузскаго приказа, и неподалеку

отъ Сай-асу напали (прошлою же осенью) на небольшой караванецъ, возвращавшійся изъ Чугучака и принадлежавшій одному татарину, котораго убили. Путь въ Кульджу (обыкновенный путь, по коему караваны доселѣ слѣдовали) пролегаетъ, по минованіи Тарбагатая, чрезъ кочевья тѣхъ же Байджигитовъ и потомъ чрезъ кочевья Кызайцевъ, которые считаются еще большими грабителями. По степямъ сихъ кыргизовъ прежде караваны иначе не ходили какъ въ сопровожденіи казачьей команды, которая, по распоряженію начальства, отряжалась для сего изъ Аягузскаго приказа, и только съ 1839 года (со времени поимки извѣстнаго своими разбоями султана Сиванкула), купцы стали уже ходить одни, безъ казачьихъ командъ. Впрочемъ, они и теперь въ Кульджу иначе не могутъ пускаться, какъ всегда большимъ караваномъ. Обстоятельство это дѣлаетъ то, что въ Кульджу изъ Семипалатинска купцы отправляютъ караванъ только *единожды въ годъ*, (въ іюнѣ, или въ іюлѣ мѣсяцѣ), тогда какъ въ Чугучакъ, по большей безопасности пути, торговцы ѣздятъ безпрестанно, въ теченіе всего лѣта, небольшими караванами.

На счетъ же *новаго пути* въ Кульджу, чрезъ Семь-рѣкъ, слѣдуетъ замѣтить, что хотя купцы, считая сей путь самымъ опаснымъ, доселѣ по оному не ѣздили, но отношенія къ намъ кыргизовъ Большой Орды теперь начинаютъ измѣняться къ лучшему, и безопасность сего новаго пути будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ мѣръ, которыя приметъ Правительство въ отношеніи къ упомянутымъ кыргизамъ.

Можетъ ли торговля съ Западнымъ Китаемъ сдѣлаться для насъ значительною? Изложивъ всѣ таковыя свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи торговли нашей съ Чугучакомъ и Кульджею, — свѣдѣнія, служащія вмѣстѣ и отвѣтомъ на нѣкоторые пункты данной мнѣ Инструкціи, — приступаю теперь къ главному и существенному вопросу, и именно: можетъ ли торговля съ Западнымъ Китаемъ развиваться и сдѣлаться значительною?

Отвѣчаю положительно и по внутреннему моему убѣжденію, что *можетъ*, если только будетъ существовать на другихъ основаніяхъ, если будетъ установлена правильнымъ образомъ, по обоюдному согласію нашего и китайскаго правительствъ.

Возраженіе, что она доселѣ не представляла ничего значительнаго, что въ теченіе десятковъ лѣтъ не развивалась въ желаемой степени, еще ничего не доказываетъ. Изъ нѣсколькихъ указаній, выше сего сдѣланныхъ на стѣснительное ея положеніе, уже видно, можетъ ли она желательнымъ образомъ раз-

виваться при теперешнемъ порядкѣ вещей. Надобно еще удивляться, что она существуетъ.

Чтобы представить болѣе убѣдительные всему этому доводы, полагаю, что прежде надобно вникнуть въ вопросы: какъ велика въ Чугучакѣ и въ Кульджѣ потребность на наши произведенія? Куда идутъ оттуда наши товары? Велики ли рынки, гдѣ оныя сбываются китайскими купцами? Начну прежде съ изложенія свѣдѣній о мѣстахъ, потребляющихъ наши произведенія въ Западномъ Китаѣ. Изъ всѣхъ показаній о семъ китайцевъ и нашихъ купцовъ видно, что русскіе товары, по вымѣнѣ ихъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ, отправляются китайцами *въ городъ Урумджи*, отстоящій отъ Чугучака на 15 дней караваннаго хода, а отъ Кульджи на 18. Урумджи, въ коему ведетъ весьма удобная тележная дорога, есть одинъ изъ богатыхъ городовъ Илійской области. Тамъ находятся главныя конторы китайскаго купечества, производящаго торгъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ и торгъ съ Кашкаріею. Товары наши, по полученіи, отправляются изъ Урумджи частію въ Кашкарію (въ города Яркентъ, Кашгаръ, Аксу, Хотенъ и другіе, гдѣ тоже у китайскихъ купцовъ имѣются конторы), а частію *во внутреннія провинціи* (западные) Китая. Въ Кашкарію идутъ преимущественно всѣ бумажныя издѣлія, какъ то: нанка, ситецъ, коленкоръ, миткаль и т. п., а въ Китай,—въ провинціи, прилегающія къ Западнымъ его владѣніямъ,—часть нашихъ суконъ и драдедамовъ, а также плизъ, за распродажею другой ихъ части собственно въ Илійской области. Кожевенныя же издѣлія, чугуныя и желѣзныя—главнѣйше расходятся между калмыками и киргизами.

И такъ, для сбыта нашихъ произведеній на западѣ Китая, представляются: во-первыхъ, *Илійская область*, съ городами Чугучакомъ, Хами и другими; во-вторыхъ, *Кашкарія*, съ массою своего народонаселенія и съ многочисленными городами, выше сего означенными, и затѣмъ еще *внутреннія провинціи Китая*: Гань-су, Сы-чуань и другія. Что же касается до существующей во всѣхъ этихъ мѣстахъ потребности на наши произведенія и особенно на мануфактурныя, то достаточно сказать, что съ нѣкотораго времени проникли въ Кашкарію даже англійскіе товары и проникли въ значительномъ количествѣ, особенно миткаль, коленкоръ, ситецъ и драдедамы. Китайскіе купцы, несмотря на огромность разстоянія до Кашкаріи отъ главныхъ мѣстъ закупа ими англійскихъ внутри Китая товаровъ, нашли для себя выгоднымъ дѣлать подобные обороты и отправлять помянутыя товары въ

Кашкарію. Привозъ туда сихъ англійскихъ издѣлій, какъ свѣдѣвали мнѣ сами китайскіе купцы, въ послѣднее время съ каждымъ годомъ сталъ увеличиваться: одинъ торговый домъ въ Урумджи пересылаетъ ежегодно въ Кашкарію не менѣе какъ 20 т. кусковъ англійскаго миткаля. Миткаль этотъ даже появился въ Кульджѣ, и я для образца вывезъ одинъ кусокъ онаго съ англійскимъ клеймомъ. Спрашивается: какимъ образомъ могли бы проникнуть эти товары въ край столь для нихъ, по видимому, недоступный, проходить изъ *Китая* (не изъ *Индіи*), чрезъ всѣ внутреннія Китайскія провинціи, на Западную оконечность сего государства, во внѣшнія его области, если бы наши произведенія удовлетворяли потребностямъ жителей этихъ мѣстъ, которыя, по географическому положенію ихъ исключительно должны бы были снабжаться нашими товарами? (Отъ Кульджи до ближайшихъ городовъ Кашкаріи всего 10 дней караваннаго хода).

Замѣчательное также обстоятельство и которое тоже могло бы ручаться за развитіе торговли, если бы торговля была открыта—это, что всѣ китайскіе купцы, съ нами торгующіе въ Чугучакѣ и Кульджѣ, суть шансійцы, жители той же шансійской провинціи, изъ которой всѣ купцы, производящіе торгъ на Кяхтѣ, и всѣ они, какъ и на Кяхтѣ, торгуютъ также кампаніями, или торговыми домами, состоящими изъ нѣсколькихъ участниковъ. Главныя ихъ конторы, какъ выше сказано, находятся въ Урумджи, а урумджинскія завѣдываютъ находящимся отъ тѣхъ же торговыхъ домовъ въ Чугучакѣ, Кульджѣ и въ разныхъ городахъ Кашкаріи, посылая отчеты въ Шанси, гдѣ остаются главные хозяева¹⁾. Въ Кульджѣ имѣется до 30 человекъ купцовъ отъ этихъ торговыхъ домовъ; въ Чугучакѣ же человекъ 10, или 15, но изъ нихъ три отъ домовъ весьма значительныхъ. Если бы въ Чугучакѣ и Кульджу болѣе привозилось нашихъ произведеній, то и китайскіе купцы могли бы доставлять своихъ товаровъ въ обмѣнъ *сколько угодно*; но привозятъ теперь, разумѣется, сообразуясь съ положеніемъ рынка, съ количествомъ нашихъ привозныхъ товаровъ. Это говорили мнѣ сами китайцы и справедливость словъ ихъ, между прочимъ, подтверждается и самымъ появленіемъ и распространеніемъ въ семипалатинской

¹⁾ Дорога отъ Урумджи до внутреннихъ провинцій Китая, сначала идетъ тѣлѣжная до города Хами, а далѣе до крѣпости Дзя-юй-гуань (до великой Китайской стѣны) хотя уже лежитъ черезъ пески, но къ переходу каравановъ не представляетъ, по отзыву китайскихъ купцовъ, никакихъ особенныхъ затрудненій; по ней товары обыкновенно возятся на верблюдахъ.

торговлѣ байховаго чая. Мы долгое время полагали, что чайной торговли съ западомъ Китая быть не можетъ, что тамъ могутъ вымѣниваться только нѣкоторые бумажныя и шелковыя издѣлія, кирпичный чай и грубый сабетъ-чай; полагали такъ, основываясь на долгодѣтнемъ опытѣ, на томъ, что въ теченіе цѣлыхъ десяти-коихъ лѣтъ, какъ существуетъ эта торговля, не привозилось къ намъ байховаго чая. Но вотъ вдругъ купцы наши пожелали имѣть его; стали съ охотою разбирать первые появившіеся чай и лишь только китайцы замѣтили это стремленіе и убѣдились въ возможности ввести сію новую статью въ ихъ торговлю, какъ въ самое непродолжительное время стали привозить байховаго чая, можетъ быть, въ большемъ количествѣ, нежели сколько купцы наши желали бы теперь имѣть его. Достойно также вниманія, что чай, который къ намъ идетъ изъ Чугучака и Кульджи, есть тотъ же фуцзянскій чай, т. е. добываемый въ Фуцзяни, (откуда идутъ къ намъ всѣ байховые чай), а не изъ другой какой либо провинціи, какъ нѣкоторые думали; это также мы говорили сами китайскіе купцы. Они главнѣйше закупаютъ его въ Шанси отъ купцовъ, имѣющихъ непосредственныя дѣла съ Фуцзянью, (вѣроятно отъ тѣхъ, которые производятъ торгъ съ Кяхтою, какъ главныхъ закупщиковъ чая въ Фуцзяни); но нѣкоторые китайскіе дома, въ Чугучакѣ и Кульджѣ торгующіе, недавно вошли сами въ непосредственныя сношенія съ Фуцзянью и стали отправлять туда своихъ коммиссіонеровъ, для закупки чая. Теперь въ чугучакскую и кульджинскую торговлю идутъ, изъ байховыхъ чаевъ, одни только торговые, или черные, которые съ каждымъ годомъ улучшаются, такъ что хорошіе сорта ихъ не уступаютъ нисколько кяхтинскимъ. Цвѣточныхъ же чаевъ хотя еще нѣтъ въ оборотѣ сей торговли; но нѣкоторые китайскіе купцы уже дѣлали опыты ихъ вывоза и надобно ожидать, что со временемъ и сіи чай будутъ тѣми же путями доставляться въ Семипалатинскъ.

Изъ всего вышесказаннаго, кажется, не обинуясь можно вывести заключеніе: *что торговля съ западными областями Китая можетъ развиваться, при нѣкоторыхъ, разумѣется, для сего условіяхъ (если устранятся существующія препятствія).*

Не произведетъ ли развитіе семипалатинской торговли вреда для кяхтинской? Здѣсь по порядку слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ: не повредитъ ли ея развитіе кяхтинской торговлѣ? По сему предмету прежде всего долгомъ считаю замѣтить, что мѣста потребленія въ самомъ Китаѣ нашихъ произведеній, идущихъ чрезъ Семипалатинскъ, совершенно иныя нежели тѣ, гдѣ потребляются

русскія же произведенія, идущія черезъ Кяхту. Для первыхъ какъ выше сего было объяснено, представляются: Илійская область, Кашгарія и частью западныя провинціи внутренняго Китая; для кяхтинскихъ же товаровъ вся сѣверная, а частью средняя и южная его полосы. Доказательствомъ сей разности мѣстъ потребленія нашихъ произведеній въ Китаѣ (произведеній, идущихъ чрезъ Семипалатинскъ и промѣниваемыхъ на Кяхтѣ), служить между прочимъ и то, что многія изъ статей весьма важныхъ въ отпускной кяхтинской торговлѣ, какъ наприм., чешуйка, тигъ и всѣ пушные товары, не находятся въ торговлѣ семипалатинской; слѣдственно и въ самомъ Китаѣ товары наши, чрезъ Чугучакъ и Кульджу получаемые, имѣютъ другихъ потребителей. Къ этому должно еще присовокупить, что по обширности Китайскаго государства, по огромности народонаселенія его, можно быть почти увѣрену, что какъ бы ни распространились наши съ нимъ торговыя сношенія, недостатка въ рынкахъ для русскихъ произведеній тамъ не будетъ и ожидать тѣсноты въ этомъ отношеніи едва ли возможно. Все это ведетъ къ тому заключенію, что отпускъ нашихъ товаровъ въ самой Кяхтѣ, отъ усиленія отпуска чрезъ Семипалатинскъ, сколько мнѣ кажется, не можетъ уменьшиться: требованія на нихъ въ Китаѣ отъ того не измѣнятся. Одно, что только можно сказать, это, что съ большимъ распространеніемъ торговли въ западныхъ областяхъ Китая, безъ сомнѣнія будетъ увеличиваться и самый привозъ къ намъ байховаго чая, и слѣдственно кяхтинскіе купцы въ этомъ отношеніи встрѣтятъ въ семипалатинскихъ купцахъ какъ бы соперниковъ собственно по чайной торговлѣ на внутреннихъ рынкахъ Россіи. Но ужели обстоятельство это должно удерживать отъ открытія для фабричной и мануфактурной промышленности нашей большихъ истоковъ, въ коихъ она нуждается, и подвергать ее опасности (въ случаѣ какихъ-либо размолвокъ нашихъ купцовъ съ китайскими на Кяхтѣ) оставаться, такъ сказать, въ застоѣ, безъ движенія, и въ необходимости уменьшать производство нѣкоторыхъ издѣлій (закрывать фабрики, какъ этому уже были примѣры, послѣ несостоянія расторжки на Кяхтѣ въ 1843 году)! При существованіи семипалатинской торговли въ желаемыхъ размѣрахъ и подобное явленіе на Кяхтѣ (остановка тамъ торговли) уже не будетъ сопровождаться столь непріятными для пашей промышленности послѣдствіями

Къ вышеизложенному долгомъ считаю присовокупить, что если бы даже семипалатинская торговля, по бѣльшей близости Чугучака и Кульджи отъ внутреннихъ нашихъ рынковъ,

со временемъ развилась до того, что привлекала бы къ себѣ главную массу нашихъ товаровъ (что, конечно, даже при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ скоро совершиться не можетъ), то и въ такомъ случаѣ нельзя ожидать вредныхъ отъ сего послѣдствій ни для нашей промышленности вообще, ни для сибирской въ частности. Для Россіи все равно—тѣмъ или другимъ путемъ будетъ болѣе идти нашихъ произведеній, лишь бы шло ихъ болѣе. А что касается до Сибири, то пушная торговля всегда останется за Бяхтою: звѣринные промышленники слѣдственно пострадать ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Относительно же всѣхъ промышляющихъ по сибирскому тракту провозомъ бяхтинскихъ товаровъ слѣдуетъ замѣтить, что положеніе ихъ теперь измѣнилось и, при распространившемся въ Сибири золотодобываніи, благосостояніе ихъ уже не такъ связано съ вышеизъясненнымъ промысломъ (извозомъ товаровъ).

Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ.

(Этнографическій очеркъ).

В. Ф. Трощанскаго¹⁾.

Предлагаемый вниманію читателей „Живой Старины“ очеркъ представляетъ собою отрывокъ изъ готовящаго мною къ печати посмертнаго труда В. Ф. Трощанскаго: „Наброски о якутахъ Якутскаго округа“, первыя двѣ главы коихъ посвящены, главнымъ образомъ, описанію домашней обстановки якутовъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ мин. 1907 г. онѣ были прочтены мною въ засѣданіяхъ Императ. Русскаго Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи по слѣдующей программѣ, исчерпывающей содержаніе обѣихъ помѣщаемыхъ ниже главъ:

Зимнее жилище—юрта или балаганъ. Лѣтнее жилище—берестяная юрта (ураса). Внешняя и внутренняя обстановка жилища. Каминъ. Кульгъ огня. Роль хозяйки, какъ хранительницы очага. Мебель юрты. Хозяйственный инвентарь якутской семьи: посуда, одежда, разныя хозяйственныя принадлежности.

Паружность якутовъ и якутокъ. Два физическіе типа якутовъ.

Въ текстѣ мною сдѣланы незначительныя вставки и прибавлены якутскія названія упоминаемыхъ авторомъ предметовъ.

Эд. Пекарскій.

I.

Бдучи въ Якутскую область, я рисовалъ себѣ самыя мрачныя картины жизненной обстановки якутовъ на основаніи тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя случайно долетали до меня. Но вотъ, не доѣзжая версты 200 до Якутска, мнѣ представился случай ознакомиться съ жильемъ того народа, среди котораго предстояло коротать дни. То, что я при этомъ увидѣлъ, только реализовало въ конкретной формѣ мои болѣе или менѣе неопредѣленные страхи и произвело на меня самое удручающее впечатлѣніе.

¹⁾ Авторъ изслѣдованія: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ“ Казань. 1902.

На одной изъ почтовыхъ станцій мнѣ предложили осмотрѣть якутскую юрту, которая находилась, по словамъ почто-содержателя, въ нѣсколькихъ шагахъ. Я вышелъ на дворъ и, пройдя немного, остановился въ недоумѣніи, такъ какъ нигдѣ не оказывалось и признаковъ человѣческаго жилья. Но каково же было мое удивленіе, когда мнѣ указали на какой-то коричневый холмъ съ небольшимъ отверстіемъ, заткнутымъ льдиной, и сказали, что вотъ именно этотъ холмъ и есть якутская юрта, а льдина—не что иное, какъ окно. Нужно замѣтить, что сами якуты никогда не называютъ своего жилья юртой¹⁾. Для обозначенія вообще всякой жилой постройки у нихъ есть слово *дйа* (= *ція*), а то, что русскіе называютъ юртой, они зовутъ балаганомъ (балаганъ). Балаганъ—слово персидское; принесли ли якуты съ собою это слово или заимствовали его у русскихъ—неизвѣстно, но что сама постройка заимствована у послѣднихъ—болѣе чѣмъ вѣроятно. Помнится, я читалъ гдѣ-то описаніе старинныхъ казачьихъ куреней, и, помнится, принципъ постройки ихъ тотъ же, что и якутскихъ балагановъ. Правда, самый принципъ этой постройки до того простъ, что можно бы, разумѣется, обойтись и безъ заимствованія, но,—въ виду того, что якуты заимствовали у русскихъ даже такой, простой конструкции и въ то же время крайне необходимый, предметъ, какъ столъ (о трехъ ножкахъ), называющійся по-якутски *остуол*,—трудно предположить, что до постройки балагана, требующей болѣе значительной сообразительности и технической сноровки, они додумались сами. Кромѣ того, едва ли якуты имѣли возможность, до пришествія русскихъ, срубить и обдѣлывать болѣе или менѣе толстыя деревья своими первобытными инструментами,—туземное происхожденіе теперешняго якутскаго топора для меня весьма сомнительно, такъ какъ его форма рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ формы русскаго топора. Къ тому же, въ одной сказкѣ, дѣвушка, обращаясь къ матери, говоритъ: „Достань, дай мнѣ ремень, которымъ я увязываю сѣно и дерево. Дай оправленный оловомъ ножъ, которымъ

¹⁾ Якутское слово *сурт* (пепелище) = тюрк. *јурт* (мѣсто жительства, стоянка, жилище), отъ котораго происходитъ русское *юртъ* или *юрта*, встрѣчается въ обиходной рѣчи, очень рѣдко, въ значеніи „лѣтника“, „зимника“ (кысмыдчы сурт) или заброшеннаго жилья (халбыт сурт), чаще—въ названіяхъ мѣстностей: Кылаі сурда, Хотур сурда, Сурт сымы и пр. По *Спрошевскому* („Якуты“, 347), сурт назывались мѣста, гдѣ пасли скотъ: „былъ кобылій суртъ; былъ коровій суртъ. Якуты перебирались изъ урасы въ урасу, изъ сурта въ суртъ“.

я играю—строгаю траву и дерево! Дай топоръ, которымъ я играю—перерубаю траву и дерево!“¹⁾ Во-первыхъ, мы видимъ, что запасать сѣно и дрова лежало на обязанности женщинъ, а потому топоръ не могъ быть такимъ тяжелымъ, какимъ мы его видимъ теперь; во-вторыхъ, онъ не могъ быть такимъ и потому, что его съ одинаковымъ удобствомъ употребляютъ для „перерубки“ травы и дерева; наконецъ, онъ употребляется наравнѣ съ ножомъ, а потому, въ качествѣ орудія, не можетъ значительно отличаться своею приспособленностью къ обработкѣ, а главное—къ рубкѣ болѣе или менѣе толстыхъ бревенъ. Но имѣются еще основанія въ пользу того, что балаганъ—не якутскаго происхожденія.

Еще и теперь можно встрѣтить кое у кого изъ богачей коническую юрту изъ бересты, которая имѣетъ специальное якутское названіе—ура са²⁾. Ея постройка очень характерна для якутской техники, а потому я и скажу нѣсколько словъ объ ней.

Ураса, которую я специально осматривалъ, имѣетъ около $3\frac{1}{2}$ саж. вышины и, по формѣ, напоминаетъ сахарную голову, такъ какъ линія продольнаго сѣченія урасы—кривая. Окно нѣтъ, но она освѣщается свѣтомъ, падающимъ сверху черезъ дымовое отверстіе, которое очень велико; въ ней имѣется дверь, въ старину лѣтомъ завѣшивавшаяся берестой, а зимой шкурами. Я буду описывать урасу въ томъ порядкѣ, какъ она строится. Нужно замѣтить, что урасу можно строить изъ самаго мелкаго лѣса. Прежде всего, вкапываютъ вертикально столбы,—въ осмотрѣнной мною юртѣ ихъ было 12,—вышиною въ сажень на разстояніи отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 арш. другъ отъ друга; внизу между каждыми двумя столбами врублены горизонтально два бревна, лежащія другъ на другѣ. Въ верхніе концы столбовъ врублены дугообразныя плахи, такъ что получается деревянный кругъ (орто курд̄у), поддерживаемый столбами. Отступя наружу аршина $1\frac{1}{2}$ отъ столбовъ, вкапываютъ наклонно длинныя, гладко выстроганныя жерди такъ, что онѣ лежатъ на вышеупомянутомъ деревянномъ кругѣ; жерди вкапываются на разстояніи вершковъ 4-хъ другъ отъ друга. Затѣмъ, изъ двухъ или трехъ выгнутыхъ и связанныхъ между собою жердей дѣ-

¹⁾ Худяковъ, И. А. Верхоянскій Сборникъ. Ирк. 1890, стр. 93.

Э. П.

²⁾ Ср. бурятское игусе (палаточное или шатерное древо), которое Castrén (Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. St. Petersburg, s. 102b) сравниваетъ, впрочемъ, съ якутскимъ ура са—шесть, жердь.

Э. П.

лаютъ кольцо, равное по величинѣ кругу примѣрно средняго сѣченія предполагающагося конуса, и насаживаютъ его на пропущенныя внутрь жерди, нажимая ихъ на деревянный кругъ; одна треть жердей—такой длины, что концы ихъ связываются между собою въ верхушкѣ конуса, тогда какъ остальные не доходятъ до вершины аршина $1\frac{1}{2}$ или 2 и ихъ концы привязываются къ другому, гораздо меньшему кругу изъ крученыхъ талинъ. На этотъ остовъ изъ жердей надѣвается плотно пригнанный берестяной покровъ, спитый конскими волосами изъ небольшихъ кусковъ бересты; затѣмъ, этотъ покровъ еще обладывается кусками бересты, но уже не спитыми, а сверхъ всего этого лежатъ также вкопанныя нижними концами жерди, которыя опять пригнетаются посрединѣ кольцомъ; съ верхними концами жердей поступаютъ какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Въ серединѣ урасы устраивается холумтан или состуок русск. шестокъ)—деревянный ящикъ вышиною въ 4—5 вершковъ, плотно набиваемый глиной и служащій очагомъ. По обѣ стороны очага вкопано по столбу въ $2\frac{1}{2}$ арш. вышиною; столбы (ачахъ или кѡлѡ) соединены между собою перекладиною, имѣющею сквозной продольный прорѣзъ, въ которомъ движутся деревянные крючки (кѡхѡ) для навѣшиванія котловъ¹⁾. Отъ нижнихъ бревенъ, соединяющихъ основные столбы, идутъ къ берестяному покрову неподвижныя лавки, орон'ы, вокругъ всей урасы, оставляя свободнымъ только пространство противъ дверей.

Въ нашемъ²⁾ наслегѣ имѣется только три урасы, и въ нихъ живутъ лѣтомъ; въ настоящее время ихъ почти не строятъ³⁾, такъ какъ онѣ очень дорого стоятъ, а для лѣтняго помѣщенія устраиваются такіе же балаганы, какъ и для зимняго, но только изъ болѣе мелкаго лѣса. Если бы якуты умѣли строить свои балаганы до прихода русскихъ, то имъ, значитъ, извѣстно было бы и слово балаганъ, а потому нужно было бы признать, что они принесли съ собою изъ своей прежней роины какъ самое слово, такъ и умѣнье строить балаганы, но, въ такомъ

¹⁾ У г. Сѣрошевскаго („Якуты“, стр. 350) ошибочно перекладины названы ачахъ; затѣмъ, у него же, а также у Маака (Вил. окр., III, стр. 46) деревянные крючки ошибочно названы кѡлѡ вм. кѡхѡ. Э. П.

²⁾ Авторъ жилъ въ 3-емъ Жехсогогонскомъ наслегѣ Ботурускаго улуса Э. П.

³⁾ Въ упомянутомъ наслегѣ богатый родовичъ Н. П. Слѣпцовъ, бывшій голова улуса, выстроилъ на своей усадьбѣ урасу съ цѣлью сохранить для потомства этотъ родъ стариннаго якутскаго жилья, признаваемаго Сѣрошевскимъ (Якуты I, 347) „за самую древнюю форму якутскихъ жилищъ“. Э. П.

случаѣ, такіа же постройки должны были бы быть и у ихъ родичей—бурятъ, изъ настоящаго мѣстожителства которыхъ якуты и пришли сюда, но тамъ ихъ нѣтъ. Съ другой же стороны, если имъ были извѣстны балаганы, то, въ такомъ случаѣ, чтѣ могло побудить ихъ строить урасы, которыя хуже защищаютъ отъ стужи и непогоды и требуютъ больше труда и трудно добываемаго матеріала? Можно подумать, что онѣ строились только для лѣтнихъ помѣщеній, но и это невѣрно, такъ какъ у якутовъ сохранилось названіе буор ураса, указывающее, что эти сооруженія обкладывались дерномъ или обмазывались глиной, а это могло дѣлаться только съ помѣщеніями, предназначавшимися для зимы¹⁾. Предположить же, что якуты сами додумались до постройки балагана на своей новой родинѣ, также невозможно, потому что тогда они удержали бы круговую форму, замѣнивъ только бересту и жерди сплошными стѣнами изъ бревенъ и построивъ потолокъ. Круговую форму они должны были бы сохранить какъ потому, что она была имъ болѣе привычна, такъ и потому, что въ первое время имъ легче было бы строить круговые балаганы, чѣмъ четырехугольные. Кромѣ того, я не могу допустить, чтобы народъ, сумѣвшій самостоятельно дойти до постройки балагана, связывая остовъ его разнообразными зарубками, сохранилъ до прихода русскихъ свой столъ, который состоятъ только изъ столешницы, сшитой изъ бересты и прикрѣпленной къ четыремъ палкамъ, связаннымъ между собою по угламъ;—сохранилъ бы до настоящаго времени свои нарты (сани) въ первобытномъ ихъ видѣ, скрѣпляя между собою различныя части ремнями,—даже копылья привязаны или, вѣрнѣе сказать, пришиты узкими ремнями къ полозьямъ. Я полагаю, что сшитыя нарты болѣе соотвѣтствуютъ сшитой урасѣ и сшитой же берестяной посудѣ, а если прибавить еще, что даже выгребныя лопаты спиваются изъ мелкихъ досточекъ, которыя прикрѣпляются ремешками къ рукояткѣ,—что лодки и деревянные части сдѣла также спиваются,

¹⁾ Въ Колымскомъ округѣ и до сихъ поръ якуты живутъ „въ коническихъ обсыпанныхъ землею чумахъ“. Записки Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. II. вып. I. Иркут. 1892: Очерки крайняго сѣверо-востока. И. Шкловскаго, стр. 37, *Прим. автора.*

По сообщенію В. И. Юхельсона, эти коническія обложенныя дерномъ (но не обсыпанныя землею) юрты встрѣчаются у якутовъ глубокаго сѣвера какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Верхоянскомъ округѣ (въ послѣднемъ округѣ чаще). Въ нихъ живутъ только лѣтомъ во время промысла рыбы. В. И. Юхельсонъ рассматриваетъ этотъ типъ лѣтняго жилья якутскихъ рыболововъ заимствованнымъ отъ осѣвшихъ тунгусовъ. Объякутѣвшіе (по языку и образу жизни) тунгусы устья Лены лѣтомъ живутъ въ такихъ урасахъ.

то для насъ станетъ вполне ясно, что принципъ постройки балагана совершенно иной и не имѣетъ ничего общаго со сшиваніемъ, которое у якутовъ было единственной технической основой¹⁾.

Но, какъ бы то ни было, передъ нами стояло человѣческое жилье-юрта, а отверстіе, заткнутое льдиной, дѣйствительно, оказалось окномъ, обращеннымъ къ югу, тогда какъ съ восточной стороны обнаружилась дверь, обшитая коровьей шкурой.

Быль мартъ мѣсяцъ. Въ воздухѣ тепло, но земля покрыта еще толстымъ слоемъ снѣга. Лена скована непроницаемой броней, и, какъ ни старается солнце разжечься,—ничего не выходитъ.

Только на этой коричневой глыбѣ и подлѣ нея нѣтъ снѣга, только надъ ней струится воздухъ отъ легкой испарины, далеко разнося ароматъ якутской весны,—ароматъ, отъ котораго тошнить; въ немъ преобладаетъ ѣдкій запахъ амміака съ запахомъ горѣлаго навоза, потому что, въ это время года, обсохшая на поверхности юрта тамъ и сямъ загорается отъ падающихъ изъ трубы искръ, и якутки съ ребятишками постоянно засыпаютъ снѣгомъ или заливаютъ водою загорѣвшіяся мѣста. Горитъ коровій навозъ, которымъ облѣплена юрта поверхъ глиняной обмазки.

Обыкновенно каждую осень, когда начинается и днемъ подмораживать, якутскія женщины набрасываютъ на стѣны юрты лопатами свѣжій коровій навозъ безъ всякой подмѣси, а затѣмъ разглаживаютъ его, и эта работа производится ежедневно недѣли двѣ, по мѣрѣ накопленія смазочнаго матеріала,—вотъ почему весной эта глыба, постепенно оттаивая, благоухаетъ. Къ тому же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилья вы можете увидѣть цѣлыя горы коровьяго навоза, накопившагося за зиму, а иногда и за много зимъ, потому что не всегда его лѣтомъ сжигаютъ; онъ также таетъ въ эту пору и также возвѣщаетъ своимъ благоуханіемъ о наступленіи весны,—якутской весны съ глубокимъ снѣгомъ и отвратительнымъ смрадомъ. Судя по величинѣ этихъ горъ, вы можете составить себѣ понятіе о сте-

¹⁾ По мнѣнію *Миддендорфа* (Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, ч. II, отд. IV. Спб. 1878, стр. 780), якутскій народъ „перенялъ у тунгусовъ ихъ зимнее жилье, *үтэн*, но не передѣлалъ его, а удовольствовался только расширеніемъ его“; *үтэн*—охотничій шалашъ, устроенный изъ конусообразно-поставленныхъ жердей, съ отверстіемъ вверху, и обмазанный глиною или обложенный дерномъ. „Основное различіе тунгусско-якутскаго срубленнаго дома отъ русскаго заключается въ отвѣсномъ (вмѣсто горизонтальнаго) положеніи бревенъ“ (ibidem). Ср. *Сироцевскій*, „Якуты“, стр. 362—3. Э. II.

пени благосостоянія хозяина; это—едва ли не единственное вѣрное мѣрило, такъ какъ жизненная обстановка якутовъ ничего вамъ не скажетъ: сплошь и рядомъ состоятельные якуты живутъ въ такой же обстановкѣ, какъ и бѣдные, и зачастую не признаешь даже богача по его домашней обстановкѣ и обычной одеждѣ, особенно богача, нетронутого цивилизаціей, т.-е. неграмотнаго и не ѣздящаго въ г. Якутскъ.

Но такъ какъ мы въ скотоводческой странѣ, то весьма естественно, что картина весны приобретаетъ окончательно пасторальный характеръ отъ присутствія на ея фонѣ коровъ и телятъ, еще болѣе отбѣняющихъ характеръ этого края. Да, глядя на этотъ жалкій, мелкій, истощенный скотъ, съ уродливыми рогами и копытами, съ плотно присохшимъ на бокахъ и на заднихъ ногахъ толстымъ слоемъ навоза, который отвалится только къ серединѣ лѣта вмѣстѣ съ шерстью, съ такимъ же образомъ облѣпленнымъ хвостомъ, со взбитой, грязной шерстью, мѣстами вытертой, съ отвратительнымъ запахомъ, распространяющимся вокругъ этихъ скрючившихся коровъ и телятъ, вы уже предчувствуете, что васъ ожидаетъ въ юртѣ.

Вотъ, прежде всего, чѣмъ поражаетъ васъ жизнь якутовъ,—поражаетъ ваше зрѣніе, обоняніе и дыханіе. Но не поддавайтесь этимъ впечатлѣніямъ, а главное—не дѣлайте никакихъ обобщеній и сближеній подъ вліяніемъ благоуханія якутской весны, а то рискуете очутиться въ положеніи чловека, открывающаго несуществующую Америку. Въ такое положеніе попадаютъ многіе русскіе, незнающіе якутскаго языка, но имѣющіе слабость къ стремленію пролить свѣтъ истины на основаніи данныхъ того же языка. Каждый изъ нихъ обязательно откроетъ, что са х а, которымъ называютъ себя якуты, имѣетъ общій корень со словомъ с а х, коровій навозъ, а затѣмъ дѣлаются болѣе или менѣе неожиданныя сближенія и заключенія. Но постарайтесь запомнить, что между этими двумя словами—какъ увѣряютъ прекрасно знающіе языкъ и практически, и теоретически—не существуетъ никакого лингвистическаго родства. Когда уже были написаны эти строки, мнѣ пришлось прочесть въ высшей степени забавное открытіе въ этомъ родѣ, превзошедшее своею бойкостью всѣ извѣстныя мнѣ анекдотическія открытія. В. Л. Приклонскій напечаталъ въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества за 1887 годъ¹⁾, что якуты

¹⁾ Томъ XVIII. Ирк. 1888. См. также въ „Живой Старинѣ“ 1890, вып. II. Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки), гл. II, стр. 32.

„носить названіе саха—навозъ“ (стр. 13). Чего можетъ быть проще и вразумительнѣе: якуты такъ-таки прямо и называютъ себя навозомъ! А между тѣмъ, какъ я уже говорилъ выше, для народа и навоза существуютъ два разныхъ слова; но почтенный авторъ „Матеріаловъ по этнографіи якутовъ“ не подозревалъ этого, а разъ онъ этого не подозревалъ, то, разумѣется, никакія сомнѣнія не колебали его рѣшимости обогатить этнографію и инныя науки, и онъ обогащаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Навозомъ обмазывали и обмазываютъ юрту; изъ навоза дѣлали и дѣлаютъ посуду (?); за отсутствіемъ глины хозяйство якута безъ навоза невысказимо“. Начать съ того, что обмазка якутами своего жилья началась, по всѣмъ вѣроятіямъ, недавно, такъ какъ въ сказкахъ нигдѣ не встрѣчается указаній на то, чтобы юрты обмазывались навозомъ, а всегда онѣ обкладываются землей; ватѣмъ тунгусы называютъ якутовъ „земляными“ (буор сахалар¹⁾), а не навозными. Далѣе, неизвѣстно, о какой посудѣ говоритъ авторъ? Разъ глины совсѣмъ нѣтъ, то, значить, и горшки дѣлаютъ изъ „навоза“—что можетъ быть любопытнѣе для этнографа? Но фактъ тотъ, что „изъ навоза“ якуты не дѣлаютъ никакой „посуды“²⁾. Я живу 8-й годъ среди якутовъ, и мнѣ пришлось только одинъ разъ видѣть нѣчто въ родѣ большой ванны, сдѣланной изъ коровьяго „навоза“; въ ней якуты обмолачиваютъ зимою хлѣбъ, а потому происхожденіе этой навозной посуды позднѣйшее, такъ какъ якуты стали сѣять хлѣбъ очень недавно. Что же касается до того, будто Якутская область представляетъ изъ себя песчаную Аравію, то я ужъ и не знаю, какъ назвать это открытіе. Глины въ Якутской области даже болѣе, чѣмъ нужно, и только на берегахъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ имѣются пески. Я живу въ 200 верстахъ отъ г. Якутска у небольшой рѣчки³⁾ и, чтобы имѣть песокъ, которымъ обмазывается деревянная лопатка, употребляемая для правки косы, я вынужденъ возить его для себя—а всего то мнѣ нужно фунтовъ 7—8—

¹⁾ Худ., стр. 68.

Э. П.

²⁾ Говоря, что якуты дѣлаютъ изъ навоза посуду, покойный Приклонскій имѣлъ въ виду, по всей вѣроятности, ту большую чашу изъ навоза, которую онъ описываетъ такъ: „Съ наступленіемъ морозовъ насыпаютъ кучу сѣна въ видѣ полушарія, облагаютъ его свѣжимъ коровьимъ пометомъ и, когда онъ замерзнетъ, то, повернувъ, получаютъ большую чашу, которую обливаютъ водой, наводятъ глазурь (подобно ступкѣ), и въ эту-то чашку сливаютъ жидкій таръ изъ ушатовъ“ (Жив. Ст., ор. с., стр. 43). Таръ—проквашеное за лѣто молоко.

Э. П.

³⁾ Татты, лѣваго притока Алдана.

Я. П.

изъ-за 35 верстъ, да и тамъ онъ имѣется на небольшомъ клочкѣ земли, а въ большомъ количествѣ можно его достать только въ 20-ти верстахъ на р. Амгѣ. Но вернемся въ прерванному разсказу.

Итакъ, я вижу передъ собою усѣченную четырехугольную пирамиду коричневаго цвѣта, вышиною аршина въ 4, съ закругленными углами и съ расплывающимся основаніемъ, съ едва выпуклой земляной крышей, обложенной по краю невысокими бортами изъ навоза, съ наискось торчащей трубой изъ жердей, скрѣпленныхъ тальниковымъ кольцомъ и вымазанныхъ съ внутренней стороны глиной.

Я обратилъ ваше вниманіе на то, что двери юрты выходили на востокъ, и это не случайность, такъ какъ даже и въ настоящее время у громаднаго большинства юртъ двери всегда выходятъ на востокъ, а въ старину это было общимъ правиломъ. Герой одной сказки, построивъ себѣ юрту, говоритъ: „Весеннее мое солнце, кажись, съ этой стороны всходить“ и выбралъ въ одномъ мѣстѣ часть стѣны, чтобы тутъ была входная-выходная дверь“¹⁾. Чѣмъ это объясняется? Естественно, если якуты предпочитаютъ устраивать на южной сторонѣ окна, чтобы, какъ говорится въ вариантѣ той же сказки, „мое девятилучистое полное (т.-е. во время полудня) солнце, поворачиваясь на югъ, закинуло свои лучи въ домъ“²⁾; точно такъ же понятно, почему они загораживаютъ свою юрту съ сѣверной стороны хотон'омъ (коровникъ). Но затѣмъ для нихъ должно быть безразлично—устроить ли двери на востокъ или на западъ. Почему же они предпочитаютъ востокъ? Нужно думать, что въ старину якуты считали необходимымъ, чтобы первое, что имъ представится при выходѣ поутру изъ юрты, было животворящее солнце. То обстоятельство, что якуты считали для себя обязательнымъ обращаться въ извѣстныхъ случаяхъ лицомъ къ востоку, находить подтвержденіе и въ томъ фактѣ, что они и о своемъ скотѣ думаютъ то же самое, т.-е. они думаютъ, что ихъ скотъ предпочитаетъ стоять, обращая свои взоры къ востоку, потому что переднюю часть скотины они называютъ восточной, и если вы желаете купить переднюю часть туши, то должны назвать ее восточной³⁾. По-якутски однимъ словомъ

¹⁾ *Н. Гороховъ* Юрюнгъ Уоланъ. Якутская сказка. Ч. 1-я (Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. т. XV, №№ 5—6, 1884 г. Ирк. 1885, стр. 44). Э. П.

²⁾ *Худ.*, стр. 132. Э. П.

³⁾ Въ якутскомъ языкѣ *ilín* значитъ: передъ и востокъ, передній и восточный. Э. П.

(арба) означается спина, тылъ и западъ, сѣверъ называется лѣвой стороной (хаңас), а югъ правой (уңа). „По китайскимъ лѣтописямъ,—говорить Д. Банзаровъ въ „Черной вѣрѣ“,— ханы хунские задолго до христіанской эры имѣли обычай выходить ежедневно утромъ для поклоненія солнцу“ (13—14); съ другой стороны, персы—солнцепоклонники, а якуты вышли изъ долины Заревшана въ сѣверную Монголію, а оттуда въ Сибирь ¹⁾).

Если же взять во вниманіе еще и то обстоятельство, что на одеждѣ шамана, въ которой онъ камлаетъ, имѣется изображеніе продыравленнаго въ центрѣ солнца (күн), т.-е. обезсиленнаго, то мы должны будемъ признать, что въ старину солнце занимало важное мѣсто въ вѣрованіяхъ якутовъ, но что оно (мѣсто) утрачено, и утрачено, повидимому, очень давно, такъ какъ теперь якуты, на мои вопросы по этому поводу, высказали только въ видѣ предположенія, что нѣкогда солнце было, вѣроятно, богомъ у якутовъ.

Я не рѣшаюсь утверждать, что и металлическій кругъ (туосахта), который нашиваютъ якутки спереди на свои зимнія шапки, имѣетъ аналогическое значеніе съ кругомъ няманскаго костюма, но я все-таки считаю возможнымъ упомянуть объ этомъ, потому что круговая форма украшенія встрѣчается только на шапкѣ ²⁾, а, слѣдовательно, она не можетъ быть случайной, тѣмъ болѣе, что гораздо труднѣе сдѣлать металлическій кругъ незамысловатыми инструментами якутскаго кузнеца, чѣмъ четырехугольникъ или какую-нибудь неправильную фигуру, какъ и дѣлаютъ въ другихъ случаяхъ. Знаменательно то обстоятельство, что женщины, принося жертву богинѣ родовъ [ајысыт], надѣваютъ свои шапки задомъ напередъ,—не устраняютъ ли онѣ, такимъ образомъ, изображеніе солнца, которое считается мужчиной, отъ присутствія при жертвоприношеніи, такъ какъ въ это время всѣ мужчины изгоняются изъ юрты? Интересно и то, что невѣста пріѣзжаетъ въ домъ жениха до восхода солнца и, вѣроятно, съ тою цѣлю, чтобы, въ качествѣ новаго члена семьи, съ перваго же дня встрѣтить солнце. Но имѣются еще и другія косвенныя доказательства. Күн тојон—собственное имя, Господинъ Солнце; слово күн, солнце, употребляется также для выраженія почтенія; солнце въ полномъ блескѣ называется „лас-

¹⁾ Соображенія автора о прародинѣ якутовъ см. въ его изслѣдованіи: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ“, стр. 12—17. Э. П.

²⁾ Также и въ серебряномъ грудномъ украшеніи, свѣшивающемся ниже пояса и называемомъ иин кэбіср. Э. П.

ковымъ солнцемъ“ (аламаі кун). Кун һан буолла! померкло солнце, прости солнце!—воскличаніе, съ которымъ умирающій якутъ разстается съ жизнью. Солнце имѣетъ еще эпитеты: почтеннѣйшій чародѣй и слѣдшая особа. Кун уота—солнечные лучи, т.-е. солнечный огонь, а огонь у якутовъ—божество и, въ то же время, сынъ солнца¹⁾).

Но войдемъ же, наконецъ, въ юрту, хотя, по правдѣ сказать, торопиться нечего, такъ какъ едва только вы успѣете сунуть носъ въ это логовище, какъ васъшибанетъ такой аромать, котораго вы вгдѣ не встрѣтите. Я не въ силахъ опредѣлить аромать якутской юрты. Если вы спросите якута, каковъ, на примѣръ, вкусъ водки или уксуса, онъ отвѣтитъ, что то и другое не такъ ѣдки, какъ желчь, но болѣе ѣдки, чѣмъ соль,—такъ они опредѣляютъ всѣ вкусовыя ощущенія веществъ не-сладкихъ. Къ тому же способу опредѣленія и я вынужденъ прибѣгнуть, чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ атмосферѣ юрты. Она менѣе ужасна, чѣмъ сирадъ отъ падали, но невыносимѣе атмосферы казарменныхъ отхожихъ мѣстъ глухихъ провинцій,—въ юртѣ и этотъ запахъ имѣется въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ, такъ какъ дѣти до трехъ-четырехлѣтняго возраста совершаютъ всѣ свои отправленія ва полу и гдѣ придется въ теченіе всей зимы, а полъ—земляной и никогда не исправляется, какъ это дѣлается съ земляными полами на югѣ Россіи. Къ этому запаху примѣшивается въ большомъ количествѣ ѣдкій амміачный запахъ хотон'а, который часто бываетъ даже совсѣмъ не отгороженъ отъ жилой юрты, и оба помѣщенія имѣютъ общую входную дверь, такъ что либо скотъ проходитъ въ хотонъ черезъ край юрты, либо люди прохоятъ въ юрту черезъ край хотон'а. При входѣ въ юрту, у васъ сейчасъ же завертитъ буравомъ въ носу, потомъ крутнетъ во лбу и запершитъ въ горлѣ, а затѣмъ станетъ тошнить, но вы мужайтесь, ибо, въ концѣ концовъ, придется свыкнуться съ подобнымъ запахомъ.

Входя въ юрту, будьте осторожны, такъ какъ, кромѣ нечистотъ, ва которыя вы легко можете наступить, на полу масса выбоинъ, и вы можете свалиться и испачкать не только

¹⁾ Во время весенняго праздника устраивается ысыах [кумысная попойка] съ жертвоприношеніемъ, и въ одной сказкѣ говорится: „Бѣлый Юноша развѣялъ убитаго дьявола по землѣ на ысыахъ солнцу и мѣсяцу“ (Худ., 161). Итакъ, солнцу приносятъ жертвы, какъ боеству, и приносили не только во время весенняго праздника, но и въ другихъ случаяхъ.

обувь. Предположимъ, вы благополучно укрѣпились въ какомъ-нибудь пунктѣ юрты и начинаете осматриваться въ этомъ полумракѣ подвала, который съ одной стороны освѣщается огнемъ камина, а съ другой—едва пробивающимся черезъ оконныя льдины, покрытыя слоемъ инея, дневнымъ свѣтомъ. Прежде всего, вамъ бросаются въ глаза ребятишки въ количествѣ достаточномъ, чтобы отравить жизнь бѣдняка, но только не якута, потому что онъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, выносливъ,—выносливъ, какъ и его коровы, быки, лошади; всѣ они выносятъ самыя, казалось бы, невозможныя условія существованія. Якутъ тупо относится къ тому, что его ребятишки живутъ впроголодь, какъ потому, что это—нормальное положеніе большинства якутскихъ ребятъ, такъ и потому, что онъ самъ, его жена, его престарѣлые родители, его скотъ, его собака и кошка живутъ впроголодь изо дня въ день всю жизнь и только изрѣдка насыщаются до отвала; и можно съ увѣренностью сказать, что даже мыши его юрты живутъ голодомъ, такъ какъ поживиться у хозяина нечѣмъ. Это—страна систематическаго голоданія. Существуетъ разсказъ, что какой-то еврей приучилъ свою лошадь къ тому, чтобы она обходилась безъ пищи, и что это ему удалось блистательно, но на бѣду она околѣла. Можно подумать, что этотъ еврей набрелъ на такую счастливую мысль, живя среди якутовъ и видя, какъ они добиваются того же, но безъ достаточной выдержки. Мнѣ разсказывали такой характерный случай изъ якутской жизни. Былъ старый якутъ, имѣвшій много рогатаго и коннаго скота, но ни онъ самъ, ни его семья никогда не ѣли мяса, а потому, разумѣется, зиму жили впроголодь. Каждую осень онъ выбиралъ обыкновенно самую тощую корову, которую нужно было бы усиленно кормить, чтобы она могла дожить до лѣта, и убивалъ ее, а мясо держалъ для тѣхъ случаевъ, когда проѣздомъ останавливался у него ночевать какой-нибудь почетный якутъ, котораго нельзя не кормить мясомъ. Однажды другой якутъ заявилъ на наследномъ собраніи, что онъ, будучи сосѣдомъ этого богача, опасается быть обвиненнымъ въ томъ, что допустилъ его или кого-либо изъ его семейства умереть голодной смертью, а потому считаетъ необходимымъ поставить общество въ извѣстность о возможности подобнаго печальнаго случая и предложить, для отвращенія его, назначить кого-либо, кто выбралъ бы у голодающаго богача нѣсколько жирныхъ скотинъ, убилъ бы ихъ и кормилъ его и его семейство мясомъ, ибо онъ самъ, по своей крайней скупости, никогда не рѣшится на это. Все общество выслушало рѣчь молча и

вполнѣ серьезно,—на это якуты большіе мастера. Скарედъ же, по окончаніи рѣчи, испугавшись, что его станутъ черезъ мѣру кормить мясомъ, поспѣшилъ уѣхать домой, а дома велѣлъ поимать самую жирную кобылу и убить ее,—такъ онъ и его семейство стали ѣсть мясо. Это не анекдотъ, а дѣйствительный случай.

Якуты отъѣдаются лѣтомъ, когда у нихъ много молока, а наѣдаются до отвала, въ началѣ осени, хоть одинъ разъ: такъ какъ въ это время многіе бьютъ скотъ, то и бѣдняку удастся поѣсть гдѣ-нибудь мяса. Въ неурожайный же годъ и бѣднота бьетъ скотъ: или очень молодой (бычковъ), или очень старый, который не идетъ въ продажу. Когда какой-нибудь якутъ бьетъ скотину, то сосѣди его моментально слетаются, какъ вороны на падаля, ибо каждый гость не только поѣстъ мяса, но получить еще кусокъ и на домъ. Въ виду такого обычая, вытекающаго изъ родовыхъ отношеній, сосѣди (не богачи) бьютъ осенью скотъ поочередно, и счетъ сѣдѣннаго сосѣдами мяса и данныхъ кусковъ ведется самымъ тщательнымъ образомъ, такъ какъ, накормивъ кого-нибудь и давъ ему мяса, я приобретаю право воспользоваться у него тѣмъ же.

Богачи большую часть года живутъ сыто, но и они къ веснѣ тощатъ, потому что къ тому времени и у нихъ истощается пища, которую изъ скупости запасаютъ въ недостаточномъ количествѣ. Однажды весною я замѣтилъ нашему улусному головѣ, челоуѣку богатому, что онъ въ послѣднее время значительно похудѣлъ, и онъ отвѣтилъ мнѣ, что весною всѣ якуты худѣютъ,—таковъ законъ природы.

Ребятишки, которыя толпятся у камина, указываютъ ясно, что вы находитесь среди первобытнаго народа. Маленькія дѣти, 2—3 лѣтъ, совершенно голы, съ громаднѣйшими животами, тонкими ногами и руками, а тѣ, которыя постарше,—въ равныхъ и въ высшей степени грязныхъ рубахахъ изъ синей дабы. У мальчиковъ головы обстрижены подъ гребенку, а у дѣвочекъ волосы заплетаются въ одну косу, туго перевязанную узенькимъ ремнемъ и увѣшанную серебряными бляшками и трубочками, а также разноцвѣтными бусами; голова же всклокочена до такой степени, что волосы торчатъ во всѣ стороны,—совсѣмъ воронье гнѣздо. Дѣти грязны до невозможности, часто покрыты струпами, со слезящимися глазами,—очень мало якутовъ, у которыхъ никогда не болѣли бы глаза; относительно же струпьевъ они думаютъ, что каждый ребенокъ долженъ имѣть ихъ въ извѣстномъ возрастѣ.

Ребятишки, при видѣ „нучи“ (нуча—русскій), съ испугомъ, а иногда и съ плачемъ бросаются къ взрослымъ членамъ семьи, нища защиты; женщины не менѣе пугаются „нучи“, но не бѣгутъ, а только поглядываютъ съ опаской, да и мужчины смотрятъ исподлобья на незнакомаго „пучу“. Вообще, чѣмъ глуше мѣсто, тѣмъ большую сенсацию производитъ появленіе „нучи“.

Дѣти, какъ и взрослые, постоянно толпятся у камина, который, при здѣшнихъ холодахъ въ теченіе 8 зимнихъ мѣсяцевъ, служитъ центромъ всей якутской жизни. Въ каминѣ, впрочемъ, огонь горитъ круглый годъ, и только въ самое жаркое лѣтнее время якутка, войдя въ юрту, не подойдетъ къ камину грѣть руки и не скажетъ: „ычча“! (холодно!). Во всякое же другое время якуты обоего пола и всѣхъ возрастовъ, придя со двора, суютъ руки въ самый огонь, а затѣмъ согрѣваются сами, поворачиваясь около камина и заворачивая полы верхняго платья. Якуты постоянно сидятъ передъ огнемъ,—работаютъ ли, ѣдятъ ли, пьютъ ли чай, или болтаютъ. Гостю, которому желаютъ оказать уваженіе, предлагаютъ мѣсто у камина. Каминъ же служитъ имъ главнымъ средствомъ лѣченія: больной, чѣмъ бы онъ ни былъ боленъ, жарится у камина по цѣлымъ днямъ; во время оспенной эпидеміи я видѣлъ взрослого якута, который, захворавъ, немилосердно жарился у огня, сидя безъ рубахи.

Якутки—я говорю о массѣ—дома всегда ходятъ только въ одной рубахѣ и коротенькихъ штанахъ (зимой—изъ телячьей шкурки, а лѣтомъ—изъ синей дабы), на головѣ—бумажный платокъ, а на ногахъ—кожаная обувь. Якуты сидятъ дома также въ однихъ рубахахъ и въ кожаныхъ штанахъ; на ногахъ у нихъ такая же кожаная обувь, но болѣе теплая; они, кромѣ того, всю зиму носятъ теплые набрюшники. Якутки, отправляясь къ сосѣдямъ версты за 3—4, чтобы поболтать или занять горсть муки, щепотку чаю и пр., надѣваютъ шапку (цабаака) съ верхушкой (туорчах) изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ сукна и широко опушенную мѣхомъ, затѣмъ суконный или кожаный „сон“—верхняя одежда съ таліей, широкими рукавами у плечъ и съ разрѣзомъ назади до самой поясицы,—надѣваютъ также рукавицы и въ такомъ видѣ отправляются по 40—48° морозу. Якутъ, собираясь ѣхать за дровами или за сѣномъ, подвязываетъ себѣ уши бумажнымъ платкомъ, надѣваетъ мѣховую шапку, опять же „сон“, но короткій и безъ разрѣза,—беретъ теплыя рукавицы, иногда обвязываетъ физиономію шарфомъ или большимъ теплымъ женскимъ платкомъ и въ такомъ видѣ ѣдетъ

верхомъ на быкъ, запряженномъ въ сани, и ѣдетъ верстъ за 10; таввмъ же порядкомъ, т.-е. верхомъ на быкъ, возвращается онъ съ дровами или сѣномъ.

Якуты не любятъ ходить пѣшкомъ и потому, какъ бы ни былъ тяжело нагруженъ возъ и какой бы сильный морозъ ни былъ, они сидятъ верхомъ на быкъ, напѣвая иногда свою незатѣйливую пѣсню. Если якуту представляется возможность завернуть по дорогѣ въ юрту, то онъ не пропуститъ удобнаго случая. При этомъ онъ ничего не теряетъ, такъ какъ у него спѣсныхъ дѣлъ вѣтъ, а выиграть можетъ хоть понюшку табаку, а, можетъ-быть, и чашку чаю, или хотъ просто поболтаетъ и погрѣется. Онъ не заѣдетъ только въ томъ случаѣ, если везетъ сѣно, потому что не только бродящій вокругъ юрты скотъ нападаетъ на возъ, но и хозяйка, замѣтивъ остановившагося съ сѣномъ простофилю, нарочно выгоняетъ скотъ изъ хотон'а.

Богатые якуты одѣваются, разумѣется, теплѣе.

Съ другой стороны, тѣ же якуты уже съ ранней осени, когда нѣтъ еще и 10° мороза, одѣваются точно такъ же, какъ они одѣваются и въ 48°, — разумѣется, они не одѣваются теплѣе въ большіе морозы не потому, что имъ было бы слишкомъ жарко, а потому, что у нихъ нѣтъ болѣе теплой одежды. Я видѣлъ, какъ якутки, отправляясь по вечерамъ въ концѣ августа донять коровъ, одѣвають тотъ самый „сон“, въ которомъ онѣ щеголяютъ въ сильнѣйшіе морозы, и какъ онѣ, возвращаясь отъ коровъ, оказывались совсѣмъ прозябшими, хотя на дворѣ было около +8°. Якуты, на мой взглядъ, народъ забкій, но только привыкшій безропотно выносить и холодъ, и голодъ, и всякія невзгоды, такъ что со стороны можно подумать, что они не чувствительны ко всему этому, хотя, несомѣнно, чувствительность ихъ слабѣе, чѣмъ у народовъ культурныхъ. — Я вспоминалъ самоѣдовъ, которыхъ имѣлъ случай видѣть въ Мезени. Тѣ, дѣйствительно, свыклись съ суровостью своего климата до того, что, во время поѣздокъ въ городъ по дѣламъ, они всегда привозятъ съ собой чумъ, который и разбиваютъ на чьемъ-либо дворѣ, — въ избѣ они едва могутъ высиживать минутъ 15, да и то еще выбѣгая на морозъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ, НАИБОЛѢЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЯ НА ВОЛЫНИ.

Лирники и кобзари до настоящаго времени не перевелись на Волини; но ихъ пѣсенный репертуаръ подвергся значительной перемѣнѣ. Благодаря гоненію на историческія малорусскія пѣсни со стороны администраціи, украинскіе миннезингеры стали предпочитать „пѣсні божественні“ и забываютъ знаменитыя думы, къ счастью, уже попавшія въ книги. Здѣсь я привожу нѣсколько украинскихъ думъ, которыя донинѣ можно услышать на дорогахъ и деревенскихъ улицахъ Волини отъ слѣпыхъ лирниковъ¹⁾.

Дума про Бондарівну.

Ой у місті на риночку капелія грала,
Молодая Бондарівна з радістю гуляла.
Говорили Бондарівні стари люде тихо:
— Втікай, втікай, Бондарівно, буде тобі лихо.
А втікала Бондарівна по межі до мами,
А за нею два жандара, с гострими шаблями.
А догнали Бондарівну на високом мосту
Сама вона хороша, хорошого зросту.
А прибіли Бондарівну до якоїсь хати,
Там убрали Бондарівну як до шлюбу мати.
А в нашій Бондарівни вінок из барвинку,
Так убрали Бондарівну, як до шлюбу дівку.
Посадили Бондарівну на золотим кріслі, —
— Співай, співай, Бондарівна, жалобної пісні!
Та став, та став пан Каневськи ружо набівати,
— Ой чи будешь, Бондарівно, в суконьках ходити,

¹⁾ Текстъ приводимыхъ думъ полученъ мною изъ рукописныхъ матеріаловъ Городецкаго музея (Ровенск. у.) бар. Э. Р. Штейнгель.

Ой чи будешь, Бондарівно, в сирій землі гнити?
— Лучче мені, пан Каневські, в сирій землі гнити,
Ниж с тобою, збиточникомъ, на цім світі жити.
Ой як вдарив Бондарівну під правее ухо,
Лежить, лежить Бондарівна ни слаба, ни глуха.
Ох як вдарив Бондарівну під правую ручку,
То потекла з Бондарівни кривавая річка.
А в нашої Бондарівни жовти черевички,
Куда ведуть Бондарівну все криваві річки.
А в нашої Бондарівни подолком мережка,
Куда її проводили— все кривава стежка.
Ой як сказав пан Каневський в капелію грати,
Молодую Бондарівну хороше сховати.
Грає, грає, капелія до гробу идучи,
Плаче, плаче стари Бондар за дочкою йдучи.
Ой як стали Бондарівну в дил спускати,
То став, то став старій Бондар с жалю умлівати.
Як висипав пан Каневський на стил бочку гроши,
— Ото тобі стари Бондар за дочку хорошу!
Як висипав на стил гроши, а все талярами,
— Ото тобі старій Бондар за личко біляве...

Бужовецкая волость, Засл. у.

Дума про Коваленка.

У неділю та пораненьку
Збирав женців та Коваленко,
Збирав же він все добиршії,
Хлопці и дівчата все молодії.
— Ой жніть, женці, розжинайтеся,
Та на чорну хмару оглядайтеся,
А я пійду та по сніданье,
Та по раньнее та обіданье;
А я пойду та поснідаю,
Свого домовства одвідаю.
Ой жнуть женці, розжиннаюця,
Та на чорну хмару оглядаюця.
За годину, за дві Коваленко йде
И за собою орду веде,
Чорни очи заслоняни,
Назад ручки завязани:
— Утікайте, хлопці, як сила зможе,
Куди которому Бог допоможе,
Бо вже мене та Господь скарав,
Що я в неділю женців збирав!..

С. Посягва, Острожск. у.

Дума про Немирівночку.

На дорогій горілочці на меду,
Продала мати свою дочку молоду.
— Ой за що ж ти, мою мамцю, в корчмі пьєшь,
Десь ти мене молоденькую продаєшь?
— Ой продаю, моя донечко, продаю,
За молодого Денькевича замож отдаю.
— Ой не хочу, моя матінко, не хочу,
Лучше пійду в бистру річеньку ускочу.
— Ой вінчайся, моя донечко, вінчайся,
Тай въ чисте поле з паном Денькевичем пускайся.
Ой пішла Немирівночка горою,
А за нею пан Денькевич другою.
— Ой чого ж ти, Немирівночко, пішки йдєшь,
Десь ти у мене та воронихъ коней не маєшь?
— Як єсть коні воронії—не мої,
Не до мишлі, пан Денькевич, моєї.
— Ой чого ти, Немирівночко, боса йдєшь,
Десь ти у мене та черевичок не маєшь?
— Як єсть в мене черевиченькі—не мої.
Не до мишлі, пан Денькевич, моєї.
Ой як догнав Немирівночку на мосту,
Та привязав коню вороному до хвосту.
— Ой ступою, мій конику, ступою,
— Бо не зийде Немирівночка з тобою.
Ой в неділю та ранесенько до зорі
Мандрувала Немирівночка три милі,
А в неділю вранці до сонця
Сидить плаче Немирівночка в виконці

С. Посягва, Острожск. у.

Дума про Почаєвську гору.

Зийшла зорà серед мора
Над монастиромъ стала,
Вивернуло турецьке військо,
Як чорная хмара.
Вивернуло турецьке військо
И свату гору укриває,
Вийшовъ отець Зелізò
З жалю умирає.
— Ой вижди, вижди, Божая мати,
Монастир погибає.
Вийшла, вийшла Божая мати
На крижові стала,

Кулі вертала, турків вбивала,
Коням вязи звертала.
Питаєця найстарши турокъ:
— „Що то за пані стала?
— Не есть то пані, то Божа мати,
Тут вам всім погибати.
— „Ой перестань Божа мати
На вас воювати,
Ми присягнемъ—до монастира,
Що року дань давати.
Зсукали свічу из ярого воску,
Під тую свічу сім п'яръ волив запрягали.
Приснилось найстаршому черпецю,
Теї свічи не приймати,
Вивезти свічу въ чисте поле
И сокірами розрубати.
Вывезли свічу в чистее поле,
Сокірами розрубали—
Кулі патрони и всякі знамени
По полю розсипали.

С. Милостово, Ровенск. у.

Сообщилъ *Ив. Абрамовъ*.

Волинская сказка про жаднаго попа и бѣднаго Кирика.

Що ся стало на Волині, въ Овручском повіті; таке було чудо, як не може бути на світі. У тим селі в Нездиборі, там тече річка, стоить хрест зелений, св. Івана капличка, и в тии селі чоловік Кириком звався, робив щире, нигди добра ни дождався. Мав, дитятко єдиним єдноє, от бѣдности шолудиве, пузате, слабое; прійшов рабочи час жниька, померла Кирику дитинка; пишов Кирик до попа, упав на колінки: „Помилуй честний ойче, померла мені дитинка, и коб могли, честни отець, дитятко сховати, а грошей, шо буде палежатися, до осени заждати“. „Лучше я тобі Кирику скажу: иди ти мені на лан косити, а твоя жинька нехай йде мені жати, то тепера я тобі буду дитя ховати, ниж я маю тобі до осени ждати“. — „Не можно, добродзею, тепер не той час, як же ви и сами знаєте, тра павщину одробити, и собі кусок хліба заробіти“. Піп туннув ногою, стряснув бородою, вдарив Кирика в спину: „Потол, бродяга, сукинй сыну!“ Пришов Кирик до дидича, упав на колівка: помилуй мене, пане, померла мені дитинка и не хоче мене ни піп, ни громада знати, як же я можу, несчастний, дитя сховати. „Ой, що я тобі, Кирику, скажу: не хоче тебе, ни піп ні громада знати, можеш ти и сам собі дитя поховати“. Прійшов Кирик до дому. Що має з лиха робити? Взяв заступу и лопату, пишов на могилки, зачав ямку значити; иде дідок: шапочка ясенька, одижка на ним красенька. „Що ти, Кирику, думаєшь? Ямку копать? не копай тут, бо тут тобі за твердо буде, нехай тут копають кріпшіі люде, иди на долинку копати ямку на свою дитинку“. Пишов Кирик, не довго копався, до котла добрався, открыває сміло: карбованці білі! звіс у гори очи, взяв гроши пид полу, пішов до дому охочи; гроші в комору, а жинці своїй лучшій обід распорядив и пишов до коршми, взяв спуст горілки и другій вина, и постарався йісти, е вже що лучь и у богатира. На завтра рано пишов до попа, став сміло питати: „щоб то честний ойче, треба за похороми дати“? Піп зачав на него очи витрещати: „Чи ти, Кирик, зворовав? Чи ти скрутився? чи ти до грошей добився? Дай пятадцять рублівъ! Кирик довго не думає, на стіл карбованці викладає... И просив вин на обід сусід близеньких: попа съ попадею и братчикив из цілою риднею. Нихто ж ни завидливий був, як піп с попадею, шо вчора Кирик ва колінка падав, не було в него и сухара, сегодня есть шо йісти й пити, лучь як у богатира. Похоронивши дитятко, пришов піп до дому; сильно задумався. „Ах, добродзію, як би тут дознаться, де Кирик до грошей добрався!“

— „Не знаєшь, мое миле голубя, що: пристань на мое разсужденє, — приде свята висповідь, не дай ему разрішенєя, Кирик признаєца де гроши взяв“. Чуть на висповідь займає, піп по Кирика посилає. „А шо он ти, скоте негодний! Ти пьєшь, гуляєшь, а об своїй души не помятаєшь? Окаянный! Де ти гроши взяв?“ „Найшов, добродзею, на могилках, як дитя ховав“. Піп развеселився. „Ах, добродзію! Кирик мені признався. Будемъ тепер думати, як би от

Кирика гроши одибрати". Не знаєш ти, мое миле голубя, що, пристань на мое розсужденє: єсть у нас на горі сь чорного вода великая шкура, ще й сь сумними рогами, я тебе в неє уберу, пійдешь у пивночи до Кирика, станешь двери ломати и дичинми голосамі кричати. Скажи-ж так: „оддай мои собственні гроши! Взявь на могилках, як дитя ховав"!.. Кирик перестрашився, за котел! На рижок ему повисив, а сам сів и думку думає. Піп прійшов до дому, попадаи зрадовалась, за котел вхопила, тай руки википіли; вона руки одирвала, хтила гроши вибирати, але не хочуть гроши из кушки розливатись; хтила вона и с попа шкуру сдирать, але ж зачала кровь литись. Сидить піп над грошіма, вже й на світ займає; піп попадаю по Кирика посилає. Кирик трошки знав; а решту догадався: „Ә-ә зачѣм то добродѣй на исповѣді попитався“!

Прійшов Кирик до попа,—сидить піп над грошіма, страшній, у шкурі, спустив в землю очи, а Кирик до него говорить охочій. „Әй, Кирику! Визьми свои собственні гроши до дому, змилуйся, ни кажи ни кому!“ „Не хочу я тих грошей брати, нехай я піду, дам діди-чові знати“. Пішов Кирик до дидича, дав за сее знати. Дидич казав усю громаду зигнати, хтоб то миг оть попа Кирикови гроши взяти. Хтила громада взяти, але которий визьме за котел, то не хочуть руки отставати.

— „Возьми, Кирику, свои гроши собственні до дому“.

Кирик гроши сміло взяв и занис до дому а попа веревкою за роги повели до Почаева, де Божая мати. Вийшов архирей, подивився, одибрав бумагу и зачав читати: „Ах, чудотворе, чудотворе, забудешь ти чудов витворяти! Одишлю я тебе до Ганополя, там тобі буде несчастная доля“. Привели до Ганополя, вийшов архимандрить, ставь бумагу читати: „Ах, чудотворе, чудотворе, забудешь ты чудов витворяти!“ и казав его по базару провожати. Взяли веревкою за роги, повели на базар, біжать люде, илень до другого кричать, так що нигде не стало вь хаті и живої души; бо одни кажуть що город палицца, а други сказали, що жидивській мишіямъ заявився, а други здибали межи до мамі, думали, що зловила чорта з рогами; водили, водили, потим положили на смітті, шей палками біли, завели на нич у пусту каплицю. Зачав піп дримати, аж тут над ним стало світло палати и зачало ему бупіи во сні придаватись: „Забудься чудов витворяти, то шкури позбудешся!“ то вин зачав без сон кричати: „Господе, буду забувати, вдамся до покути, ибі шкури позбути!“ „Встань же рано, встрепенися, шкури посбудешся!“ Встав піп рано, встрепенувся, шкури позбувся, пішовь архимандриту поклонився, опьять на паравію добився.

Записаль учитель В. Качковскій
въ с. Ледянкѣ, Заславскаго уѣзда.

Сообщилъ *Ив. Абрамовъ*.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ И ПѢСНИ ВЪ Г. СТАРОДУБѢ, ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Стародубъ—уѣздный городъ Черниговской губерніи—принадлежитъ къ очень древнимъ русскимъ городамъ.

Въ 1080 году онъ уже подвергался нападенію Половцевъ, и съ тѣхъ поръ почти каждый годъ его жизни записывался кровью: татары, польша, литва, Москва, внутреннія смуты—разоряли, сжигали, кровью заливали городъ.

Одна улица и до сихъ поръ зовется Красной отъ когда-то пролитой тамъ массы крови.

Съ конца 18-го столѣтія жизнь города становится спокойнѣе.

Послѣ раздѣленія Малороссіи на полки при гетманѣ Иванѣ Брюховецкомъ сталъ извѣстенъ и полкъ Стародубовскій, съ входящими въ него 11-ю сотнями, въ числѣ которыхъ были 1-я и 2-я полковыя Стародубовскія сотни.

Въ 1763 году 17 февраля гетманъ Разумовскій, учреждая для Малой Россіи земскіе, подкоморскіе и городскіе Суды—раздѣлилъ ее кромѣ полковъ еще и на повѣты.

„Повѣтъ составлялъ нѣкоторое знатное число селеній, нѣсколько сотенъ въ себѣ заключающее“. ¹⁾

Въ Стародубскомъ полку было три повѣта: Стародубовскій, Погарскій и Глуховской.

Съ прекращеніемъ гетманскаго правленія въ Малороссіи, генералъ-губернаторъ и президентъ второй Малороссійской коллегіи гр. Румянцевъ учредилъ въ каждомъ повѣтѣ комиссарства; на обязанности комиссаровъ было не только собираніе денежныхъ доходовъ, но они „должны были въ своемъ округѣ переходящія войска провожать и жителей отъ обидъ защищать“ ²⁾.

Въ полку Стародубовскомъ было три комиссарства: Стародубовское, Топальское въ Стародубѣ и Новгородъ-Сѣверское.

Въ 1782 году было совершенно раздѣленіе Малороссіи на три намѣстничества изъ которыхъ Новгородское-Сѣверское было торжественно открыто 27 января. Въ числѣ 11 уѣздныхъ городовъ въ этомъ намѣстничествѣ оказывается и Стародубъ.

¹⁾ Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе... сочиненное Дѣйств. статскимъ сов. и кавалер. А. Шафонскимъ въ Черниговѣ 1786 г. Изд. Судѣнко. Кіевъ 1851. Ч. I, стр. 95.

²⁾ То же, ч. I, стр. 101.

Въ 1796 году онъ причисляется къ городамъ Малороссійской губерніи и лишь съ 1802 года занимаетъ мѣсто уѣзднаго города Черниговской губерніи.

Какъ видно уже изъ этого очерка, Стародубъ игралъ видную роль въ жизни края и въ немъ происходилъ постоянный притокъ и отливъ людей.

Теперь это захолустный городокъ съ едва слышнымъ пульсомъ жизни.

Населеніе состоитъ изъ казаковъ, купцовъ и мѣщанъ. Среди населенія нѣрѣдки случаи занятія отхожими промыслами, особенно на югъ, въ донецкія копи.

Наклонность къ сношеніямъ съ далекими рынками обнаруживалась у Стародубцевъ уже и раньше, такъ напр. въ 1701 году извѣстны торговыя ихъ сношенія съ Архангельскомъ, куда они отправлялись съ товарами¹⁾.

Имѣя сношенія съ крайнимъ сѣверомъ, югомъ, Петербургомъ и Москвою²⁾, Стародубъ до нѣкоторой степени долженъ былъ получить чуждыя ему слова и наѣвы, которые нрѣдка слышатся въ немъ какъ отголосокъ далекихъ пѣсенъ и переплетаются въ причудливыхъ извивахъ съ его родными пѣснями.

Откладывая до слѣдующей статьи разборъ и сравненіе пѣсенъ всѣхъ уѣздовъ Черниговской губерніи, а въ этой статьѣ приведу пѣсни Стародуба во всей ихъ чистотѣ, сохраняя по возможности и произношеніе словъ.

Начинаю же я съ пѣсенъ Стародуба потому, что, какъ я сказалъ, городъ этотъ является однимъ изъ древнѣйшихъ Черниговской губерніи, а кромѣ того и я съ нимъ наиболѣе близко знакомъ, такъ какъ живу въ немъ около 27 лѣтъ.

Пѣсни я записывалъ отъ нѣсколькихъ пѣсенниковъ и сравнивалъ одинъ и тѣ же пѣсни, но продиктованныя разными лицами—для избѣжанія субъективной передачи.

Если встрѣчается разница въ строфѣ или словѣ, то я помѣщаю варьянтъ тутъ же въ скобкахъ.

Особенно много пѣсенъ я записалъ отъ казака Ивана Прокофьевича Кастрюбы, письмоводителя инспектора народныхъ училищъ и его сестеръ, меньше отъ казака Федора Яковлевича Лужкова, служителя при Стародубской мужской гимназій и казака Молчанова, служащаго въ казначействѣ.

Нѣкоторые изъ поименованныхъ лицъ участвовали въ исполненіи „царя Максимиліана“ и „ходили со звѣздой“. Также принималъ участіе въ моей работѣ инспекторъ народныхъ училищъ Г. С. Мерзницкій; Стародубскій городской голова В. А. Плешко былъ весьма обязателенъ, доставивъ мнѣ всѣ необходимыя справки.

¹⁾ Письма канцлера графа Гавріила Ивановича Головкина къ гетману И. Скоропадскому LXXIV. Матер. для отечественной исторіи изд. М. Судненко. Кіевъ. 1855. Т. II, стр. 209.

²⁾ См. прим. I. стр. 406.

Обычаевъ свадебныхъ, крестинныхъ, и проч. я описывать не буду, такъ какъ Пригаровскимъ ¹⁾ описаны таковыя для с. Меленска, находящагося всего въ 12 верстахъ отъ Стародуба; они довольно близко походятъ на Стародубскіе, если же есть небольшая разница, то она будетъ мною указана въ слѣдующемъ сравнительномъ очеркѣ.

Пѣсни я располагаю въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Щедровныя.	} Рождественскія пѣсни.
2. Коза.	
3. Пѣсни ввѣздоносцевъ.	
4. На масляной.	
5. Хороводныя.	
6. Ивововскія.	
7. Грядныя (передъ жнивьемъ).	
8. Жнивныя.	
9. Коноплянныя.	
10. На работу.	
11. Съ работы.	
12. Осеннія.	
13. Свадебныя.	
14. Крестинныя (крестинныя).	

Конечно, здѣсь переплетаются пѣсни города и пригородныхъ деревушекъ, изъ которыхъ много народа приходитъ на полевныя работы въ Стародубъ: на огороды, „на табакъ“, убирать хлѣбъ подъ городомъ, на сѣнокосы и проч.; а нѣкоторыя деревушки (Костинка) занимаются стиркой бѣлья для города, что заставляеть поддерживать постоянныя сношенія со Стародубомъ.

Въ этихъ деревушкахъ пригородныхъ вы встрѣтите тѣ же пѣсни, что и въ городѣ, да и жители ихъ, занимаясь плотничествомъ или другими ремеслами въ городѣ, мало отличаются отъ коренныхъ городскихъ жителей.

Въ началѣ всѣхъ пѣсень я помѣщу „царя Максимиліана“, котораго разыгрывали на Рождество.

Лѣтъ 10—12 уже его почти совсѣмъ не играютъ и пьеса эта понемногу забывается.

Причиною къ запрещенію ее играть послужили нерѣдкія столкновенія артистовъ съ горожанами; вообразите себѣ парней 50, молодыхъ, веселыхъ, разгоряченныхъ успѣхомъ и не знающихъ, куда дѣвать накопившуюся въ душной хатѣ энергію. Конечно, шутками ихъ не была довольна полиція, вслѣдствіе чего эти представленія и были запрещены.

А тутъ еще маленькое происшествіе съ невѣстой офицера въ 1-мъ дѣйстви: ее игралъ молоденькій, хорошенькій мальчуганъ, одѣтый „мамзелемъ“.

Публикѣ эта псевдо-барышня понравилась, и одинъ баринъ рѣшилъ ее отбить у артистовъ; для этой цѣли состоялся цѣлый разговоръ и, послѣ порядочной свалки, псевдо-дѣвица была отнята въ темномъ коридорѣ.

¹⁾ Пригаровскій. Описаніе с. Меленска. Записки черниговскаго губернскаго статистическаго комитета. 1886 г.

Но когда на свѣту мальчишка сбросилъ платье и предсталъ въ своемъ натуральномъ костюмѣ—у отбивавшаго его донъ Жуана физиономія перекосилась отъ злобы и досады. Быть можетъ, эта досада, отчасти, вылилась и на всю труппу.

Стародубскій вариантъ „царя Максимилиана“, нося общій всѣмъ вариантамъ характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ сильно отличается отъ приводимыхъ Каллашомъ¹⁾ вариантовъ своими чисто мѣстными вставками и пѣлымъ дѣйствіемъ—сценой у разбойниковъ.

Положимъ, все это находитъ свое объясненіе въ мѣстныхъ условіяхъ жизни: гнѣзда разбойниковъ, дѣйствительно, славились по всей округѣ; попы клинцовскіе, т.-е. раскольничьи, рѣзко отличались населеніемъ отъ своихъ поповъ; евреевъ неоднократно вырѣзывали стародубцы; среди горожанъ находится довольно большой процентъ евреевъ, такъ что въ субботу, пожалуй, ничего и не купить, такъ какъ лавки по большей части еврейскія... Ненависть къ евреямъ стародубцы питаютъ особенную.

Вотъ эти нѣсколько особенныя условія жизни и создали рядъ тѣхъ добавленій, которыми Стародубскій вариантъ „царя Максимилиана“ отличается даже отъ ближайшаго къ нему изъ записанныхъ—Глуховскаго.

Глава I.

Царь Максимилианъ.

Человѣкъ 50 парней, одѣвши сверхъ своихъ театральныхъ костюмовъ полушубки или теплыя пальто, являлись въ заранѣе назначенный домъ, гдѣ и давали представленіе, длившееся около 3-хъ часовъ.

Запавѣсь былъ свой, состоящій изъ нѣсколькихъ сшитыхъ кусковъ полотна.

Дѣйствующие лица:

Атаманъ—въ красной рубахѣ и синихъ шароварахъ; сбоку виситъ сабля; усы лихо подняты вверхъ; волосы черные, длинные; видъ страшный.

Есаулъ—одѣтъ также, по бѣднѣ.

Разбойники—одѣты въ красныя рубахи и синіе или черныя шаровары, съ кинжалами, саблями, топорами, кастетами, пистолетами и проч.

Лица у нихъ звѣрскія, у многихъ шрамы и кровоподтеки на лицахъ.

Офицеръ—въ курткѣ или сюртукѣ съ эполетами изъ золотой бумаги, съ саблей, въ фуражкѣ съ кокардой, а иногда въ черкесскѣй шапкѣ.

Невѣста его—молодой парень, одѣтый въ корсетку и юбку, въ платкѣ или иногда въ шляпкѣ.

¹⁾ Каллашъ. Къ исторіи народнаго театра. Царь Максимилианъ. Изъ XXXIX кн. Этногр. Обзор.

Царь Максимилианъ—въ царскомъ одѣяніи съ золотой короной на головѣ. Черезъ плечо лента, на груди звѣзда, на плечахъ эполеты.

Венера—молодой женоподобный парень одѣтъ въ кофту и юбку; съ огромнымъ бюстомъ.

Тѣлохранители—въ треуголкахъ, съ булавами въ рукахъ, въ камзолахъ и шароварахъ.

Скороходъ—въ огромныхъ сапогахъ, съ булавой и въ треуголкѣ.

Попъ—одѣтъ въ рогожу и очень растрепанъ, на головѣ какая-то шапка.

Пономарь—въ подрясникѣ, весь измятый и растрепанный.

Адольфъ—въ серебряной коронѣ, съ лентой черезъ плечо и со звѣздой.

Татары—въ колпакахъ.

Старикъ гробовикъ—въ старомъ сюртукѣ, согнутый.

Соломопида—въ тряпкахъ, видъ отчаянный.

Докторъ—съ очками на носу, носъ красный, несетъ огромную спринцовку.

Фельдшеръ—заклеива шека пластыремъ, глазъ подбитъ, носъ красный, съ огромной бутылкой съ рецептомъ.

Жидъ—совершенно оборванный, въ грязныхъ тряпкахъ, которыя висятъ на немъ лентами, въ ермолкѣ, съ огромными пейзами.

Шмерка—одѣтъ въ одну рвань.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Атаманъ, есаулъ, разбойники, затѣмъ офицеръ и его невѣста.
Сцена представляетъ пещеру. На аван-сценѣ стоитъ столъ, накрытый бѣлой скатертью.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Атаманъ, есаулъ, разбойники).

Выходитъ атаманъ въ красной рубахѣ и синихъ шароварахъ, вооруженъ шашкой и кинжаломъ; поетъ:

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынные скалы,
Гдѣ луна свѣтлѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы.

Атаманъ (шашка наголо). Есаулъ!

Есаулъ. А что изволишь, баринъ атаманъ?

Атаманъ. Подать графинъ съ водкой

Есаулъ. Пойду и принесу графинъ съ водкой. (уходитъ и приходить съ графиномъ).

Атаманъ (беретъ графинъ и поетъ):

Братья, въ жизни горя много,
Кто его не испыталъ?
Богъ намъ далъ вино на радость,
Самъ мудрецъ святой писалъ.

Братя, въ рюмки наливайте,
Лейте черезъ край вино!
Все до капли выпивайте,
Осушайте въ рюмкахъ дно!

Есаулъ!

Есаулъ. Чего изволить баринъ атаманъ?

Атаманъ. Садись-ка, мы съ тобою поговоримъ, я тебѣ расскажу про жизнь свою. (Есаулъ садится, опираясь на саблю).

Насъ было двое: братъ и я¹⁾;

Росли мы вмѣстѣ; нашу младость

Вскормила чуждая семья.

Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость,—

Уже мы знали нужды гласъ,

Сносили горькое презрѣнье,

И рано волновало насъ

Жестокой зависти мученье.

Не оставалось у сиротъ

Ни бѣдной хижинки, ни поля;

Мы жили въ горѣ, средь заботъ.

Наскучила намъ эта доля,

И согласились межъ собой

Мы жребій испытать иной:

Въ товарищи себѣ мы взяли

Булатный ножъ да темну ночь,

Забыли робость и печали,

А совѣсть отогнали прочь...

Не долго братя пировали,

Поймали насъ—и кузнецы

Насъ другъ ко другу приковали,

И стража отвела въ острогъ.

Я старше былъ пятью годами

И вынести больше брата могъ.

Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами,

Я уцѣлѣлъ—онъ изнемогъ.

Есаулъ. Ну, полно, баринъ-атаманъ, намъ говорить про больного, Давай-ка лучше выпьемъ хмельного.

Атаманъ. Иди и принеси изъ-подъ носка,

Чтобъ не брала атамана тоска!

Есаулъ. Пойду и принесу изъ-подъ носка,

Чтобъ не брала атамана тоска.

(Уходитъ и сейчасъ же возвращается съ графиномъ и стаканомъ).

Атаманъ. Ну, братъ, наливай-ка и выпей прежде самъ, я знаю, что ты горькій пьяница.

Есаулъ. Пью за здоровье атамана. Ура!

Ватага разбойниковъ тоже кричитъ „ура“; есаулъ въ это время наливаетъ водки атаману).

¹⁾ Братя-разбойники, Пушкина. Когда появилась эта вставка—я не могъ установить.

Атаманъ. Пью за здравье шайки бойкой,
Пью пресладкую настойку! Ура!

(Ватага разбойниковъ кричитъ „ура“!).

Атаманъ (Есаулу): Поднеси-ка шайкѣ!

(Есаулъ подноситъ шайкѣ; разбойники пьютъ и кричать „ура“, раздаются ихъ говоръ и хохотъ).

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Чего изволить, баринъ-атаманъ?

Атаманъ. Что за шумъ?

Есаулъ. Наши молодцы какого-то чудака привели.

Атаманъ. Дать имъ волю, пусть ихъ дуракъ потѣшитъ.

(Шайка смѣется до слезъ надъ дуракомъ).

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Чего изволить, баринъ-атаманъ?

Атаманъ. Полно шутить! А ну-т-ка, пошли посмотрѣть въ подзорную трубку; пусть хорошо поглядятъ, не идетъ ли кто, не везетъ ли чего?

Одинъ изъ разбойниковъ (всматривается и говоритъ): Вижу!

Атаманъ. Что видишь?

Разбойникъ. На вербѣ сучки.

Атаманъ. О-то самые полицейскіе крючки!

Смотри-ка лучше!

Разбойникъ. Вижу!

Атаманъ. Что видишь?

Разбойникъ. На водѣ колода.

Атаманъ. О-то самый есть воевода —

Онъ насъ хочетъ поймать,

Въ тюрьму сплавляти! Смотри-т-ка лучше

Разбойникъ. Вижу!

Атаманъ. Что видишь!

Разбойникъ. Край рѣки, теремъ, а въ томъ теремѣ красна-дѣвица Анастасьюшка.

Атаманъ. А нельзя ли ее достать?

Есаулъ. Прикажи-т-ка гребцамъ-молодцамъ сѣсть на лодку да поѣхать.

Атаманъ. Достать мнѣ, товарищи, ту дѣвицу, что край водицы.

(Разбойники садятся и будто плывутъ, изображая это стукомъ въ ладоши; они поютъ):

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ и т. д.

(послѣ этой пѣсни еще:)

Охъ, вы, хлопцы, не робѣйте,

Своихъ ручекъ не жалѣйте,

Пригребайте красну лодочку

Къ Анастасьиному дворочку.

Анастасьюшка выходила,

Графинъ съ водкой выносила,

Всімъ ребятамъ подносила,
Съ атаманомъ рѣчи говорила.
Не прогнѣвайся, самъ хозяинъ,
Въ чемъ стояла, въ томъ и выбѣжала!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

(Офицеръ и его невѣста входятъ въ разбойничье жилище, озираясь съ испугомъ кругомъ).

Офицеръ. Ахъ, Боже мой, куда это мы забрались; кругомъ ружья, кинжалы, ножи, вѣроятно, это разбойничье атаманское жилище.

(Выбѣгаетъ атаманъ и хватаетъ его за грудь.)

Атаманъ. Такъ точно, атаманское разбойничье жилище.

А ты какъ сюда зашелъ

И съ собой красну-дѣвицу завелъ?

Офицеръ. Выслушай, кровожадный разбойникъ: это есть не дѣвица, а моя нарѣченная невѣста, съ которой я пришелъ въ Стародубъ закалупиться законнымъ бракомъ.

Атаманъ. Значить, ты мой соперникъ? Полѣзай!

Офицеръ. Боюсь!

Атаманъ. Полѣзай!

Офицеръ. Боюсь!

Атаманъ. Полѣзай! ¹⁾

Офицеръ. Боюсь!

Атаманъ. Значить, ты трусь!

Офицеръ. Нѣтъ, я не трусь, а такъ боюсь! Я готовъ душу на плаху, а голову на колечекъ посадить!

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. А что изволить баринъ-атаманъ?

Атаманъ. Отведи-тка этого молодца не на кухню, а на конюшню, пусть нашихъ трехдневныхъ щей похлебаешь, да моихъ коней попасетъ!

(Есаулъ уводитъ офицера, который, обращаясь къ невѣстѣ, поетъ: „прощаюсь ангелъ мой съ тобою“).

Атаманъ (обращаясь къ дѣвицѣ). А тебя какъ звать?

Дѣвица. Людмила.

Атаманъ. А, не даромъ ты кавказскаго офицера полюбила!
А званія какого?

Дѣвица. Поповскаго.

Атаманъ. Ахъ, эти намъ попы да протопопы, всѣ зашейки оттолкали. А волку ты пьешь?

Дѣвица. Пью.

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. А что изволить баринъ-атаманъ?

Атаманъ. Подай графинъ съ водкой!

Есаулъ. Пойду и принесу графинъ съ водкой.

(Уходитъ и возвращается съ графиномъ; отдавъ его атаману, снова уходитъ).

¹⁾ Совершенно нельзя добиться, куда атаманъ заставляетъ лѣзть офицера.

Атаманъ (наливая вино, подаетъ Людмилѣ). Пей за смерть своего мужа.

Дѣвица. Не хочу!

Атаманъ. Пей за смерть своего мужа!

Дѣвица. Не хочу!

Атаманъ. Пей за смерть своего мужа!

Дѣвица. Не хочу!

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. А что изволить баринъ-атаманъ?

Атаманъ. Эту красу-дѣвицу отведи на покой, да смотри самъ не подшутя!

(Есаулъ уводитъ Людмилу и украдкой отъ атамана ее цѣлуетъ).

(Шайка идетъ на добычу, слышится перестрѣлка, во время которой вдругъ раздается крикъ: „атаманъ мертвъ!“ Складываютъ разбойники нѣсколько ружей и несутъ на нихъ атамана съ пѣсней):

Среди лѣсовъ дремучихъ

Разбойнички идутъ,

На рукахъ могучихъ } 2 раза.

Товарища несутъ.

Носилки не простыя, —

Изъ ружей сложены,

А поперекъ стальные } 2 раза.

Мечи положены.

Два длинныхъ пистолета

За поясомъ висятъ

И два стальныхъ кастета } 2 раза.

У рукава блестятъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТУНГУССКІЯ ПРЕДАНІЯ.

Помѣщаемыя ниже тунгусскія преданія записаны мной въ Туруханскомъ краѣ въ 1905 г., на обратномъ пути изъ Хатангской экспедиціи. По завершеніи ея главныхъ задачъ и раздѣленіи состава экспедиціи на двѣ партіи для слѣдованія въ обратный путь, мнѣ пришлось ѣхать съ начальникомъ ея И. П. Толмачевымъ, направлявшимся на Олекминскъ на р. Ленѣ. Часть этого пути между оз. Есеемъ и оз. Яконгдой мы совершили съ илимпейскими тунгусами. Въ пути на почлегахъ, въ чумѣ у тунгусовъ, я занимался записываніемъ тунгусскихъ словъ и фразъ и собираніемъ этнографическихъ свѣдѣній. При этомъ же мнѣ были сообщены и предлагаемыя преданія. Главнымъ рассказчикомъ былъ тунгусскій князь Николай Хирагиръ, по прозвищу Чунго,—человѣкъ выдающійся по уму въ своей средѣ. Только одно преданіе „Умна“—рассказано другимъ тунгусомъ. Оба мои рассказчика не говорили на якутскомъ языкѣ, которымъ я владѣю, почему приходилось пользоваться переводомъ тѣхъ, которые знали этотъ языкъ, записывая преданія уже на русскомъ языкѣ у себя въ чумѣ, непосредственно за разговоромъ. При этомъ я старался держаться возможно ближе его духа. Пять изъ этихъ преданій относятся исключительно къ тунгусскому быту. Одно,—озаглавленное мною „Юраки“,—по словамъ самого рассказчика, позаимствовано отъ юраковъ, на р. Енясеѣ. Наконецъ, послѣднее—„Дыгын“—представляетъ, новидимому, одинъ изъ вариантовъ извѣстнаго якутскаго преданія, заимствованный отъ якутовъ и нѣсколько видоизмѣненный. Всѣ эти преданія приводятся здѣсь безъ всякихъ измѣненій, какъ были записаны мною въ то время, въ предположеніи, что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ онѣ были воспроизведены съ большимъ сохраненіемъ колорита и что позднѣйшія поправки и передѣлки лишь отдалили бы ихъ отъ духа рассказа.

В. Васильевъ.

Уріан и Моуна.

Жилъ въ старину витязь, по имени Уріан. Онъ былъ прекрасный охотникъ и неустрашимый боецъ. Не было звѣря, котораго онъ не могъ бы догнать и убить; не было человѣка, который могъ бы противостоять ему; всѣхъ онъ побѣждалъ, лучше всѣхъ стрѣлялъ и былъ сильнѣе всѣхъ.

Далеко шла слава объ удахомъ, непобѣдимомъ витязѣ Уріан'ѣ; всѣ тунгусы о немъ знали и слышали, всѣмъ были извѣстны его подвиги. Въ то же время жилъ другой тунгусскій витязь Моуна, такъ же знаменитый, одолѣвшій многихъ сильныхъ и главныхъ удалцовъ-тунгусовъ. Много наслышался и Моуна объ Уріан'ѣ и досадно ему было, что о немъ говорятъ меньше, чѣмъ объ Уріан'ѣ, и завидно; хотѣлось ему уничтожить славнаго Уріан'а, но вступить съ нимъ въ открытый бой онъ не рѣшался. Слава объ Уріан'ѣ между тѣмъ росла да росла и не давала покою Моунѣ. Наконецъ онъ собралъ своихъ людей и направился къ жилищамъ Уріан'а. Жилъ послѣдній на берегу одной рѣчки, гдѣ стоялъ его чумъ и чумы его людей. Подкрался Моуна со своими людьми къ рѣчкѣ вечеромъ; уже темнѣло. Уріанъ съ частью своихъ людей въ это время были дома. Моуна со своими людьми, держа въ рукахъ свои луки вверхъ подобно рогамъ, стали перебредать рѣчку. Уріанъ слышалъ, что на водѣ происходитъ что-то, и, увидѣвъ въ темнотѣ какіе-то торчащіе къверху предметы вродѣ роговъ, рѣшилъ, что это дикіе олени.

— Ну, утромъ поохотимся на нихъ, а теперь темно,—сказалъ не подозрѣвающій ничего Уріанъ и успокоился.

Люди его и работники разошлись тѣмъ временемъ по разнымъ дѣламъ, кто въ лѣсъ, кто куда. На одного изъ нихъ какъ разъ напали люди Моуны: схватили бѣднаго тунгуса, скрутили и привели къ вождю своему. Моуна посмотрѣлъ на схваченнаго и говорить ему:

— Скажи намъ, какъ узнать твоего вождя, по какимъ примѣтамъ, и мы оставимъ тебя въ живыхъ, а иначе тебѣ грозитъ смерть.

Испугался плѣнникъ и говорить:

— Когда мы сядемъ за ѣду, онъ одинъ лишь среди насъ будетъ сидѣть на камнѣ,¹⁾ и когда ему станутъ давать пищу, будетъ подставлять не голую ладонь, какъ мы, а таловыя стружки, чтобы не смягчить на пальцахъ кожу и мозоли отъ тетивы лука; вы это и примѣчайте.

— Хорошо, да смотри, не проговоришься,—сказалъ Моуна.

Тунгусъ ушелъ и, конечно, никому не проговорился. Прошла ночь, наступило утро. Уріанъ со своими людьми сѣли на берегу у костра ѣсть. Но только что онъ принялся за ѣду, какъ надъ головой его прожужжала стрѣла, пущенная изъ-за кустовъ рукой Моуны. Не ожидавшій ничего подобнаго, Уріанъ метнулся съ мѣста и

¹⁾ Въ тѣ времена люди садились за ѣду не въ чумѣ, а внѣ его, вокругъ костра.

однимъ прыжкомъ, безъ всякаго оружія, перескочилъ черезъ рѣчку, но здѣсь его догнала вторая стрѣла Моуна и впилась ему въ икру ноги. Безоружный и раненый Уріян сѣлъ на берегу, а враги его тѣмъ временемъ, выскочивъ изъ-за кустовъ, стали осипать его тутами стрѣлъ.

Однако—и безоружный, и раненый—Уріян такъ ловко отстраивался отъ направленныхъ на него стрѣлъ, что ни одна изъ нихъ не попадала въ него. Долго стрѣляли въ него, но все безъ результата. Наконецъ Уріян крикнулъ своимъ противникамъ:

— Что же вы одни все стрѣляете? Бросьте и мнѣ кто нибудь свой лукъ и стрѣлы, попробую и я пострѣлять въ васъ!

Никто, разумеется, не бросилъ ему своего лука.

— Ну, все равно,—сказалъ тогда Уріян,—что мнѣ теперь мается хромому; скоро вы меня такъ ли иначе доканаете, такъ стрѣляйте же хорошенько!—и, вакрывъ глаза, тотчасъ же палъ, пораженный въ нѣсколькихъ мѣстахъ стрѣлами.

Моуна съ людьми очень скоро послѣ этого справились и съ людьми, и съ работниками Уріян'а. Жена Уріян'а сдѣлалась добычей побѣдителя, но передъ тѣмъ, какъ быть уведенной, успѣла спрятать маленькаго сына своего подъ опрокинутый котель.

Довольно далеко отъ мѣста побоища, въ сторонѣ, въ лѣсу, жилъ престарѣлый отецъ убитаго Уріян'а. Туда то и направился Моуна. Явившись къ старику, Моуна съ насмѣшкой сказалъ ему:

— Убили сегодня одного мойку¹⁾, но онъ оказался настолькоъ худъ, что даже мозги растаяли²⁾.

Понялъ старикъ, какая участь постигла его сына, поникъ головой и проговорилъ:

— Какъ не быть сухимъ и не стоять мозгамъ, въ послѣдніе три года онъ одинъ своей охотой на дичь прокармливалъ семь семей.

Посмотрѣлъ Моуна на старика, на его дряхлость и, рѣшивъ, что не стоитъ убивать его, отправился къ себѣ домой. По его уходѣ старикъ пошелъ къ мѣсту табора своего сына, увидѣлъ его трупъ, нашелъ подъ котломъ мальчугана и, взявъ его съ собой, вернулся къ себѣ домой. Сталъ старикъ воспитывать своего внука. Долго-ли, коротко-ли—неизвѣстно, сколько прошло времени—мальчикъ ужъ подростъ, сталъ рѣзвиться, поигрывать лукомъ а скоро сталъ и охотиться. Гоняся за дичью, каждый разъ дальше и дальше отъ дома сталъ уходить сынъ Уріян'а: что ни день, то онъ позже и позже возвращался домой. Бродя такъ по лѣсамъ и лугамъ, между горъ и озеръ, онъ увидѣлъ однажды затесь на деревѣ, тамъ другую, третью. Затесь была старая, совсѣмъ пострѣвшая. Сталъ парень прослѣживать затесь и увидѣлъ, что она показываетъ чей то путь, идя въ одномъ направленіи, правильно и на близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Вернувшись домой, парень сталъ спрашивать дѣда—какія это затеси на деревьяхъ? Старикъ отдѣ-

¹⁾ Годовалый олений теленокъ.

²⁾ Костный мозгъ оленя въ сыромъ видѣ—у тунгусовъ лакомое блюдо. У сухого животнаго онъ разжижается и теряетъ свой вкусъ, почему выбрасывается.

лся незнаемъ. Заинтересовали парня эти стария затеси, чужлось ему, что тутъ кроется какая-то непонятная для него загадка. Чаще и чаще сталъ онъ приходитъ къ этимъ затесямъ и пробовать прослѣдить ихъ и чаще и настойчивѣе разспрашивать о нихъ дѣда. Спрашивалъ онъ его и объ отцѣ своемъ:

— Скажи же, дѣдъ, вѣдь долженъ быть у меня отецъ и мать, гдѣ же они, или что съ ними случилось?

Но дѣдъ упорно молчалъ. Сталъ сынъ Уріян'а приходитъ къ загадочнымъ затесямъ еще чаще и прослѣживать ихъ еще дальше, такъ что началъ уходить уже не на день, а на нѣсколько дней и настойчивѣе приставать къ старику съ разспросами. Видитъ старикъ, что парень возмужалъ и окрѣпъ и что его не удержишь: того и смотри—уйдетъ самъ, и рассказалъ ему все объ Уріян'ѣ и его смерти.

— Былъ у меня Молунъ,—добавилъ старикъ къ своему разсказу,—посмѣялся надо мной и сказалъ, что на обратномъ пути сдѣлаетъ затеси, чтобы его могли отыскать, если вайдутся каіе-нибудь родственники и мстители за Уріян'а. Но ты, дитя мое, не вздумай преслѣдовать его; ты знаешь теперь, какой у тебя былъ отецъ, и не плохъ долженъ быть человѣкъ, которому удалось убить его; не тебѣ съ нимъ тягаться.

Не таковъ былъ однако сынъ Уріян'а, чтобы его можно было испугать. Попрощался онъ со старикомъ, взялъ свои охотничьи снаряды и отправился въ путь. Долго онъ шелъ и пришелъ, наконецъ, къ старому кузвцу. Здѣсь парень остался на нѣкоторое время и заставилъ старика ковать себѣ оружіе, а самъ занялся охотой и прокармливалъ старика, пока тотъ ковалъ ему. Скоро старикъ выковалъ ему броню желѣзную и множество стрѣлъ, но догадываясь о томъ, кто можетъ быть его заказчикъ, долго уговаривалъ его—не ходить къ Молуну и вернуться обратно. Тотъ оная такъ не послушался. Тогда старикъ указалъ ему путь къ Молуну и пожелалъ ему успѣха и тотъ снова отправился въ путь. Скоро показался лагерь Молунъ. Спалъ сынъ Уріян'а съ себя броню, колчанъ со стрѣлами, отложилъ лукъ, спряталъ все это въ лѣсу и самъ, одѣвшись въ рваную одѣжку, пошелъ къ чумамъ. По срединѣ лагерь стоялъ чумъ, сдѣланный лучше и просторнѣе другихъ. Рѣшивъ, что это и долженъ быть чумъ вожди, парень вошелъ въ него. Въ чумѣ были однѣ женщины, мужчины же ни одного.

Стали женщины разспрашивать парня, кто онъ, откуда и зачѣмъ ходитъ. Пришлецъ выдалъ себя за заблудившагося сироту, случайно набредшаго на жилие. Скоро стали слышны голоса возвращающихся съ охоты хозяевъ. Сынъ Уріян'а выглянулъ за дверь и, увидѣвъ подходящихъ къ чумамъ людей, сразу и безошибочно опредѣлялъ—кто изъ нихъ долженъ быть самъ Молунъ. Дѣйствительно, скоро вошелъ въ чумъ самъ Молунъ, и, замѣтивъ новое лицо, спросилъ, что это за парень. Тотъ самъ повторилъ ему то же, что передъ тѣмъ говорилъ женщинамъ.

— А накормили ли его?—спросилъ хозяинъ бабъ.

— Кормили,—отвѣтили тѣ.

Сталъ Молунъ тутъ разсказывать, какъ онъ убилъ когда-то Уріян'а, какъ дѣлалъ затеси, чтобы его могли найти.

— Видно, не было у Уріян'а родныхъ,—закончилъ онъ,—иначе пора бы кому-нибудь притти.

— Гмъ, такъ ты хвалишься, оказывается, тѣмъ, что убилъ его хитростью, изъ-за угла?!—воскликнулъ сынъ Уріян'а, вскочивъ съ мѣста;—я прослѣдилъ твой путь и пришелъ по твоимъ слѣдамъ!

Услышавъ это, Могуна кинулся на него съ ножомъ, но тотъ успѣлъ выскочить. Крикнулъ тогда Могуна своимъ людямъ:

— Держите и убейте этого мальчишку!

Но Уріян'овъ сынъ былъ уже далеко; онъ прибѣжалъ въ дѣсь, къ тому мѣсту, гдѣ спряталъ свои доспѣхи, одѣлся, взялъ свои стрѣлы и лукъ и двинулся на встрѣчу людямъ Могуна. Тѣмъ временемъ и самъ Могуна, одѣтый и вооруженный, вышелъ къ своимъ людямъ, а тѣ уже начали стрѣлять въ пришельца; уже цѣлыя тучи стрѣлъ летѣли на сына Уріян'а, но ни одна не могла попасть въ него, такъ какъ онъ увертывался и отклонялся отъ каждой изъ нихъ, между тѣмъ какъ люди Могуна одинъ за другимъ падали пораженными стрѣлами пришельца; ни одной стрѣлы онъ не пустил мимо; что ни выстрѣлъ—то убитый или смертельно раненый. Со свистомъ летѣли его смертоносныя стрѣлы, опустошая ряды его враговъ. Мѣтко стрѣлялъ парень, ни разу не промахнулся и скоро перестрѣлялъ всѣхъ людей и работниковъ Могуна. Остались они вдвоемъ другъ противъ друга; у нихъ уже начали разрываться отъ стрѣлъ соединительныя вязки брони, а сынъ Уріян'а все приближается къ своему противнику.

— Пощади, не убей; есть у меня дочь, возьми ее себѣ въ жены; дамъ я тебѣ за ней оленей и другого добра, сохрани только жизнь мнѣ!—взмолился Могуна.

Парень опустил свой лукъ и пересталъ стрѣлять. Помирившись, Могуна дѣйствительно выдалъ за него свою дочь. Тутъ же сынъ Уріян'а нашелъ свою мать. Долго ли прожилъ здѣсь сынъ Уріян'а—неизвѣстно, только однажды онъ собрался въ обратный путь. Взялъ онъ свою жену, мать, оленей съ женинымъ имуществомъ и двинулся въ свою сторону. Дорогой, на обратномъ пути, онъ охотился. Иногда останавливались и дневали, тогда онъ уходилъ охотиться на цѣлый день. Однажды на одной изъ такихъ остановокъ ихъ догналъ Могуна, хозяина не было дома. Могуна зналъ это; онъ давно уже слѣдилъ за своимъ зятемъ и искалъ лишь удобнаго случая убить его. Выдача за него замужъ своей дочери была съ его стороны лишь хитростью, спасшей ему жизнь. Придя въ чумъ, Могуна приказалъ женщинамъ собрать всю кладь вокругъ чума. Когда женщины исполнили это, онъ сказалъ:

— Сынъ Уріян'а придетъ вечеромъ, поздно; я спрячусь здѣсь, между кладью. Вечеромъ, когда онъ будетъ возвращаться, вы откройте дверь чума ему навстрѣчу, и когда огонь освѣтитъ его въ темнотѣ—я застрѣлю его.

Женщины не посмѣли послушаться. Залегъ Могуна между тюками и сталъ ждать. Наступилъ вечеръ, стемнѣло. Скоро послышались и шаги человѣка. Вотъ они ближе и ближе подходятъ къ чуму. Въ это время раскрылась дверь чума и огонь отъ костра освѣтилъ сына Уріян'а. Охотникъ подошелъ къ чуму и только что сталъ заносить ногу, чтобы войти, какъ мимо него прожужжала стрѣла.

— Ну, Моуна, на этотъ разъ я тебя уже не пощажу,—проговорилъ сынъ Уриан'а, сразу узнавъ своего врага, и бросился къ тому мѣсту, откуда прилетѣла стрѣла. Увидѣвъ, что промахнулся, что старая испытанная рука измѣнила, Моуна кинулся бѣжать; но не долго бѣжалъ онъ: стрѣлы, пущенныя вѣрной и сильной рукой Уриан'ова сына, поразили его на смерть. Такъ кончилъ Моуна свою жизнь, а сынъ Уриан'а съ женой и матерью продолжалъ на утро свой путь.

Оран.

Среди Илимпейскихъ тунгусовъ былъ одинъ человекъ, по имени Оран. Жилъ онъ на рѣчкѣ и, перегораживая ее заколомъ, добывалъ себѣ рыбу. Однажды человекъ около тридцати тунгусовъ направился въ нему, чтобы убить его. На послѣднемъ ночлегѣ передъ встрѣчей съ нимъ двое изъ нихъ остались хозяйничать, а остальные направлись къ 'Оран'у. Подкравшись тихонько лѣсомъ къ рѣчкѣ, они увидѣли 'Оран'а. Тотъ былъ на своемъ заколѣ. Тутъ же въ водѣ, у закола былъ вбитъ развилистый колъ, на которомъ былъ повѣшенъ его лукъ. Изъ предосторожности онъ не оставлялъ свое оружіе на берегу. Увидавъ 'Оран'а и неразлучность его со своимъ оружіемъ, тунгусы не рѣшились напасть на него и вернулись обратно. Когда они пришли къ оставшимся двумъ товарищамъ, тѣ спросили ихъ—убили ли они 'Оран'а.

— Нѣтъ,—отвѣтили тѣ и рассказали, что видѣли.

— Эхъ, вы, столько человекъ и побоялись напасть на одного!—замѣтили два оставшихся тунгуса.

— Вы говорите такъ, какъ будто вы можете убить его,—возразили тѣ,—такъ идите же сами и попробуйте убить.

— Что же, мы и пойдемъ!—сказали оставшіеся и дѣйствительно отправились.

Придя къ заколу, храбрецы увидѣли, что 'Оран'а тамъ уже нѣтъ и что онъ укрывался, причемъ шелъ, не выбирая чистыхъ мѣста для своего аргиша¹⁾, какъ дѣлали и дѣлаютъ обыкновенно, а прорубая цѣлыя просѣки, если попадалась чаща. Двигался 'Оранъ поэтому медленно и тунгусы скоро подошли къ нему настолько близко, что могли рассмотреть его. Тогда они обошли его и, зайдя къ нему спереди, спрятались въ вывороченное корневище дерева, какъ разъ вротивъ пути 'Оран'а, такъ что послѣдній въ своемъ стремленіи идти прямо долженъ былъ непременно выйти на нихъ.

Выбили они въ двухъ мѣстахъ глину съ корневища вродѣ маленькихъ окошекъ и стали ждать. Скоро дѣйствительно подошелъ 'Оранъ и всего въ какихъ нибудь 2—3 саженьяхъ отъ засады сталъ рубить мѣшавшее ему деревцо. Одинъ изъ спрятавшихся пустилъ въ него изъ своего окошка стрѣлу, но промахнулся, такъ какъ 'Оранъ успѣлъ уклониться отъ нея, прокричавъ крикомъ какой то птицы. Страхъ тутъ напалъ на сидѣвшихъ въ засадѣ и они бро-

¹⁾ Обозъ.

сились бѣжать. 'Оран пустилъ имъ въ догонку стрѣлу и убилъ одного изъ нихъ. Затѣмъ онъ закричалъ:

— Эй, положи маленько, я не убью тебя!

Тотъ остановился. Подойдя къ нему, 'Оран спрашиваетъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

— А чтобы убить тебя,—отвѣчаетъ тунгусъ.

— А развѣ вы слыхали объ 'Оран'ѣ, что пришли убить его?

— Какъ не слыхать; всѣ говорятъ о тебѣ, вотъ и пришли мы.

— А много васъ?

— Да, порядочно,—отвѣтилъ тунгусъ.

— Ну, такъ я не убью тебя, какъ и обѣщалъ; теперь же ты ступай и скажи своимъ, что видѣлъ 'Оран'а и что одинъ изъ васъ поцлатился за свое желаніе убить меня,—и 'Оранъ мирно отпустилъ тунгуса.

Убить его больше никто не пытался.

Два брата.

Жили два брата: старшій, женатый—вель хозяйство, младшій же, холостой парень—былъ лѣнтяй. Однажды жена старшаго брата замѣтила, что къ нимъ подходятъ три вооруженныхъ луками чело-вѣка, и сообщила своему мужу. Тотъ посмотрѣлъ и видѣть, что дѣйствительно идутъ люди и, какъ ему показалось, довольно подозрительные. Затѣмъ старшій братъ говоритъ, обращаясь къ младшему:

— Слушай, братъ! Если я увижу, что это худые люди, то я мигну тебѣ. Тогда ты скажи, что нужно приготовить дымокъ для оленей (а надо замѣтить, что была комариная пора), и, выйдя, приготовь тихонько отказъ¹⁾ и лукъ.

Братъ ничего не отвѣтилъ. Тѣмъ временемъ пришли и замѣчен-ные люди, всѣ вооруженные и очень подозрительнаго ви да. Поговоривъ немного съ пришельцами, хозяинъ мигнулъ брату, потомъ еще разъ и еще, а тотъ и не смотреть на него; уставился глазами въ полъ и сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ это время одинъ изъ пришельцевъ вытащилъ ножъ и ударилъ имъ въ лѣнтяя; ударъ пришелся въ самое сердце и парень тутъ же умеръ. Увидя это, хозяинъ кое-какъ, въ чемъ былъ, успѣлъ выскочить на дворъ; ни лука, ни чего другого, кромѣ стараго отказа, онъ не успѣлъ съ собой захватить и пустился бѣжать. Пришельцы пустились за нимъ, но имъ не удалось догнать его и онъ спасся. Нѣкоторое время онъ скрывался, но потомъ, когда вернулся наконецъ домой, то ни жены, ни чума, ни какого бы то ни было платья тамъ уже не оказалось. Все было ограблено и похищено; даже съ брата его, съ мертваго—было снято все, и овъ лежалъ голый. Ничего не осталось у бѣдняка, ни поѣсть или попить чего, ни одѣться во что, ни укрыться гдѣ отъ стужи; остался онъ въ одномъ лѣтнемъ платьѣ. Долго скитался бѣднякъ въ поискахъ своихъ обидчиковъ, питаясь чѣмъ Богъ пошлетъ.

¹⁾ Большой ножъ на древкѣ.

— Неужели жена моя, баба умная, не придумаетъ ничего, какъ намъ опять соединиться? — думалъ онъ, а самъ все искалъ, да искалъ.

Наконецъ ему удалось напасть на ихъ слѣдъ. Нашелъ онъ тутъ, на мѣстѣ одного изъ ночлеговъ, кусочекъ мяса, спрятанный его женой. Въ другомъ мѣстѣ онъ нашелъ старые унты¹⁾. Такъ находилъ онъ, идя изо дня въ день по слѣдамъ, въ разныхъ мѣстахъ кой какія необходимыя для него вещи. Пока такъ скитался ограбленный мужъ, наступила уже осень; пошелъ снѣгъ, начались холода. Скиталецъ мерзъ, голодалъ, почему-то гдѣ придется, но шель все впередъ, пока наконецъ не открылъ убѣжища своихъ обидчиковъ. Однако онъ не могъ ничего подѣлать: похитители, три брата, изъ которыхъ старшій владѣлъ всѣмъ его добромъ и женой, всегда были на-сторожѣ. Между тѣмъ морозы росли. Наконецъ, въ одинъ морозный день, послѣ такой же ночи, старшій братъ говоритъ своимъ младшимъ братьямъ:

— Ну, врагъ нашъ теперь навѣрное уже замерзъ и болѣе не придетъ, такъ что опасаться намъ нечего больше.

— А порозъ²⁾ вашъ былъ охотничій? — спросилъ онъ, обратясь затѣмъ къ своей плѣнницѣ.

— Да, былъ охотничій, — отвѣтила та.

— Въ такомъ случаѣ я отправлюсь сегодня охотиться, — сказалъ онъ, — вы тоже можете итти поохотиться, если хотите, — добавилъ старшій, обращаясь къ братьямъ, и дѣйствительно уѣхалъ на охоту за дикими оленями. Братья тоже уѣхали въ разныя стороны. Осталась плѣнница одна доживать. Замѣтивъ, что всѣ разошлись изъ чума, слѣдившій за ними ограбленный мужъ пришелъ въ чумъ, гдѣ нашелъ свою жену.

— Ты еще живъ? — воскликнула обрадованная женщина.

— Да, живъ! Ну, а лукъ мой еще цѣлъ? — спросилъ въ свою очередь мужъ.

— Цѣлъ. Каждый изъ нихъ пробовалъ натянуть твой лукъ, но ни одинъ не смогъ.

Взялъ человекъ свой лукъ, но, обезсиленный долгимъ холоданьемъ и голоданьемъ, не могъ и самъ натянуть его. Женщина накормила его, напоила и спрятала, а пряча дала такой совѣтъ:

— Ты теперь голоденъ и слабъ, такъ не стрѣлай изъ далека, промахнешься, а выжди лучше и стрѣлай, когда они садутъ за ѣду, чтобы бить навѣрняка.

Мужъ такъ и рѣшилъ поступить, а самъ спрятался. Время шло; день близился къ концу. Къ вечеру, одинъ за другимъ пришли младшіе братья и такъ же, одинъ за другимъ, были убиты мстительною рукою стрѣлка. Наконецъ послѣднимъ сталъ подѣвзжать и старшій братъ. Порозъ подъ нимъ, почувявъ стараго хозяина, сталъ хоркать³⁾.

— Что ты хоркаешь? или пришелъ твой старшій хозяинъ?! Нѣтъ,

¹⁾ Обувь изъ оленьихъ камусовъ (ножныхъ шкурокъ). *Ред.*

²⁾ Нехолощенный самецъ. *Ред.*

³⁾ Хрюканіе оленя, напоминающее хрюканіе свиньи, на сѣверѣ называютъ „хорканіемъ“.

братъ, шалишь; онъ ужъ теперь не придетъ; ужъ замерзъ поди гдѣ нибудь!—го. орилъ сѣдокъ, сердясь на оленя и нанося ему удары палкой по рогамъ. Олень тѣмъ не менѣе не переставалъ хоркать. Подъѣхалъ охотникъ домой, оглянулся, осмотрѣлся, но, не замѣтивъ ничего подозрительнаго, вошелъ къ себѣ въ чумъ. Женщина собрала ему ѣсть, но только что овъ сѣлъ и взялся за первый кусокъ, какъ свалился, пронзенный вражьей стрѣлой; смертельно раненный, онъ тутъ же умеръ, едва успѣвъ сказать вышедшему къ нему врагу:

— Тамъ я убилъ сегодня дикаго оленя, такъ ты не бросай его; онъ жирный.

Мужъ же на утро, взявъ указаннаго дикаго оленя и забравъ съ собой жену, свое имущество и все, что принадлежало убитымъ, поѣхалъ на старое мѣсто, гдѣ жилъ раньше.

(Окончаніе слѣдуетъ),

ОТДѢЛЪ III

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старини“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензій“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензій.

Новости этнографической литературы.

Русская этнографія находится въ счастливомъ положеніи: ею занимаемся не мы одни, русскіе; ею усердно занимаются и поляки. Польскіе этнографическіе журналы имѣютъ статей по русской этнографіи едва ли не больше, чѣмъ статей по польской этнографіи. Конечно, поляки интересуются малоруссами и бѣлоруссами, а не великоруссами. Къ сожалѣнію, они мало знаютъ нашу, русскую, литературу по этнографіи и ею почти не пользуются, разумѣется, къ невыгодѣ для себя.

Сырой матеріалъ по русской этнографіи до сихъ поръ настолько преобладаетъ, что изслѣдованія въ немъ терятся и его почти никогда не исчерпываютъ. Само собою разумѣется, наши общества разныхъ наименованій не въ силахъ справляться съ грудой разнообразныхъ записей и описаній, и потому значительная ихъ часть складывается пока въ архивахъ, въ ожиданіи лучшихъ дней, когда появится издатель или изслѣдователь.

Лучшіе дни настаютъ для сборника пѣсенъ *Гоголя*. Его небольшое собраніе, составленное изъ великорусскаго и малорусскаго матеріала, отысканное въ Румянцевскомъ музеѣ въ одной изъ его записныхъ книжекъ, уже печатается Академіей Наукъ.

Черезъ годъ оно выйдетъ въ свѣтъ и тогда только можетъ быть оцѣнено по достоинству.

То же можно сказать о знаменитомъ собраніи Петра Васильевича *Киртескаго*. Забытое было своимъ собственникомъ—московскимъ Обществомъ Любителей Россійской словесности, оно опять показывается передъ ученой публикой. Общество недавно поручило А. В. Маркову подготовить его къ изданію, съ тѣмъ, чтобы выпустить въ свѣтъ понемногу, сообразно съ денежными средствами Общества. Какъ извѣстно, Общество уже издало, подъ редакціей Безсонова, былины и историческія пѣсни этого собранія; оно же предоставило Безсонову воспользоваться изъ него духовными стихами. Но всетаки остается издать огромное количество лирическихъ и бытовыхъ пѣсенъ, въ записяхъ 30-хъ и 40-хъ годовъ.

О новѣйшихъ собраніяхъ этнографическаго матеріала я не буду говорить. Изъ нихъ нѣтъ ни одного столь важнаго, чтобы оно заслуживало особеннаго вниманія. Поэтому я перехожу къ изслѣдованіямъ.

Первое по достоинству и по значенію принадлежитъ г. *Ветухову* и называется: „Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова“, Варшава, 1907. Авторъ—послѣдователь покойнаго Потебни (стр. 4); уже и поэтому мы должны ожидать отъ него нѣкоторой односторонности.

И такая односторонность у него дѣйствительно есть.

„Задача изслѣдователя, говорить г. Ветуховъ (стр. 2),—вскрывать хотя отчасти тѣ основы, на которыхъ создавалась вѣра въ чудодѣйную силу заговора, подглядѣть иногда, какъ бьется или была мысль народная, стараясь оградить себя отъ могучихъ силъ стихійныхъ“.

Всѣмъ извѣстно, что заговоры нерѣдко оказываютъ желаемое дѣйствіе, что специалисты успѣшно „заговариваютъ“ кровь и зубы, что они излѣчиваютъ отъ лихорадки. Вообще сила заговоровъ несомнѣнна. Въ чемъ же она?

Авторъ указываетъ на внушеніе и самовнушеніе, важность которыхъ уже вполне признается и медициной и экспериментальной психологіей. Даже пресловутый „отводъ глазъ“, говорить авторъ (стр. 3), „получаетъ нынѣ серьезное основаніе въ наблюденіяхъ надъ нервными больными, причемъ открывается возможность передачи чувствительности другому лицу или даже предмету, подмѣчается способность человека жить—такъ сказать—двумя душами въ одномъ тѣлѣ“.

„Созданіе заговоровъ, точнѣе—творчество мысли народной въ этомъ направленіи, продолжаетъ авторъ (стр. 41), не прекратилось и понинѣ. Живучесть ихъ поразительна; для нихъ нѣтъ строго опредѣленной, отмежеванной эпохи, когда они народились и потомъ, исподволь развившись, существуютъ лишь какъ культурное переживаніе“.

Источникъ народного творчества въ области заговоровъ—вѣра въ могущество человеческого слова.

Какъ стараются выгнать изъ больного болѣзнь или злаго духа, шумомъ, криками, выкуриваньемъ, какъ пытаются „передать болѣзнь“ другому лицу черезъ передачу ему вещи больного, такъ на болѣзнь и на человека дѣйствуютъ заговоромъ.

Авторъ разбираетъ формы заговоровъ, распределяетъ заговоры по группамъ и затѣмъ приступаетъ къ отдѣльнымъ заговорамъ.

Исслѣдованіе объ отдѣльныхъ заговорахъ составляетъ большую часть его книги.

Онъ начинается съ заговоровъ русскихъ, отъ нихъ переходитъ къ славянскимъ, нѣмецкимъ, романскимъ и т. п. и вообще не упускаетъ ничего подходящаго изъ доступной ему литературы предмета. Конечно, ему приходится пользоваться большими сборниками и монографіями, такъ какъ пытаться исчерпать матеріалъ нашихъ губернскихъ вѣдомостей и журналовъ заграничныхъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ почти что невозможно.

Такимъ образомъ г. Ветуховъ послѣдовательно разбираетъ заговоры отъ лихорадки, отъ сглаза, отъ кровотечения, отъ зубной боли, отъ рожи, чирьевъ, бородавокъ, утина и т. д.

Разборъ производится съ отличнымъ знаніемъ и заслуживаетъ полного вниманія.

Обширная (слишкомъ 500 страницъ) монографія г. Ветухова, дающая новыя точки зрѣнія и превосходно объясняющая многое изъ того, надъ чѣмъ останавливались въ недоумѣніи ученые,—наиболѣе выдающееся явленіе въ нашей этнографической литературы послѣдняго времени. Она доставила бы честь любой литературѣ европейскаго Запада.

Но, какъ я сказалъ, въ ней есть нѣкоторая односторонность.

Г. Ветуховъ мало интересуется литературными вліяніями и обращаетъ меньше, чѣмъ нужно, вниманія на литературное заимствованіе.

То, что мы называемъ теперь *заговоромъ*, у грековъ византійскаго періода, имѣло часто форму *апокрифической молитвы*.

Значительное число апокрифических молитвъ въ переводѣ на церковно-славянскій языкъ разновременно перешло отъ грековъ къ православнымъ славянамъ, всего болѣе къ русскимъ.

Г. Ветуховъ знакомъ съ частью изданныхъ греческихъ и славянскихъ апокрифическихъ молитвъ (съ сборникомъ Васильева, „врачевальными молитвами“ Алмазова, съ монографіей Мансвотова о трясавицахъ), но пользуется ими наравнѣ съ народными заговорами, рассматривая ихъ не какъ источники послѣднихъ, а какъ параллельныя данныя.

Между тѣмъ въ рядѣ случаевъ апокрифическія молитвы были, несомнѣнно, источниками заговоровъ какъ въ цѣломъ, такъ въ частяхъ, въ многочисленныхъ отдѣльныхъ подробностяхъ. „Шель Іисусъ Христосъ“, такъ начинается одинъ заговоръ; „шли апостолы Петръ и Павелъ“, такъ начинается другой. Подобные приступы мы находимъ нерѣдко въ апокрифическихъ молитвахъ. „На морѣ на окіяніѣ“: иногда такъ начинаются заговоры. И подобный приступъ имѣется въ апокрифическихъ молитвахъ.

Однимъ словомъ взаимныя отношенія заговоровъ и апокрифическихъ молитвъ нуждаются въ изслѣдованіи и могутъ дать для многихъ подробностей заговоровъ важные результаты.

Само собой разумѣется, для такого изслѣдованія необходимо воспользоваться прежде всего недавнимъ, очень важнымъ сборникомъ апокрифическихъ молитвъ Алмазова: „Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры. Къ исторіи византійской отреченной письменности“, Одесса, 1901, а также другими сборниками: Порфирьева, Каратыгина, Качановскаго, Алмазова и наконецъ Прагеля¹⁾.

Другая монографія принадлежитъ польской литературѣ. Авторъ ея — М. Жмигродскій (M. Żmigrodzki): *Lud Polski i Rusi wśród Słowian i Aryów. Obrzędy weselne*“, Краковъ, 1907.

Авторъ задался мыслью дать сравнительное освѣщеніе и оцѣнку народнымъ обычаямъ и вѣрованіямъ поляковъ и малоруссовъ и началъ со свадебнаго ритуала.

Мысль его можно назвать счастливой, но выполненіе оставляетъ желать много лучшаго.

Сначала онъ подробно описываетъ ритуаль польскій, по-

¹⁾ *Pragel*; „Griechische und süditalienische Gebete, Beschwörungen und Rezepte des Mittelalters“. Giessen, 1907.

томъ ритуалъ малорусскій, но такъ, что въ описаніи ритуала польскаго пользуется данными и терминами несомнѣнно малорусскими (коровай, дружка, приданка и т. п.). Кажется, по обычаю многихъ поляковъ, онъ отрицаетъ существованіе русскаго населенія въ предѣлахъ Царства Польскаго и потому матеріалы изъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній признаетъ за польскіе.

Описаніе этихъ двухъ ритуаловъ занимаетъ половину монографіи.

Описанія остальныхъ ритуаловъ болѣе или менѣе кратки.

За ритуаломъ малорусскимъ авторъ помѣщаетъ ритуалъ южно-славянскій. Его описаніе составлено исключительно на основаніи совершенно устарѣвшихъ трудовъ Крауса (1885 г.) и Сумцова (1881 г.); даже обильные матеріалы „Сборника“ болгарскаго министерства нар. просв. остались ему неизвѣстны.

Описаніе остатковъ ритуала западно-славянскаго—лучше предыдущаго, но и въ немъ не видно знакомства автора съ новѣйшими этнографическими изданіями. Описанія ритуаловъ литовскаго и латышскаго, римскаго и итальянскаго, древне-греческаго, древне-индійскаго и ново-индійскаго, нѣмецкаго, французскаго, ирландскаго и т. д. составлены кратко и наскоро, но даютъ полезный матеріалъ.

Великорусскому ритуалу у г. Жмигородскаго совсѣмъ не посчастливилось. Ему извѣстно его разнообразіе; тѣмъ не менѣе онъ описалъ его всего на 20 страницахъ, исключительно на основаніи далеко не современныхъ трудовъ Н. О. Сумцова.

Выводовъ г. Жмигородскій не даетъ никакихъ. Его попытки уяснить значеніе или происхожденіе нѣкоторыхъ подробностей свадебнаго обряда рѣдко бываютъ удачны.

Значеніе купальскаго праздника и теперь, и особенно въ старое время заставляетъ меня упомянуть о статьѣ г. Матусяка въ львовскомъ журналѣ „Lud“ (т. XIII): „Sobótka“.

Къ сожалѣнію, авторъ ограничивается объясненіями названій этого праздника: польскаго *Sobótka*, русскаго *Купало*—*Купайло*, словинск. *Kres*, очень мало удачными; по его мнѣнію, первое происходитъ отъ того, что будто бы въ старой Польшѣ прогалины въ лѣсу назывались *сobotками*, второе и третье—отъ именъ древняго славянскаго божества...

Д-ръ Генрихъ Шурцъ., *Исторія первобытной культуры*. Переводъ съ нѣмецкаго проф. *И. Н. Смирнова*, подъ редакціей, съ предисловіемъ и дополненіями *Д. А. Клеменца*. 434 рис. въ текстѣ, 8 хромофотографій, 15 гравюръ и автотипій и 1 карта. С.-Петербургъ. Книгоиздательство „Просвѣщеніе“.

Объемистый томъ въ 663 страницы, принадлежащій перу талантливаго, рано скончавшагося ученика Фр. Ратцеля—Генриха Шурца, появившійся въ переводѣ двухъ извѣстныхъ русскихъ этнографовъ, представляетъ несомнѣнно цѣнный вкладъ въ небогатую, въ общемъ, нашу этнографическую литературу. Книга Шурца имѣетъ большой интересъ не только для ученыхъ—специалистовъ, которые найдутъ въ ней много оригинальныхъ мыслей и сѣлаго исканія новыхъ путей въ области этнологическихъ изысканій, но и для читателей—неспециалистовъ, такъ какъ она способна возбудить живой интересъ къ изученію исторіи культуры и освѣтитъ для нихъ многое въ окружающей насъ жизни, мимо чего нерѣдко даже образованный человѣкъ проходитъ равнодушно, не чувствуя величія часто неблестящихъ предметовъ и скромныхъ по своему содержанію фактовъ и явленій.

Большіе труды Шурца (списокъ всѣхъ его трудовъ, до мелкихъ газетныхъ статей включительно, читатель найдетъ на стр. 664 и 665-й русскаго изданія) вообще производятъ впечатлѣніе, будто авторъ ихъ предвидѣлъ скорую свою кончину и торопился высказать свои мысли, которыя давили его самого и перебивая другъ друга, прорвались на бумагу. И это впечатлѣніе выступаетъ особенно отчетливо при чтеніи его „Исторіи первобытной культуры“. Этнологія ждетъ еще своего Дарвина, и только тотъ, кто во всеоружіи массы фактовъ, которыми располагаетъ современное народовѣдѣніе, будетъ обладать геніальнымъ мышленіемъ великаго біолога, въ состояніи будетъ написать книгу, которая оправдаетъ такое заглавіе. Шурцъ ясно сознавалъ всю трудность своей задачи и не переоцѣнивалъ своихъ силъ. „У культурныхъ народовъ нѣтъ еще настоящей исторіи ихъ бытія и возникновенія“ — говоритъ онъ въ заключеніи своей книги. „Если когда нибудь возьмуться за писаніе такой исторіи, то прежде всего нужно будетъ заложить прочный фундаментъ, а для этого необходимо изслѣдованіе тѣхъ весьма несложныхъ, но мало понятныхъ явленій, на которыхъ возвышается колоссальный храмъ высшей цивилизаціи. Фундаментомъ же будетъ служить не что иное, какъ созданный упорной и тяжелой работой многихъ компетентныхъ работниковъ трудъ. Моя книга можетъ считаться только подготовительной работой къ будущей, которая дастъ намъ настоящую и всестороннюю исторію первобытной культуры“. Такъ смотрѣлъ на свою работу самъ авторъ ея. И можно съ увѣренностью сказать, что своими трудами, въ которые онъ вложилъ всю свою недолгую, полную кипучей работы жизнь, Шурцъ самоотверженно и добросовѣстно поработалъ надъ закладкой фундамента того храма, который онъ видѣлъ вдаль, и почву для этого фундамента онъ расчищалъ надежной и неутомимой рукою. Много труда въ разныхъ областяхъ положено имъ было на изслѣдованіе „зачаточныхъ явленій“, но пылкій темпераментъ и большія познанія вмѣстѣ съ недолгимъ талантомъ — влекутъ его почти

всегда и вездѣ на путь болѣе широкаго строительства. Исслѣдуя, напримѣръ, вопросъ о возникновеніи одежды, онъ хочетъ создать не менѣе чѣмъ „философію одежды“ и въ то же время горячо настаиваетъ на дедуктивномъ методѣ въ этнологіи, свои же выводы строить на болѣе чѣмъ неполномъ матеріалѣ, такъ какъ основательно изученъ имъ былъ лишь матеріалъ, касающійся этнографіи Африки. И въ этомъ слабая сторона работъ Шурца вообще, какъ впрочемъ, и всей школы, изъ которой онъ вышелъ. Заключенія и слишкомъ широкія обобщенія дѣлаются безъ полного и обстоятельнаго знакомства съ генезисомъ и постепеннымъ развитіемъ матеріальныхъ факторовъ культурнаго развитія человѣчества. И въ этомъ смыслѣ надежда путь, избранный французской школой въ лицѣ ея молодыхъ представителей, которые именно съ особеннымъ стараніемъ и любовью занялись изученіемъ генезиса „зачаточныхъ явленій“ и фактовъ и отказываются пока отъ созиданія всего зданія исторіи культуры или хотя-бы „философіи“ отдѣльнаго ея элемента.

Обстоятельную критику міросоверпанія Г. Шурца вмѣстѣ съ краткой его біографіей читатели найдутъ въ весьма цѣнномъ предисловіи къ русскому изданію его книги, написанномъ Д. А. Клеменцомъ. Предисловіе это можетъ служить образцомъ безпристрастной критики вообще. Спокойно и съ любовью къ соборату по научнымъ интересамъ, авторъ критическаго обзора работъ Шурца вскрываетъ всѣ основные пункты разногласія, которые образуютъ зияющую пропасть, отдѣляющую нѣмецкаго патріота націоналиста со всѣми присущими этому типу грубыми чертами міровоззрѣнія отъ широкаго гуманиста съ нѣжной и многосторонней славянскою душой; вскрываетъ безъ раздраженія, съ тихой грустью надъ заблужденіями своего противника, съ полнымъ признаніемъ его таланта, ума и заслугъ въ области науки.

Перу Д. А. Клеменца принадлежатъ также многочисленныя примѣчанія редактора, которые содержатъ то цѣнныя бібліографическія указанія, то дополненія и примѣры изъ личныхъ наблюденій и обширнаго знакомства съ этнографіей Сибири, то важныя разъясненія, которые будутъ по достоинству опѣнены читателями — неспеціалистами въ области этнологіи и археологіи. Въ лицѣ Д. А. Клеменца съ его предисловіемъ и примѣчаніями такой читатель имѣетъ надежнаго путевода.

Н. Мотылянский.

М. А. Энгельгардтъ. Вредныя и благородныя расы. Спб. 1908
Стр. 40. Ц. 15 коп.

Съ большимъ интересомъ читается популярно написанная брошюра г. Энгельгардта, задававшаяся цѣлью разобраться въ противорѣчивыхъ взглядахъ разныхъ ученыхъ на пониманіе термина „раса“. Авторъ, прежде всего, останавливается на попыткахъ „связать съ опредѣленнымъ соматическимъ (физическимъ) типомъ расы опредѣленные типъ моральныхъ и интеллектуальныхъ свойствъ“, т.-е. „по соматическимъ признакамъ опредѣлять признаки психическіе“. Тщательный анализъ этихъ попытокъ приводитъ автора къ заключенію, что „во всякомъ случаѣ никакой связи между соматическими расовыми

признаками и психическимъ типомъ мы установить не можемъ“ и что „вообще нельзя установить опредѣленнаго физическаго (соматическаго) типа, соответствующаго опредѣленному психическому типу“. По опредѣленію автора, расовый признакъ есть признакъ „прирожденный“ и „наслѣдственный“, независимый отъ внѣшнихъ условій и неизмѣнный. „Негръ во всѣхъ климатахъ будетъ родиться чернымъ, и, сколько бы поколѣній негровъ ни смѣнилось въ умѣренной странѣ, они будутъ родить черныхъ дѣтей... Расы *вымираютъ* въ борьбѣ съ другими расами (старыми или вновь возникающими); но не *измѣняются*“ (стр. 15). Ме мало мѣста удѣляетъ г. Энгельгардтъ вопросу о смѣшеніи расъ: въ то время какъ данныхъ о вредѣ этого смѣшенія почти нѣтъ, если не считать бѣглыхъ наблюденій туристовъ и путешественниковъ,—въ пользу благотворнаго вліянія скрещиванія расъ данныхъ такъ много, что о превосходствѣ „чистой расы“, каковою считается попреимуществу арійская, не можетъ быть и рѣчи. Теорія благородства арійской расы, въ смыслѣ ея моральнаго и интеллектуальнаго превосходства, не выдерживаетъ критики, такъ какъ „никакою соотношеніемъ (курсивъ автора) между количествомъ арійскаго элемента въ составѣ націи и даровитостію этой націи не обнаруживается“ (стр. 32).

Въ результатѣ изложенія выводъ о несостоятельности раздѣленія расъ на „благородныя“ и „неблагородныя“ напрашивается самъ собою.

Книжку г. Энгельгардта прочтутъ съ пользою не только обыкновенные читатели, но и очень многіе газетные и журнальные публицисты, смѣшивающіе сплошь и рядомъ понятіе о расѣ съ понятіемъ о націи или народности. Не чуждъ такого смѣшенія, между прочимъ, извѣстный публицистъ г. Шараповъ.

Заголовокъ брошюры не вполне соответствуетъ ея содержанію, и въ самой брошюрѣ „благороднымъ“ расамъ вездѣ противопоставляются „неблагородныя“, а не „вредныя“, какъ значитъ на заглавномъ листѣ.

II. Э.

Д-р Іляріонъ Святицкий. Відроджене білоруського письменства. Львовъ. 1908. 58 стр. 8^о.

Вышедшая за границей на малорусскомъ языкѣ маленькая книжка можетъ остаться совсѣмъ незамѣченной, а между тѣмъ въ ней содержатся очень любопытныя указанія на быстрое возрожденіе білорусской письменности. Почтенный авторъ ознакомился съ новѣйшей білорусской литературой и справедливо замѣчаетъ, что въ настоящее время, даже безъ особыхъ доказательствъ, можно говорить объ этомъ возрожденіи.

Довольно богатая въ свое время білорусская письменность, отъ которой дошло до насъ сотни двѣ-три грамотъ, правительственныхъ актовъ и другихъ рукописей XIII—XVII вв. да сотни двѣ печатныхъ произведеній конца XVI и начала XVII в., потомъ совершенно замерла и, казалось, угасла навсегда, если не считать собранныхъ въ теченіе XIX в., обширныхъ матеріаловъ по народной словесности и небольшихъ произведеній Маньковскаго, Чечота, Борщевскаго, Марцинкевича, Бурачка, Лучины и др. Только въ послѣднее время,

начиная съ 1904 г., среди бѣлоруссовъ началось усиленное движеніе по изданію брошюръ, книгъ и газеты на народномъ бѣлорусскомъ языкѣ. Для издательства бѣлорусскихъ произведеній возникло два кружка: „Беларусская суполка“ — Загляне сонца і у нашае ваяконца—въ С.-Петербургѣ (1904 г.) и „Общество изученія бѣлорускаго края въ городѣ Могилевѣ“ (1905 г.). Первый проявилъ чрезвычайно живую дѣятельность, второй не обнаруживаетъ признаковъ жизни. Кромѣ того въ г. Вильнѣ небольшой кружокъ молодыхъ бѣлорусскихъ дѣятелей издавалъ двухнедѣльникъ „Наша Доля“, потомъ „Наша Нива“. Въ 1906 г. появилось около 50 пумеровъ газеты „Бѣлая Русь“, но она прекратила свое существованіе.

Г. Святницкій приводитъ множество отрывковъ изъ твореній новыхъ бѣлорусскихъ поэтовъ и писателей. Изъ этихъ любопытныхъ открывковъ отчасти и можно заключить о возрожденіи бѣлорусской литературы.

А. Сергпутовскій.

Ахмаровъ, Г. Н. Тептяри и ихъ происхожденіе. (Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн. при Казан. Унивѣрситетѣ. Т. XXIII, вып. 5, стр. 340—364).

Во введеніи къ своему очерку авторъ говоритъ: „Цѣль настоящихъ изслѣдованій — не этнографическое описаніе тептярей въ различныхъ отношеніяхъ, а лишь желаніе внести въ этнографическую литературу нѣкоторый матеріалъ для рѣшенія спорнаго вопроса о народности тептярей, о происхожденіи ихъ названія, объ отношеніи ихъ къ тѣмъ или другимъ инородцамъ Поволжья и пр.“ (стр. 341).

Цѣль очень почтенная, если принять во вниманіе, что, по свѣдѣтельству автора, „литература о тептяряхъ довольно бѣдна“ и „ни-кто ихъ тщательно не изслѣдовалъ въ различныхъ отношеніяхъ“, такъ что даже происхожденіе названія „тептярь“ остается до сихъ поръ еще неизвѣстнымъ (стр. 343). Неудивительно, поэтому, что г. Ахмаровъ, несмотря на свое крайне отрицательное отношеніе къ нѣкоторымъ сообщеніямъ о тептяряхъ, „голословнымъ и неправдоподобнымъ“ (напр. въ книгѣ г. Рыбакова: „Музыка и пѣсни Уральскихъ мусульманъ съ очеркомъ ихъ быта“. Спб. 1897),—все-таки вынужденъ прибѣгать и къ такого рода литературѣ, въ погонѣ за стремленіемъ исчерпать возможно полнѣе скудный литературный матеріалъ. Предупрежденный авторомъ читатель долженъ, конечно, отнестись соотвѣтственнымъ образомъ къ „незаслуживающимъ вѣроятія“ сообщеніямъ, не подтвержденнымъ „никакими данными“, и постарается ихъ просто игнорировать, какъ излишній балластъ, мѣшающій усвоенію болѣе цѣнныхъ свѣдѣній. Это единственный упрекъ, который мы можемъ сдѣлать автору по прочтеніи его интереснаго и обстоятельнаго, не взирая на небольшой объемъ, очерка.

Читатели, которые почему-либо не могутъ ознакомиться непосредственно со статьею г. Ахмарова, найдутъ подробное ея изложеніе въ библиографической замѣткѣ г. А. А. Б., помѣщенной въ I книжкѣ „Землевѣднія“ (стр. 163—166) за тек. годъ, гдѣ, между

прочимъ, г. Ахмаровъ ошибочно названъ Ахматовымъ ¹⁾). Поэтому, здѣсь мы ограничимся лишь сообщеніемъ слѣдующаго заключенія, къ которому пришелъ авторъ на основаніи данныхъ литературы и собственныхъ историко-этнографическихъ изысканій въ губерніяхъ Вятской (уѣзды: Елабужскій и Саранульскій), Уфимской и другихъ:

„1) Названіе „тептарь“ есть искаженное персидское слово дефтарь... и означаетъ запись, списокъ (именъ башкирскихъ припущенниковъ).

„Ведя особую запись своимъ припущенникамъ для обложенія ихъ оброкомъ за пользованіе землею, башкиры называли ихъ (въ отличіе отъ прочихъ сосѣдей) по названію этой записи.

„2) Числившіеся у башкиръ по такимъ записямъ ихъ припущенники (тептари) не составляютъ изъ себя особой народности,... а суть особый разрядъ крестьянъ, находившихся въ прежнее время въ нѣкоторой зависимости отъ башкиръ.

„3) Тептари дѣлятся по національностямъ на тептарей-татаръ, тептарей-черемисъ и тептарей-вотяковъ. Прочихъ инородцевъ, а также и русскихъ, въ числѣ тептарей не находится.

„4) Тептари дѣлятся также и по вѣроисповѣданіямъ—на мусульманъ и не-мусульманъ. Къ первой группѣ относятся тептари-татары, ко второй—язычники черемисы и вотяки.

„5) Тептари переселились въ Башкирію изъ бывшаго ханства Казанскаго, послѣ его паденія.

„6) Огромное большинство тептарей въ настоящее время составляютъ татары, религія, языкъ и обычаи которыхъ, а также и названія населенныхъ мѣстъ, доказываютъ, что они вышли изъ нынѣшнихъ губерній Казанской и Вятской и имѣютъ родственную связь съ татарами этихъ губерній, т.-е. съ казанскими татарами“.

Въ концѣ статьи проф. П. Кротовъ сдѣлалъ такого рода выноски: „Задача тюркологовъ состоитъ теперь въ томъ, чтобы происхожденіе тептарей было доказано лингвистическимъ путемъ“. Изъ этихъ словъ г. Кротова явствуетъ, что онъ тюркское происхожденіе тептарей считаетъ уже достаточно доказаннымъ приведенными г. Ахмаровымъ историко-этнографическими данными и ждетъ отъ тюркологовъ лишь подтвержденія послѣднихъ данными лингвистическими. Быть можетъ, въ рѣшеніи спорнаго вопроса болѣе важную роль сыграли бы, какъ справедливо замѣтилъ и вышеупомянутый рецензентъ г. В., данныя антропологическія, на которыя въ литературѣ о тептаряхъ нѣтъ и намека.

Обращаемъ вниманіе читателя, что послѣдній абзацъ на стр. 346 плохо редактированъ и для удобопонимаемости долженъ читаться такъ:

„Имѣя въ виду.... означающее запись, что административнаго значенія..... „дѣптелинь“, я пришелъ къ заключенію“ и т. д.

Э. П.

¹⁾ Та же ошибка въ фамиліи автора допущена и „Этнографическимъ Обзорѣніемъ“ (1908, № 1 и 2: Хроника, стр. 221).

К. Иностранцевъ. Матеріалы изъ арабскихъ источниковъ для культурной исторіи сасанидской Персіи. Примѣты и повѣрья. Спб. 1907. Стр. 120. Ц. 1 р. 50 к. (Отд. оттискъ изъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. XVIII, стр. 113—232).

Въ своемъ новомъ трудѣ г. Иностранцевъ даетъ арабскій текстъ сочиненія, возводимаго къ арабскому писателю IX вѣка Джѣхизу (стр. 1—27), переводъ текста (стр. 28—58) и, наконецъ, его разборъ и комментарий къ нему (стр. 59—120). Сочиненіе это, несмотря на краткость, представляетъ, по мнѣнію г. Иностранцева, интересъ для науки въ трехъ отношеніяхъ: „Оно интересно во-первыхъ тѣмъ, что авторомъ его считается Джѣхизъ, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей древняго періода арабской литературы, исъ сочиненія котораго заслуживаютъ внимательнаго изученія и изданія. Во-вторыхъ... оно по содержанію является однимъ изъ древнѣйшихъ въ арабской литературѣ и столь мало еще изученныхъ сборниковъ примѣтъ и повѣрій, коренящихся съ одной стороны въ древней наукѣ, съ другой въ народномъ міросозерцаніи. Въ-третьихъ... эти примѣты и повѣрья возводятся въ до-мусульманскую Персію и такимъ образомъ даютъ намъ матеріалъ для ея культурной исторіи“ (стр. 60).

Разсматривая изданный трактатъ „какъ нѣчто составное“, г. Иностранцевъ раздѣлилъ свой комментарий на нѣсколько главъ, въ которыхъ выясняетъ вопросъ объ источникахъ трактата (гл. 1), касается отношеній древне-индійскихъ науки и повѣрій въ сасанидской Персіи (гл. 2), затѣмъ, переходя къ группировкѣ примѣтъ, разбираетъ повѣрья и примѣты, имѣющія связь съ календаремъ (гл. 3) и относящіяся къ опредѣленнымъ животнымъ и къ огнямъ (связанному огню въ храмахъ и огню домашнего очага), а также примѣты и повѣрья общаго характера (гл. 4), и заканчиваетъ свое изслѣдованіе разборомъ фیزیономической части трактата, останавливаясь особенно подробно на двухъ значительныхъ группахъ фیزیономическихъ наблюденій: гаданіи по родимымъ пятнамъ и гаданіи по дрожанію членовъ (гл. 5).

Въ своемъ взглядѣ на значеніе примѣтъ г. Иностранцевъ притыкаетъ къ точкѣ зрѣнія К. Кавелина, по мнѣнію котораго „примѣты не только памятники бытовые, но и памятники эволюціи народной психики“ (стр. 72).

Мы не беремся судить, насколько г. Иностранцевъ удачно справился съ предметомъ своего изслѣдованія, предоставляя сдѣлать это людямъ, обладающимъ спеціальною подготовкою, и ограничимся лишь сообщеніемъ, что данная работа была представлена авторомъ въ петербургскій университетъ на соисканіе ученой степени магистра арабской словесности, каковой степени авторъ и удостоенъ послѣ публичной защиты своего труда.

Э. II.

Изданія сербской Королевской Академіи за 1907 г.

Изъ изданій, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ этнографіи, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить Населя српскихъ земаља кѣ. IV подъ редакціей проф. Цвијића. Это огромный томъ въ 1088 стр. Въ немъ помѣщены двѣ работы: 1) д-ра Јов. Ердељановића: Кучи,

племя у Црној гори и 2 Колубара и Подгорина Любомира Павловића. Въ первой изъ нихъ слѣдующія главы: 1) Область, занимаемая племенемъ. 2) Заселенныя имъ мѣста. 3) Древности и исторія Кучей. 4) Ихъ происхожденіе. 5) Физическія особенности. 6) Общественная жизнь: родовыя группы, племенная организація, юридическій строй. 7) Экономическія условія. 8) Матеріальная культура. 9) Изъ духовной культуры: языкъ и обычаи. Вторая раздѣляется на двѣ части: общую и частную. Въ первой идетъ рѣчь о географическомъ положеніи областей, ихъ исторіи, природѣ и заселенныхъ мѣстахъ. Эта послѣдняя глава обнимаетъ экономическія условія и занятія населенія, устройство дома съ имѣющимися при немъ постройками, уцѣлѣвшія древности и данныя о старожилахъ и позднѣйшихъ поселенцахъ и о характерныхъ особенностяхъ ихъ быта. Во второй части слѣдуетъ подробное описаніе каждаго села въ отдѣльности. Къ той и другой работѣ присоединены указатели географическихъ и этнографическихъ терминовъ и именъ мѣстъ и лицъ. Заслугой проф. Цвијића является его дѣятельность, какъ руководителя географическихъ и этнографическихъ работъ въ предѣлахъ сербскихъ земель Балканскаго полуострова. Цѣлый рядъ изслѣдователей обогатили и обогащаютъ сербскую географическую и этнографическую литературу, собирая и группируя обильные матеріалы. Г. Ерделяновичъ написалъ свою работу послѣ путешествія въ Черногорію, которое онъ предпринялъ, получивъ пособие изъ фонда проф. Карића. Выборъ племени Кучей изслѣдователь объясняетъ интересомъ, который оно представляетъ. Кучи живутъ на границѣ сербовъ съ албанцами, они только 28 лѣтъ, какъ присоединены къ Черногоріи, а до того жили племенною жизнью внѣ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній. Въ то же время это одно изъ самыхъ большихъ черногорскихъ племенъ. Ихъ изученіе интересно для сужденія о томъ, до какого состоянія дошла извѣстная часть народа, предоставленная самой себѣ. Изъ предшественниковъ, трудами которыхъ г. Ерделяновичъ пользовался, онъ называетъ извѣстный трудъ П. А. Ровинскаго и книгу воеводы Марка Миѣанова: Племя Кучи у народној причи и пјесми. Биоград. 1904. Нѣкоторыя данныя, касающіяся быта населенія, были сообщены г. Ерделяновичу Стефаномъ Дучићемъ изъ Подгорицы, который занялъ подробнымъ описаніемъ быта и вѣрованій этого черногорскаго племени. Пользуясь этими трудами изслѣдователь постоянно даетъ поправки къ нимъ и дѣлаетъ усиленныя попытки къ разъясненію цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ съ остатками старины и особенностями быта. Таковы напр. объясненія происхожденія разсѣянныхъ вблизи жилыхъ мѣстъ кургановъ изъ камней и земли „камене и земљане гомиле“ (тумули), племеннаго имени Кучъ и отдѣльныхъ мѣстностей. При этомъ г. Ерделяновичъ постоянно имѣетъ въ виду, въ какой формѣ извѣстное имя слышится у сербовъ и албанцевъ. Такимъ образомъ выясняется цѣлый рядъ названій и выдѣляются изъ славянскихъ такіа, которыя получаютъ объясненіе изъ албан. яз. Собранный здѣсь матеріалъ представляетъ большой интересъ. Г. Ерделяновичъ не соглашается съ мнѣніями ученыхъ, напр. Пайскера, который ссылается на Н. Дучића и Ровинскаго, отрицающихъ задругу у черногорцевъ. Въ главѣ о матеріальной культурѣ заслуживаютъ вниманія рисунки на стр. 249, 250,

251. Но еще болѣе даетъ ихъ Атласъ, вышедшій къ этой работѣ отдѣльно и заключающій 10 картъ и 86 фотографическихъ снимковъ. Общая карта съ нанесенными на ней именами приготовлена въ географическомъ заведеніи Университета. Карта важна для исправленія неточностей карты Ровинскаго и еще большихъ австрійской карты. Рисунки представляютъ виды мѣстностей, постройки, типы.

Г. Павловичъ изучалъ избранную имъ мѣстность Колубара и Подгорина, пользуясь руководящими указаніями проф. Цвијића, опубликованными еще въ 1896. Помимо своихъ наблюденій распрашивалъ многихъ мѣстныхъ жителей, которыхъ имена и называетъ, принося имъ благодарность за оказанную помощь. Во всей этой мѣстности, центромъ которой является Валево, живетъ самое чистое сербское населеніе. Вслѣдъ за общей частію, написанной сжато, слѣдуетъ подробное, напечатанное мелкимъ шрифтомъ описаніе отдѣльныхъ селъ.

Книга 7 сербскаго этнографическаго сборника заключается собраніе народныхъ обычаевъ: Обычаи народа српскога, кѣнига прва. Въ этомъ сборникѣ помѣщены труды Стан. М. Мијатовића: Обычаи српскога народа из Левча и Темнића, сваяц. Дена Дебелковића: Обычаи српскога народа на Косову пољу и Ат. Петровића: Народни живот и обычаи у Скопској црној гори. При описаніи постоянно приводятся поющіеся при совершеніи извѣстнаго обряда пѣсни. Двѣ послѣднія работы интересны помимо другого и тѣмъ, что относятся къ области Старой Сербіи и Сѣверной Македоніи. Весь томъ заключается цѣнный матеріалъ, пользоваться которымъ помогаютъ указатели.

Книга 9 этнографическаго сборника редактирована Т. Р. Ђорђевићемъ и посвящена сербскимъ народнымъ играмъ: Српске народне игре кн. 1. Во введеніи редакторъ останавливается на вопросѣ: шта је игра, т. е. что такое игра, затѣмъ говоритъ о дѣленіи игръ: деоба игара. Послѣ того слѣдуютъ замѣтки о играхъ въ такомъ порядкѣ: 1) Витешке игре, которыя предназначены для укрѣпленія тѣла, 2) забавне игре, т. е. служащія для увеселенія, 3) игре духа, загадки и пр., 4) игре за добитъ, т. е. азартныя игры и 5) орске игре, т. е. хороводныя, танцы. Редакторъ смотритъ на свой трудъ не какъ на монографію, посвященную играмъ, а лишь какъ на такую книгу, которая могла бы служить для руководства при собираніи матеріала. Поэтому тотчасъ за перечисленіемъ игръ слѣдуютъ напомене за скупляче и описиваче народныхъ орскихъ игара, всего 119 вопросовъ. Это, разумѣется, весьма цѣнный опытъ. Послѣ замѣчаній о значеніи народныхъ игръ идетъ указаніе доставленныхъ сборниковъ игръ, вошедшихъ въ первую книгу. Это: 1) Луке Грѣића Бјеложосића, собранныя въ Босніи и Герцеговинѣ, 2) С т. М. Мијатовића, собранныя въ Левчѣ, и 3) Ат. Петровића, собранныя въ Скопльској Черной Горѣ.

Желая помочь собирателямъ ориентироваться, редакторъ даетъ библиографическія указанія, относящіеся къ дѣтскимъ играмъ въ сербской литературѣ, за что всякій интересующійся этимъ вопросомъ долженъ благодарить редактора. Послѣ этого слѣдуетъ описаніе самыхъ игръ собирателями, при чемъ мѣстами имѣются рисунки. Въ концѣ книги приложенъ указатель.

Въ выпускахъ Гласа LXXII и LXXIV помѣщены слѣдующія статьи: I. Октавијанов илирски рат и изгнање Скордиска из Годње Мезіе

Н. Вулића; Илирска царина у римско доба, его же; Старогрчки споменици у Србији Н. Васића; Два питања из историје римске Мезије Н. Вулића; К историји домицијанових дачких ратова Н. Вулића. Поновно певање народно. Прилог испитивању српских народних песама А. Гавриловића; О несинку Јов. Дошеновићу его же, Један рани хришћански саркофаг из Београда В. Нетковића; Један прилог историји Александра Великог Н. Вулића. А. Гавриловић, коснувши се у својој студији пјесне о Марку Краљевићу, предлагаје у концју еја такоје дјеленеје сјебских народних пјесне. Первыи перјод. Ритуалныи пјсни: епическо-лирические. 2-й перјод. Исторические пјсни. Первая эпоха — эпическо-лирические. Вторая эпоха: эпические. А. Пјсни вторичнаго происхождения (поновно певање или препевање): а) библейско-легендарныи, б) исторические до конца XV в. Б. Новыи пјсни (непосредно или ново певање): а) пјсни о лицах до XVI в., но спјтыи только въ это время по образцу пјсене о современных лицах того времени и событиях, или съ заимствованнымъ сказочнымъ материаломъ; б) о ускокахъ; в) о гайдукахъ; г) объ остальныхъ лицахъ и событияхъ до XIX в.; д) о возстаніи за освобождение. Сообразно съ этимъ обычный кругъ пјсене о Краљевићу Марку распадается на пјсни, относящиеся къ отдѣламъ Аб и Ба, а косовскіи пјсни вмѣщаются все въ группу Аб.

Если за основу дѣленія взять форму пјсене, тогда это дѣленіе нѣсколько нзмѣняется. Первый, перјод. Эпическо-лирические пјсни. 1) ритуалныи, 2) исторические (до конца XV в.). Второй перјод. Эпические пјсни; тотъ же порядокъ, что и выше.

Не имѣя задачей входить въ разборъ этого дѣленія, должны, замѣтити, что ничего новаго оно не представляетъ. Авторъ трактуетъ вопросъ слишкомъ поверхностно.

LXXIV. Јован Стеријин Поповић, од Стојана Новаковића. Интересный разборъ литературной дѣятельности сербскаго драматическаго писателя.—Један поглед на еволюционистичку правну школу, од Жив. Перића.—Мезијске легије до године 68 по Хр.; од. Н. Вулића.

Стојановић Люб. Вукова переписка книга прва. Неутомимый издатель сочинений В. С. Караджича выпустилъ первую книгу его богатой переписки. Въ 1-й книгѣ помѣщена переписка съ Милутиновичемъ, Стеф. Живковичемъ, К. Јов. Ранковичемъ, П. Томичемъ, М. Радоничемъ, Јан. Дмитријевичемъ Ћуричемъ, Ст. Немадовичемъ, Фот. Попичемъ, Јевт. Савичемъ-Чотричемъ, Мих. Павловичемъ, Кастриотомъ, Х. В. Петровичемъ, Совѣтомъ народнымъ, Т. Тирка, Пант. Радовановичемъ, Сарой Михайловой, Копитаромъ, Савой Текели, Платономъ Атанацковичемъ, Д. Фрушичемъ, Б. Ружичемъ. Изданіе было начато П. Ћорђевичемъ, но смерть не дала ему довести до конца и половину книги. Наибольшій интересъ представляетъ, конечно, переписка съ Копитаромъ. Заслуживаетъ вниманія также переписка съ Милутиновичемъ, Атанацковичемъ, Фрушичемъ. Но, разумѣется, извѣстный интересъ, особенно для біографіи, Караджича, представляютъ и все другія письма. Можно пожелать редактору поскорѣе довести изданіе до конца ¹⁾.

П. Лавровъ.

¹⁾ Изъ сербскихъ журналовъ, вышедшихъ лѣтомъ, видно, что вышелъ и 2-й томъ Переписки. П. Л.

Журнали за 1907—1908 гг.

Варшавскія Университетскія Ізвѣстія. Е. Θ. Карскій. Бѣлоруссы Историческій очеркъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія.—Вл. Топоръ-Рабчинскій. Макіавелли и эпоха Возрожденія.

Журналъ Министеротва Народнаго Провѣщенія. № 1. И. Лаппо. Гродскій судъ въ вел. княж. Литовскомъ въ XVI столѣтіи.—А. Рытенко. Фроловскій списокъ „Сновъ Шаханши“.—В. Веретенниковъ. Очерки по исторіи Тайной Канцеляріи Петровскаго времени (и № 5). № 2. Л. Карсакинъ. Изъ исторіи духовной культуры падающей Римской имперіи.—Фр. Вестбергъ. Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ (и № 3). № 3. П. Г. Васенко. Дякъ Иванъ Тимофеевъ, авторъ „Временника“. № 4. А. Грушевскій. Изъ Харьковскихъ лѣтъ Костомарова.—В. Миллеръ. Къ быліямъ о Добрыні и Василии Казимировичѣ.—Н. Шапошниковъ. Ремесло.—С. Шумаковъ. Столбцы помѣстнаго приказа. № 5. А. Мулюкинъ. О свободѣ прѣвада иностранцевъ въ Московское государство.—А. Тюменевъ. Пересмотръ извѣстій о смерти царевича Димитрія (и № 6). № 8. Е. Бобровъ. Научно-литературная дѣятельность И. А. Худякова.—И. Джавадовъ. Обзоръ теорій и литературы о происхожденіи Грузинскаго языка.—В. Чекавскій. Методы изученія права. № 9. В. Миллеръ. О братьяхъ суздальцахъ.—И. Тихомировъ. Стрельная книга г. Пензы, какъ матеріалъ для исторіи заселенія Восточной Россіи въ XVII вѣкѣ.—А. Ячмирскій. Значеніе румынской филологіи для славистики и романскихъ изученій.

Записки Классическаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго О-ва. Т. V. А. Г. Бекетиревъ. Прошлое и настоящее этрускологіи, ея успѣхи и задачи.—Д. В. Айналовъ. Этюды по исторіи искусства Возрожденія.—Протоколы засѣданій Отдѣленія Археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской за 1907 г.

Записки Науковаго Товариства імени Шевченка. Т. LXXXI. Зміст: Слово про збуренє пекла. Українська пасійна драма, написав Др. Іван Франко.—Невідомі вірші еромонаха Климентія (з поч. XVIII в), подав Василь Доманицький.—Урядові заходи против холери в 1831 р., подав Михайло Зубрицький.—Азбучна стаття Миколи Кмицикевича з р. 1834, подав Др. Василь Щурат.—Микола Дашкевич (1852†20. І. 1908), написав Михайло Грушевський.—Miscellanea: а) Причинки до історії Мазепинщини, под. С. Томашивський; б) До історії закріпощення селянства въ Лівобічній Україні, под. В. Барвинський; в) Із кореспонденції Р. Моха, под. М. Возняк.—Наукова хроніка: Студії А. Петрова до історії Угорської Руси, нап. С. Томашивський.—Бібліографія (рецензії й справозданнє).—Показчик до тт. LXXV—LXXX Записок Наук. Тов. ім. Шевченка.

Т. LXXXII. Зміст: Присвята і портрет В. Антоновича.—Памяти Володимира Антоновича, написав Михайло Грушевський.—Надгробні хрести на Україні, написав Кость Широцький.—Нові матеріали до історії українського вертепа, подав Др. Іван Франко.—Проект правописи Івана Жуківського на з'їзді „руських учених“, подав Михайло Возняк.—Польські конспірації серед руських питомців и духовенства в Галичині в рр. 1831—1846, студія Дра

Кирила Студинського.—*Miscellanea*: а) Причинок до історії „свобідних маєтностей“, пол. В. Бароніський; б) Рукопись Бродовича: „Widok przemosy“—под. Ів. Шнитковський; в) Із історії галицької літератури: І. Дві пісні А. Якубинського про самбірську Богородицю з 1770 р.; ІІ. Загадкова польська пісня в українським перекладі, под. Др. В. Шурат.—*Наукова хроніка*: Антропологічні й археологічні часописи за 1906 р., огляд Др. З. Кузель.—*Бібліографія* (рецензії й справоздання).

Т. LXXXIII. Студії над українськими народними піснями, подає Іван Франко. Причинки до студій надь писаннями Лаврентія Зизанія, написавь Михайло Возняк. Угорщина і Польща на початку XVIII в., написав Стефан Томашиєвський. Причинки до історії Колівшини, В: Тринітарський мемуар про Колівшину, подав Іван Шнитковський. З сорокових років, студії Олександра Грушевського: „Повість объ украинскомъ народѣ“ Куліша. *Miscellanea*: а) Дві замітки до тексту найдавнішої літописи, под. І. Франко; б) З сільського архіва, под. І. Франко; в) *Ukrainica* в альбомі Н. Гербеля, под. В. Доманицький. *Наукова хроніка*: Антропологічні й археологічні часописи за 1906 р., огляд Зенона Кузель. *Бібліографія* (рецензії й справоздання).

Збірник історично-філософичної секції Наукового Тов. ім. Шевченка. Т. X. Історія України-Руси. Написав Михайло Грушевський Том VI, ч. I. Житє економічне, культурне, національне XIV—XVII віків. Київ—Львів. Зміст: I. Економічне житє: торгівля й промисл.—II Господарство сільське.

Т. XI. Історія України-Руси. Написав Михайло Грушевський. Том VI, ч. II. Житє економічне, культурне, національне XIV—XVII віків. Київ—Львів. Зміст: III. Відносини культурні й національні: національний склад і національні елементи.—IV. Побут і культура.—V. Культурно і релігійно-національний рух на Україні в XVI віці.—VI. Боротьба за і против унії по її проголошенню, в житю і письменстві.—Примітки.—Показчик імен і річей.

Извѣстія Отдѣленія русскаго яз. и словесности И. А. Н. кн. 2-я. Ф. Ө. Фортунатовъ. Старославянское -тъ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ.—Н. Н. Виноградовъ. Бѣлорусскій вертепъ. (Его устройство. Описание куколъ. Вертепная драма въ Смоленскѣ. Представленія въ Спасѣ-Деменскѣ. Съ XVII табл. рис.).—Н. Степановъ. Таблицы для рѣшенія лѣтописныхъ задачъ на время.—В. В. Латышевъ. Замітки къ агіологическимъ текстамъ.—М. А. Острооская. Четыре древнія частныя грамоты.—А. И. Яцимирскій. Мелкіе тексты и замітки по старинной славянской и русской литературамъ. LI—LX.—А. И. Томсонъ. Родительный—винительный падежъ при названіяхъ живыхъ существъ въ славянскихъ языкахъ.—М. Н. Стеранскій. Николай Павлович Дашкевичъ.—Д. В. Айналовъ. Очерки и замітки по исторіи древне-русскаго искусства. II. О дарахъ русскимъ князьямъ и посламъ въ Византии. III. О нѣкоторыхъ серияхъ миниатюръ Радавиловской лѣтописи.—А. В. Рыстенко. Матеріалы для литературной исторіи толковой Пален. I—II.—Бібліографія.

Národopisný Věstník českoslovanský. (Чешско-славянскій Етнографическій Вѣстникъ). № 4. I. Янко. Нынѣшнія мнѣнія о древнихъ Индо-европейцахъ. I.—К. Хотекъ. Андрей Кметъ (некрологъ). Рецензії на: Т. Д. Флоринскій. Славянское племя.—K. Krotoski. Stosunki etnograficzne na Spisu.—Revue des Etudes Ethnographiques et Sociologiques.—W. F. O'Connor. Folk Tales from Tibet.—Бібліографія: Сочиненія теоретическія, антропологическія, етнологическія и пр.—Етнографическія мелочи.—Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложение. I. Кубинъ. Чешскія сказки изъ Кладскаго края съ комментаріями Ю. Полишки.—Отчетъ О-ва Чешско-славянскаго Етнографическаго Музея за 1907 годъ. № 5—6 (двойной). Продолженіе статьи Янко.—А. Кадлецъ. Балтазаръ Богишичъ (некрологъ).—Рецензії на: F. Heger. Hölzovy Evropske typu národní.—Rostafinski. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian.—I. Anerhan. České kolonie v jižních Uhrách.—Paměti Fr. J. Vaváka.—А. И. Сонни. Горе и Доля въ народной сказкѣ.—Бібліографія: Малороссы. Русскіе. Южные славяне. Сосѣднія народности.—Етнографическія мелочи.—Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложение. Сборникъ сказокъ I. Кубина. № 7. Народные обычаи въ уездныхъ мѣстечкахъ въ семидесятихъ годахъ. Т. Новикова.—Рецензії на: Т. Д. Флоринскій. Славянское племя.—D-r. O. Noworka u. d-r. A. Kronfeld. Vergleichende Volksmedizin.—Antropological essays presented to Edward Burnett Tylor.—D-r. M. Haberlandt. Neuer Führer durch die

Sammlungen des Museums für Österreichische Volkskunde. — Библиографія: Мелкія соссднія племена славянъ. Нѣмцы. — Этнографическія мелочи. — Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ. — Приложение. Сборникъ сказокъ *І. Кубина*.

Славянскія Извѣстія, 1907, Кн. 1—8. *Ю. Мука*. Полабскіе славяне. — *В. К-съ*. Славянское племя. — Когда среднія Европа была заселена славянами. — *П. А. Заболотскій*. Культурная работа у славянъ. Чехи. Словаки. *В. И. Никольскій*. О русскомъ національномъ самосознаніи.

Труды Саратовской ученой архивной Коммисіи. Вып. XXIV. *М. Е. Соколовъ*. О дубѣбахъ. — *И. Горизонтовъ*. Раскопка кургана близъ г. Саратова. — *Ф. Черновъ*. Раскопка кургана въ г. Царицынѣ. — *Б. Зайковскій*. Къ докладамъ *И. П. Горизонтова* и *Ф. И. Чернова*. — *Ею-же*. Каменные бабы въ Саратовскомъ Поволжѣ. — *Ею-же*. Городище Бальджаменъ. — *Ею-же*. Бугоръ Стенки Разина. — *А. И. Микъ*. Быть духовенства Саратовскаго края въ XVIII и началѣ XIX ст. — *М. Е. Соколовъ*. Фонетическая запись сказки объ Ильѣ Муромцѣ. — *Ею-же*. О языкѣ сказокъ, пѣсень и областныхъ словаряхъ. — *Ею-же*. Великорусскія пѣсни, записанныя фонетически. — *Ею-же*. Историческія пѣсни Саратовской губ. — *Б. Зайковскій*. Новый вариантъ Царькинской легенды. — Смѣсь. Преданія о Стенькѣ Разинѣ и Емелькѣ Пугачевѣ. Казнь Березина. Мѣры противъ холеры. Почему хохловъ дразнятъ: наставная башка. Изобрѣтеніе счетовъ.

Филологическія Записки, вып. II. Культурныя движенія въ Московской Руси въ половинѣ XV в. — Рецензія на: *В. Трахтенбергъ*. Блатная музыка. — *Л. Лэже*. Славянская міеологія.

Этнографическое Обозрѣніе, 1907, № 4. Дунгане селенія Каракунузъ Пишпекскаго у. Семирѣченской области. II. Свадьба. *Ө. В. Полякова*. — О былинномъ царѣ Калинѣ. *Всѣ. Миллера*. — Нѣкоторые замѣчанія о роли загадки въ сказкѣ. *Е. Елеонской*. — По поводу замѣтки *Р. Андре* о новомъ этнографическомъ музеѣ въ Антверпенѣ. *В. Харузиной*. — Смѣсь. Изъ свадебныхъ обрядовъ и повѣрій Ярославской губ. *И. Костоловскаго*. — Праздникъ воскресенья до христіанства. *Д. А.* — Нѣсколько пѣсень лиро-эпического характера. *А. Маркова*. — Баксы. *А. Диваева*. — Критика и библиографія. — Хроника. № 1—2 (двойной), 1908 г. Ограниченіе отношеній между однимъ изъ супруговъ и родственниками другого. *А. Максимова*. — Замѣтки по поводу употребленія слова фетишизмъ. *В. Харузиной*. — Памяти бытописателя Грузіи кн. *И. Г. Чавчавадзе*. *Всѣ. Миллера*. — Князь *И. Г. Чавчавадзе*, какъ этнографъ. *А. Хаханова*. — Бытъ и нравы грузинскаго народа средины XIX вѣка въ литературныхъ произведеніяхъ кн. *И. Г. Чавчавадзе*. *Г. Жорданія*. — Кн. Чавчавадзе и его произведенія въ грузинской народной пѣснѣ. *Д. Аракчиева*. — Смѣсь. — Итъ-ала-казъ. (Повѣрье). *А. Диваева*. — Какъ киргизы развлекаютъ дѣтей. *Ею-же*. — Духовные стихи крестьянъ-старообрядцевъ Челябинскаго уѣзда, по сообщенію *Ив. Крашенинникова*. — Къ этнографіи сѣвера Европейской Россіи. *А. Маркова*. — „Коляда“ и „Купало“ въ Бѣлоруссіи. *А. Петровпавловскаго*. — Критика и библиографія. — Хроника.

Н. В.

Новости этнографической литературы¹⁾.

Алозъ, Вик. Русскіе „еретики“ XIV—XVI вв. Стригольники. — Жидовствующіе. — Матвѣй Башкинъ. — Артемій Троицкій. — Θεодосій Косой. (Всеобщая бібліотека, № 11). Спб.

Алтайскій сборникъ. Вв. VI—VIII. Барнаулъ. 1907.

Arđalić, V. Narodne pripovijetke iz Bukovice и Dalmaciji. Komentar napisaо dr. I. Polivka. Zagreb. 72 стр.

Астрологія. Спиритизмъ. Хиромантія. Сомномантія. Френологія. Психометрія. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей В. Синга. Спб.

Барадійнъ, Б. Путешествіе въ Лавранъ. Спб.

Барацъ, Г. М. Библейско-агадическія параллели къ лѣтописнымъ сказаніямъ о Владимірѣ Святомъ. Кіевъ.

Бобринскій, А. А., тр. Горцы верховьевъ Пянджа (Ваханцы и Шикашмы). Очерки быта по путевымъ замѣткамъ. М.

Божеряновъ, П. Н. Женщины древней Греціи. Историческій очеркъ. Спб.

Бончъ-Бруевичъ, В. Программа для собранія свидѣній по изслѣдованію и изученію русскаго сектанства и раскола. Спб.

Брянчининъ, Николай. Скитанія. (Нубія. — Суданъ. — Палестина. — Ливанъ). М.

Бубновъ, Н. М. Арифметическая самостоятельность Европейской культуры. Культурно-историческій очеркъ. Кіевъ. X+408 стр.

Веніаминъ, П. Крестьянская община. Спб.

Вейнбергъ, П. Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Спб.

Виноградовъ, Николай. Бѣлорусскій вертепъ. Его устройство. Описаніе куколъ. Вертепная драма въ Смоленскѣ. Представленіе въ Спасѣ-Деменскѣ. (Съ XVII табл. рис.). Спб.

Ело-же. Заговоры, обереги, спасительныя молитвы и проч. Вып. I. Спб. 102 стр.

Ело-же. Лодка. Баринъ и приказчикъ. (Народныя драмы). Спб.

Вознякъ, М. Проект правописи Івана Жуківскаго на зъздѣ „русыкихъ ученихъ“. Львів. Ст. 36.

Воронежская старина. Вып. VII. Воронежъ. II+LI+304+8+97+182 стр.

Вороновъ, Н. И. Записки о событіяхъ Владимірской губ. Владиміръ. 1907.

Врадій, В. П. Географическій, этнографическій и экономическій очеркъ Амурской области. Спб.

Въ царствѣ обуви. Очерки села Кимры. 29 стр. М.

Гарнакъ, А. Монашество, его идеалы и его исторія. Спб.

Гейфкенъ, Г. Изъ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства. Спб.

Гинюшевъ, А. М. Отрывокъ Писповой книги Вотской пятины второй половины. 1504—1505 г. Кіевъ.

Годишникъ на Софійская университетъ. II. 1905—1906. София.

Данилевичъ, В. Е. Курсъ русскіихъ древностей Кіевъ.

Движеніе населенія въ Европейской Россіи и въ двухъ губерніяхъ Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 г. Спб. 1907. XXII+227.

Девель, Н. М. Старая Ладога и ея каменное городище. Спб.

Джигелевъ, А. К. Начало итальянскаго возрожденія. М.

Доманицкій, В. Невѣдоміе вірші еромонаха Климентія (зъ початку XVIII в.). Львів. Ст. 76.

Дорогостайскій, В. Повѣдка въ сѣверо-западную Монголію. Спб. 14 стр.

Дуникъ-Гаркавицъ, А. Этнографическій составъ населенія Тобольской губерніи въ 1904 году. Тобольскъ.

Заблминъ, Н. Исторія русской жизни

¹⁾ Книжки, при которыхъ не указанъ годъ изданія, вышли въ текущемъ году.

ни съ древнѣйшихъ временъ. Ч. 1. Доисторическое время Руси. М.

Зубрицкий, М. Урядові заходи против холеры в 1831 р. Львѣв. 1907.

Извѣстія Восточнаго института. Т. XXIII, в. 1; XXIV, в. 1; XXV, в. 1; XXVII. Владивостокъ.

Извѣстія Кавказскаго Музея. Т. III, в. 1, 4. Тифлисъ.

Извѣстія XIV Археологическаго Съѣзда въ г. Черниговѣ. №№ 1—10.

Ильинскій, Г. Займствовано-ли название „терема“ въ славянскихъ языкахъ? Харьковъ.

Иностранцевъ, К. Къ вопросу о „басмѣ“. Спб.

Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета за первые 100 лѣтъ его существованія (1805—1906). Подъ ред. М. Халанскаго и Д. Багалъя. Харьковъ.

Исторія русской литературы. Подъ редакціей прив.-доц. Е. В. Аничкова. При участіи: К. И. Арабажина, проф. Бороодина, Ал. Блока, П. Н. Бирюкова, Н. Н. Виноградова, С. Городецкаго, Е. Н. Елеонской, М. Г. Халанскаго, П. Е. Щеголева и др. Томъ II. Народная словесность. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. М.

Jacob, G., d-r. Beiträge zur Kenntnis des Dervisch-Ordens der Bektaschis. Berlin. 100 стр.

Донъ, О. О султанатѣ Сіакъ и его обитателяхъ. Спб.

Дюхельсонъ, В. И. Древнія и современныя подземныя жилища племенъ сѣверо-восточной Азии и сѣверо-западной Америки. Спб.

Капустинъ, Ва. А. Леоново, подмосковное помѣстье боярина князя Ивана Никитича Хованскаго. Историческія замѣтки изъ жизни слугаго челоуѣка XVII столѣтія. Съ 12 фототипіями. М.

Катакаевъ, Г. Е. Западно-сибирское служилое казачество и его роль въ обследованіи и занятіи русскихъ Сибири и Средней Азии. Выпускъ I. Конецъ XVI и начало XVII столѣтій. Спб.

Китерманъ, Б. Явленія диссимилациі согласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ. Спб. 23 стр.

Клодъ, Э. Эволюція челоуѣчества въ письменахъ. Исторія алфавита. Спб.

Комаровъ, Г. По славянскимъ землямъ. Послѣ Пражскаго съѣзда. I. Поѣздка по Чехіи. II. По Галицкой Руси. Спб.

Конюсоловъ, Д. Г. Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ

сектантствѣ. Часть 1, вып. I. Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза. Сергіевъ Посадъ.

Крамаренко, Г. Путешествіе на Камчатку и обследованіе ея въ рыболовномъ отношеніи въ 1907 г. Спб.

Куперъ, В. Исторія розги во всѣхъ странахъ. Флагелляція и флагеллянты. Спб.

Лазаревскій, А. М. Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783 гг.) Историко-юридическій очеркъ. Кіевъ.

Лазовскій, Г. Кіевскій Владимірскій соборъ. Альбомъ фотографій.

Лавровъ, П. Сборникъ Македонскихъ пѣсенъ, сказокъ и обычаевъ С. И. Верковича. Спб. 69 стр.

Макаренко, Н. Матеріалы по археологін Полтавской губ. I. Полтава. Съ 2 табл.

— Памятники украинскаго искусства XVIII вѣка. Спб.

Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола. Вып. 1-й. Баптисты, бѣгуны, духовборцы. Л. Толстой о скопцествѣ, павловцы, поморцы, старообрядцы, скопцы, штундисты. Подъ ред. Владимира Бончъ-Бруевича. Спб.

Матеріалы по Маньчжуріи, Монголіи и Китаю. Вв. 22—26. Харбинъ.

Монши русской земли. Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей проф. Д. Я. Самоквасова. М.

Никифоровъ, В. В. Манчары. Якутскъ. 65 стр. 16°.

Овчинниковъ, Н. Къ вопросу о земельномъ устройствѣ въ Алтайскомъ округѣ. Съ IV табл. Барнаулъ. 1907. (VIII в. „Алтайскаго Сборника“).

Отчетъ о дѣятельности Русскаго Музея Имп. Александра III за 1907 г. Спб.

Отчетъ о 48-мъ присужденіи награды графа Уварова. Спб. 236 стр.

Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго Общества любителей древней письменности въ 1905—1907 году. Съ приложеніями. Спб.

Памятная книжка Олонецкой губ. на 1908 г. Петрозаводскъ.

Памятники Эеопской письменности. VI. Спб. 1907.

Петровъ, А. Матеріалы для исторіи угорской Руси. V. Первый печатный памятникъ угрорусскаго нарѣчія. Спб.

Петровъ, М. Западная Сибирь. Губ. Тобольская и Томская. М.

Polivka, S. Neuere Arbeiten zur slavischen Volkskunde. 2. Südslavisch. 3. Russisch. 2 оттиска изъ „Zeit-“

schrift des Vereins für Volkskunde". Berlin.

Его же. Lidové pověsti o původu tabáku. Berlin. 12 стр.

Полный алфавитный списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ Уфимской губ. Уфа.

Программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи. Изд. Костр. учен. архивн. Комиссіи.

Путникъ (Н. Лендеръ). По Европѣ и Востоку. Очерки и картинки. Съ рисунками. Берлинъ. — Гамбургъ. — Парижъ. — Константинополь. — Смирна. — Аены. — Островъ Критъ. — Италия. — Вѣна — Дунай. Изданіе А. С. Суворина. Спб.

Ренаъ, Э. Исторія Израильскаго народа, томъ 3-й. Спб.

Рудаковъ, В. Е. 14-й археологическій съездъ и тысячелѣтіе города Чернигова. Съ 6 рис. въ текстѣ. Спб.

Самковасовъ, Д. Сѣверская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ. М.

Сатиницкій, Иларіонъ^а Каталогъ книгъ церковно-славянской печати. Жовква.

Святскій, Д. Историческій очеркъ городовъ Сѣвска, Дмитровска и Комарицкой волости. 152 стр. Орель.

Седиръ, П. Индійскій факиризмъ. Перев. съ франц. А. В. Трояновскаго. (Библиотека оккультныхъ наукъ Вып. III). Спб. 1909.

Сергеевичъ, В., проф. Древности русскаго права. Томъ второй. Вѣче и князь. Совѣтники князя. Изданіе третье, съ поправками и дополненіями. Спб.

Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды. Сборникъ статей подъ ред. І. С. Мельника. Спб. 294 стр.

Сиверсъ, Вильгельмъ и Кюкенталь Вилм. Австралія, Океанія и Полярныя страны. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія Г. Г. Генкеля, съ дополненіями проф. А. Н. Краснова. 198 рис. въ текстѣ, 13 картъ, 9 хромо-литогр. и 15 гравюръ. Изданіе товарищ. „Просвѣщеніе“. Спб.

Симои, Павелъ. Памятники старинной русской лексикографіи по русскимъ рукописямъ XIII—XVIII стол. Выпускъ третій. Половецкій и Татарскій словарики. — Рѣчи тонкословія греческаго. Спб.

Смирновъ, С., проф. (изд.). Житіе

преподобнаго Даниїла, Переяславскаго чудотворца, повѣсть объ обрѣтеніи мощей и чудеса его. М. XXXVIII+133 стр.

Спамятинъ, Е. Къ характеристикѣ трудовъ и направленія г. Димитрія Позднѣева въ области японовѣдѣнія. I. Владивостокъ.

Сперанскій, М. Изъ исторіи отреченныхъ книгъ. IV. Аристотелевы врата или тайная тайныхъ. (Памятники древней письменности и искусства. CLXXI). Спб.

Спицынъ, А. Археологическія развѣдки (со 110 рис. въ текстѣ). Спб. 96 стр.

Статистика Россійской Имперіи. LXVII. Спб.

Статистическій обзоръ Симбирской губ. за 1907 г. Симбирскъ.

Статистическій обзоръ Ферганской области за 1905 г.

Труды Бессарабской ученой Архивной Комиссіи. Т. III. Кишиневъ. 1907.

Труды Вятской ученой архивной Комиссіи 1907 г. Вып. III и IV. Вятка.

Франко, Ив. Нові матеріяли до історіи українського вертепа. Львів, 1907. Ст. 24.

Фюстель де-Куланжъ. Римскій колонатъ. Переводъ подъ редакціей проф. И. М. Гревса. Спб.

Его же. Слово про збуренє пекла. Українська пасійна драма. Львів. Ст. 46.

Шахматовъ, А. Мстиславъ лютый въ русской поэзіи. Харьковъ. 13 стр.

Его же. Предисловіе къ Начальному Кіевскому Своду и Несторова лѣтопись. Спб. 58 стр.

Шахрай, Л. Исторія Израїля для еврейскаго юношества. Вып. 2-й. Отъ періода судей до раздѣленія царства. Одесса.

Широкий, К. Надгробні хрести на Україні. Львів. Стр. 20+6 табл.

Штернбергъ, Л. Я. Матеріалы по изученію гяляцкаго языка и фольклора, собранные и обработанные Л. Я. Штернбергомъ. Томъ I. Образцы народной словесности. Часть 1-ая. Эпосъ (поэмы и сказанія, первая половина). Тексты съ переводомъ и примѣчаніями. Спб. 1908. Стр. XXII+232. Ц. 3 р. Изданіе Академіи Наукъ.

Этцельгардтъ, М. А. Вредныя и благородныя расы. Спб.

ОТДѢЛЪ V.

С м ѣ с ь .

О религіозномъ состояніи инородцевъ Пермской и Оренбургской епархій.

(По отчетамъ миссіонеровъ).

Въ приложеніи къ „Православному Благовѣстнику“ за мѣс. 1907 годъ напечатанъ „Отчетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1906 годъ“, содержащій въ себѣ очень интересныя свѣдѣнія о современномъ религіозномъ состояніи нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ нашего Востока. Позволяемъ себѣ сдѣлать краткое извлеченіе изъ той, имѣющейся у насъ подъ руками, части „Отчета“, которая помѣщена въ приложеніи къ № 22 (ноябрь, книжка 2-ая) „Православнаго Благовѣстника“ и которая касается религіознаго состоянія инородцевъ Пермской и Оренбургской епархій.

Относительно многочисленныхъ инородцевъ Пермскаго края въ „Отчетѣ“ находимъ общее замѣчаніе, что они „легко поддаются вліянію окружающихъ ихъ не только язычниковъ и магометанъ, но иногда даже старообрядцевъ... Не говоря уже объ язычникахъ инородцахъ, ревностно выполняющихъ свой богослужебный культъ и строго держащихся обычаевъ своихъ предковъ, даже и крещенные изъ инородцевъ обыкновенно не соблюдаютъ христіанскихъ обрядовъ и не слѣдуютъ правиламъ христіанской жизни, такъ что оо. миссіонерамъ приходится наставлять послѣднихъ наравнѣ съ некрещеными, побуждать ихъ къ исполненію обязанностей принятаго ими на себя званія христіанъ“. Въ отчетномъ году зарегистрированъ только одинъ случай обращенія въ христіанство—крещеніе магометанина (стр. 95).

Въ частности необходимо отмѣтить, что въ то время какъ вогулы нѣкоторыхъ деревень Верхотурскаго уѣзда—бывшіе ясачные, а нынѣ государственные крестьяне—„совершенно обрусѣли и даже позабыли свой природный вогульскій языкъ и говорятъ теперь по-русски и ничѣмъ не отличаются отъ русскаго крестьянина по образу своей жизни“, причемъ „христіанство смѣнило здѣсь шаманство и въ значительной степени вытѣснило прежнія языческія понятія и суевѣрія“,—

кочующіе на сѣверѣ уѣзда вогулы (до 70 душъ) все еще остаются полужычниками, у которыхъ „вѣра христіанская переиѣшана съ языческими понятіями“. Отчетъ констатируетъ, что у нихъ „кровавныя жертвоприношенія процвѣтають въ полной силѣ, причемъ они совершаются въ честь Господа Іисуса Христа, Божіей Матери и Св. Николая Чудотворца, которые въ представленіи вогулъ являются—бѣлыми, добрыми и строгими шайтанами“. Замѣчательно, что, по свидѣтельству русскаго торговца, „и православные русскіе люди приносятъ и жертвуютъ въ храмы овецъ, телятъ и другихъ животныхъ, которыхъ рѣжутъ и здѣсь же продають“. Русскій торговецъ въ данномъ случаѣ отвѣчалъ за вогулъ на возраженія священника и его доказательства о грѣховности такихъ жертвоприношеній, доказывая, въ свою очередь, что „вогульскія жертвоприношенія въ честь Бога и Св. угодниковъ представляютъ собою нечто иное, какъ подражаніе тѣмъ же православнымъ“ (стр. 99—100). Хотя священникъ пытался „доказывать и разъяснять существенную разницу“ между этими жертвоприношеніями, но съ большою вѣроятностью можно предположить, что эта разница осталась неясною даже для русскаго торговца, а объ инородцахъ и говорить нечего.

Говоря о способѣ погребенія у вогулъ, „Отчетъ“ сообщаетъ, что „вогульское кладбище расположено на возвышенномъ мѣстѣ (уваѣ) и очень каменистомъ, могилъ вогулы не копають, а строятъ небольшой деревянный срубецъ, ставятъ въ него гробъ съ покойникомъ, заваливаютъ гробъ камнями и срубъ закрываютъ досками. Рядомъ съ первымъ всегда ставится и второй срубъ, предназначенный для склада тѣхъ вещей и предметовъ, которыми пользовался покойный при жизни,—какъ то: одежды, обуви, чайника, котелковъ и проч. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ срубовъ лежить и гниѣтъ добра рублей на 100 и болѣе. При могилѣ умершаго, послѣ похоронъ, закалывается нѣсколько оленей, принадлежащихъ умершему или умершей, мясо оленей сѣдается здѣсь же тѣми вогулами и родственниками, которые сожлись почтить память умершаго, а шкуры убитыхъ животныхъ кладутся въ срубъ“. Поставленные при могилахъ „небольшіе восьми-конечные кресты, сдѣланные изъ тонкихъ, въ видѣ школьныхъ квадратиковъ, палочекъ“, должны служить признакомъ того, что здѣсь христіанское, а не языческое кладбище (стр. 100—101).

Что касается Оренбургской епархіи, то въ нѣкоторыхъ инородческихъ приходахъ, такъ называемыхъ нагайбацкихъ (агайбаки—крещенные татары), въ отчетномъ году замѣтно было сильное движеніе къ магометанству. Это слѣдуетъ сказать въ особенности относительно Нѣжинскаго и Требятскаго нагайбацкихъ поселковъ и Ильинской станицы. Собственно говоря, въ первомъ изъ названныхъ поселковъ нагайбаки „всегда находились подъ сильнымъ вліяніемъ ислама и склонны были къ магометанству“, но „особенно усилилась открытая магометанская пропаганда послѣ объявленія Манифеста о свободѣ вѣроисповѣданія“. Главную причину массоваго отпаденія нѣжинскихъ нагайбаковъ въ магометанство „Отчетъ“ видитъ въ щедрой матеріальной помощи, которую имъ оказываютъ всѣ состоятельные татары; тою же матеріальною зависимостью объясняется въ „Отчетѣ“ и склонность къ магометанству тревятскихъ нагайбаковъ, имѣющихъ,

къ тому же, возможность слушать устную проповѣдь ислама на приискахъ, гдѣ они проводятъ большую половину года въ качествѣ черно-рабочихъ и старателей и гдѣ имѣется мулла и медресе (начальное магометанское училище). „Въ Ильинской станицѣ незамѣтно матеріальной помощи нагайбакамъ со стороны татаръ, но зато нагайбаки все время вращаются среди татаръ, башкиръ и киргизовъ—магометанъ. По отзыву священника Мордвова, и русскіе православные жители станицы мало религіозны, рѣдко посѣщаютъ храмъ и плохо исполняютъ христіанскія обязанности“ (стр. 107).

Какъ видно изъ данныхъ „Отчета“, приходскіе священники почти безсильны бороться съ все возрастающимъ вліяніемъ ислама. Такъ, на религіозныя бесѣды, на которыя приглашаетъ нагайбаковъ священникъ, они не являются и даже всячески избѣгаютъ съ нимъ встрѣчи, а при встрѣчѣ „на всѣ увѣщанія священника даютъ только одинъ отвѣтъ: „я, батюшка, ни православной, ни магометанской вѣры хорошо не знаю, спорить съ вами не могу. Всѣ наши нагайбаки переходятъ въ магометанство, а если я одинъ останусь въ православіи, то всѣ прочіе сдѣлаются моими врагами и житья мнѣ не будетъ“ (стр. 106). Въ Требиатскомъ поселкѣ съ 1902 года состоитъ священникомъ нагайбакъ Макарій Софроновъ, который хорошо знаетъ „продивомусульманское ученіе“ и „ведетъ религіозно-нравственныя бесѣды съ нагайбаками и полемическія бесѣды съ отпавшими и прочими магометанами“. При всемъ томъ, „несмотря на его стараніе, магометанское вліяніе не ослабѣваетъ, а, наоборотъ, усиливается“, такъ что „въ концѣ 1905 года перешло въ магометанство два семейства нагайбаковъ“, причемъ „Отчетъ“ констатируетъ, что „только благодаря дѣятельности священника Софронова въ этомъ поселкѣ нѣтъ массовыхъ отпаденій“. Если въ остальныхъ нагайбакскихъ приходахъ магометанскаго вліянія, по словамъ „Отчета“, незамѣтно, то это обстоятельство и объясняется именно тѣмъ, что „по близости къ этимъ приходамъ не имѣется татарскихъ селеній, и въ самыхъ поселкахъ нѣтъ татаръ“ (стр. 108).

Вотъ все, что можно было извлечь изъ „Отчета“ по вопросу о религіозномъ состояніи инородцевъ двухъ епархій, строго придерживаясь фактической стороны. Къ сожалѣнію, „Отчетъ“ не удержался до конца на почвѣ фактовъ и въ своемъ заключеніи (№ 24, декабрь, книжка 2-я, стр. 129) всѣ отмѣченные выше случаи отпаденія инородцевъ „въ прежнія языческія суевѣрія“ пытается приписать, совершенно голословно и вразрѣзъ съ высказанными раѣе сужденіямъ и, „волиѣ такъ называемаго „освободительнаго движенія“, которая коснулася будто-бы и нашихъ миссій. Такое утвержденіе является для читателя „Отчета“, по меньшей мѣрѣ, неожиданнымъ, такъ какъ на всемъ его протяженіи на роль освободительнаго движенія въ дѣлѣ частичнаго или массоваго отпаденія инородцевъ отъ православія нѣтъ даже малѣйшаго намека. Это и понятно: тогда какъ „Отчетъ“ составленъ на основаніи фактическихъ сообщеній миссіонеровъ,—придѣланное къ нему заключеніе носитъ явные слѣды канцелярскаго творчества...

Нѣкоторыя русско-литовскія и русско-эстонскія параллели.

(По даннымъ Ярославской губерніи).

Работающій на новый годъ будетъ работать весь годъ, я вообще, кто какъ проводитъ время при наступленіи новаго года, тотъ такъ будетъ жить весь наступающій годъ. (Срвн. „Живая Старина“, 1906 г., в. IV, отд. II, стр. 201).

Иглу или булавку нельзя дарить: поссорись съ подарившимъ (тамъ же).

Сидя на чемъ-нибудь, особенно за столомъ (обѣдомъ), болтать и качать ногами грѣшно или, по меньшей мѣрѣ, нехорошо, неприлично. Литовцы объясняютъ: „качаешь чертенятъ“ (стр. 198).

Свистать въ комнатѣ (избѣ, покоѣ, обитаемомъ помѣщеніи) нехорошо. Литовцы объясняютъ: „можетъ чортъ придти“; у русскихъ чорта и лѣшаго вызываютъ тоже свистомъ (тамъ же).

Если у покойника не закрыты глаза — къ покойнику, высматриваетъ новаго покойника. То же у литовцевъ (стр. 194).

Удивленіе или похвалы хорошимъ умственнымъ, особенно же тѣлеснымъ качествамъ дѣтей или скотины и особенно со стороны посторонняго человѣка—не хороши и не желательны: слезать—умрутъ или испортятся. (Срвн. стр. 193).

Видѣть во снѣ: рѣку, особенно бурную и воду вообще (но въ природѣ, а не въ посудѣ)—къ большому горю, (у эстовъ мутная вода къ худу, стр. 185); покойниковъ или мертвецовъ—къ холоду (у эстовъ къ дурной погодѣ, къ дождю, стр. 187); калъ (дерьмо, говно) или обмараться испражненіями—къ богатству, золоту, деньгамъ (то же у эстовъ, стр. 186); подниматься, идти въ гору—къ горю, спускаться съ горы—миновать горя (у эстовъ къ ухудшенію и къ улучшенію жизни, стр. 186); кровь—къ свиданію съ „кровными“, съ родными (стр. 186); въ банѣ мыться—къ болѣзни; вѣнчаться—къ смерти, къ болѣзни (стр. 185); цѣловаться съ женщиною или дѣвушкою—къ лихорадкѣ, къ болѣзни (то же у эстовъ обниматься, стр. 188).

Ил. А. Тихоміровъ.

Х р о н и к а.

1-го ноября сего года исполняется тридцатилѣтіе ученой и литературной дѣятельности т. с. В. В. Латышева, занимающаго нынѣ постъ директора Императорскаго историко-филологическаго института и вице-предсѣдателя Императорской археологической комиссіи.

†. А. В. Григорьевъ. Въ ночь съ пятницы на субботу (25 окт.) внезапно скончался одинъ изъ выдающихся членовъ Императорскаго русскаго географическаго общества, *Александръ Васильевичъ Григорьевъ*, положившій всю свою жизнь на искреннее служеніе дѣлу изслѣдованія своего отечества. Будучи ботаникомъ по своему образованію, ученикомъ с.-петербургскаго университета, онъ еще молодымъ человѣкомъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ на берега Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, въ теченіе которыхъ онъ имѣлъ возможность проявить свою наблюдательность и охоту къ географической дѣятельности въ болѣе широкомъ смыслѣ. Разнообразное участіе въ трудахъ географическаго общества и работы на сѣверѣ Россіи послужили къ избранію его представителемъ общества въ экспедиціи, снаряженной Сибиряковымъ для поданія помощи Норденшельду, когда послѣдній совершалъ знаменитое плаваніе на „Вегъ“ кругомъ Сѣверной Азіи. Но прежде чѣмъ судну Сибирякова удалось дойти до Ледовитаго океана, вокругъ Азіи съ юга, Норденшельдъ самъ пришелъ въ Японію. Необходимость итти къ сѣверу миновала, и А. В. Григорьевъ употребилъ оставшееся время на изученіе Японіи, откуда привезъ обществу обстоятельныя коллекціи. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ приглашенъ занять отвѣтственное мѣсто секретаря общества, которымъ и пробылъ въ теченіе 20 лѣтъ подрядъ. За этотъ періодъ, ознаменовавшійся рядомъ блестящихъ экспедицій общества для изученія Центральной Азіи, снявшихъ съ нея завѣсу тайны, и большимъ числомъ другихъ ученыхъ предпріятій иногда очень обширнаго размѣра, какъ напримѣръ участіе Россіи въ международныхъ полярныхъ изслѣдованіяхъ въ 1881—82 гг., когда общество снарядило блестящія двѣ экспедиціи: на Новую Землю и на устье Лены, А. В. Григорьевъ принималъ самое горячее и усиленное участіе во всѣхъ работахъ по организаціи, подготовкѣ и снабженію экспедицій, а по ихъ возвращеніи—въ обработкѣ и изданіи ихъ трудовъ. Не будучи путешественникомъ или кабинетнымъ изслѣдователемъ, А. В. Григорьевъ, благодаря своей широкой и всесторонней эрудиціи въ географическихъ наукахъ и своему отзывчивому характеру, принималъ самое дѣятельное и сердечное участіе во всѣхъ научныхъ предпріятіяхъ

не только общества, но и многих членовъ его. Всякій желавшій работать на поприщѣ изученія Россіи шелъ къ нему, увѣренный встрѣтить теплый, дружескій пріемъ и всякую помощь и указаніе, выраженный всегда съ необыкновеннымъ тактомъ, свойственнымъ чуткой, отзывчивой, честной натурѣ. Въ послѣдніе годы, будучи членомъ совѣта общества и потомъ—помощникомъ предсѣдателя его, онъ все свое время употреблялъ на работу на пользу родной ему географіи Россіи. Онъ розыскалъ, изслѣдовалъ и описалъ оригинальнѣйшую карту, писанную на бязи и относящейся къ числу первыхъ картъ Россіи, обработалъ каталогъ иностранной части обширной бібліотеки общества, велъ два обширныхъ изданія: описаніе трудовъ экспедицій П. К. Козлова и Цибикова въ Центральную Азію и Лхассу. Первое онъ вполне закончилъ, а второе почти, положивъ въ это дѣло, какъ и во все, за что только онъ брался, всю свою душу. Еще за два часа до своей кончины онъ трудился надъ обработкою каталога и умеръ какъ истинный гражданинъ, на своемъ посту не покладая рукъ до послѣдняго момента жизни. Умеръ А. В. 30 лѣтъ. („Нов. Вр.“, № 11719).

† Кункинъ, І. Я. 12 сентября скончался видный членъ Тверской архивн. комиссіи І. Я. Кункинъ. Несмотря на незначительное образованіе, пополненное, впрочемъ, усиленнымъ самообразованіемъ, покойный съ большою любовью занимался археологіей и этнографіей родного края. Послѣ него осталась хорошо подобранная бібліотека, коллекціи старинныхъ одеждъ и монетъ. Имъ изданы 2 вып. „Актовъ г. Кашина“, выбранныхъ преимущественно изъ московскихъ архивовъ. (Некрологъ см.: Новое время, 1903, № 11677).

† Н. П. Павловъ-Сильванскій, скончавшійся 19 сент. отъ холеры, погибъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Оставленный при СПб. университетѣ по кафедрѣ Русской Исторіи, онъ посвятилъ себя спеціально изученію соціального строя въ удѣльной Руси. Онъ является авторомъ оригинальной и весьма интересной теоріи о существованіи въ древней Руси цѣлаго ряда институтовъ, вполне аналогичныхъ съ западными феодальными. Эта теорія проведена Н. П. въ работахъ: „Закладничество-патронатъ“; „Феодальныя отношенія въ древней Руси“; „Новое объясненіе закладничества“.

† Г. И. Перетятковичъ, проф. Новороссійскаго университета, скончался 7 авг. въ г. Кишиневѣ 68 лѣтъ отъ роду. Въ 1869—70 гг. онъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра Русской Исторіи. Въ 1877 г. имъ была защищена диссертация „Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ. Очерки изъ исторіи колонизаціи края“, послѣ чего онъ и былъ избранъ въ приватъ-доценты Новороссійскаго университета. Въ 1882 году онъ получилъ степень доктора за работу: „Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII в.“. Въ томъ же году онъ былъ избранъ экстраординарнымъ, а въ 1886 г. ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ названныхъ выше двухъ крупныхъ работъ послѣ покойнаго осталось лишь нѣсколько небольшихъ статей. Много писать онъ не любилъ.

† Радченко, К. О. Умеръ всего на 36 году жизни. Еще будучи студентомъ онъ написалъ сочиненіе, удостоенное золотой медалію. Послѣ оставленія при университетѣ (Кіевскомъ) для подготовки къ профессурѣ, въ 1896 г. сдалъ магистерскій экзаменъ и былъ командированъ въ столичныя бібліотеки для занятія славянскими рукописями. Результатомъ этой командировки явилась работа, представляющая цѣлый рядъ опытовъ по изученію историческихъ памятниковъ, вродѣ: болгарскаго сборника 1345 г. древнихъ житій святыхъ и пр. Вслѣдъ затѣмъ на основаніи тѣхъ же матеріаловъ покойнымъ были написаны еще двѣ книги, одна изъ которыхъ („Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. 1899 г.) явилась диссертациею на степень магистра. Послѣ двухгодичной командировки за границу онъ въ 1900 г. былъ избранъ совѣтомъ Нѣжинскаго института на кафедру славянской филологіи. Цѣлый рядъ его послѣднихъ работъ посвященъ изученію апокрифовъ и богомильства. Таковы: „Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ Филиппольской бібліотеки“; „О пергаментномъ сборникѣ XIV в. Вѣнской придворной бібліотеки“; „Апокрифическое житіе самарянки по прологамъ Бѣлградской народной бібліотеки“; „Къ вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомильству“; „Видѣніе пророка Исаіи въ пересказахъ катаровъ-богомиловъ“, и др.

† Н. В. Султановъ, бывшій директоръ института гражданскихъ инженеровъ и предсѣдатель техническо-строительнаго комитета М. В. Д., скончался въ Висбаденѣ 2 сент. Помимо своихъ прямыхъ обязанностей онъ всю душою преданъ былъ изученію археологіи, древнерусскаго искусства и русскаго быта. Кромѣ крупныхъ трудовъ: „Памятники зодчества у народовъ древняго и новаго міра“ и „Теорія архитектурныхъ формъ; каменные формы“ съ объемистыми атласами рисунковъ, Н. В. написалъ и перевелъ значительное количество болѣе мелкихъ, но цѣнныхъ по своему содержанію работъ. Везвременная смерть прервала цѣлый рядъ задуманныхъ и частью уже начатыхъ работъ. Рецензія на одинъ изъ его крупныхъ послѣднихъ трудовъ „Объ остаткахъ Якутскаго острога“ помѣщена въ IV в. „Живой Старины“ за 1907 г.

15 октября состоялось общее собраніе Имп. Русскаго Географическаго Общества. Заслушаны были: 1) Докладъ о дѣйствіяхъ Общества за лѣтній періодъ времени. 2) П. чл. *А. И. Воейковъ* и д. чл. *Ю. М. Шокальскій* доложили о работахъ IX Международнаго Географическаго Конгресса въ Женевѣ лѣтомъ 1908 г. 3) Дд. чл. *А. И. Ивановъ*, *В. М. Котвицъ* и *С. О. Ольденбургъ* сообщили краткія свѣдѣнія объ археологическихъ находкахъ П. К. Козлова въ открытомъ имъ древнемъ городѣ Хара-Хото.

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О—ва.

№ 8. Засѣданіе 3 октября. Сообщеніе д. чл. *П. Е. Островскаго*: „Туруханскій край, его исторія и современное положеніе“.

№ 9. Засѣданіе 17 октября. 1) Выборъ членовъ медальной ко-

миссиі. 2) Сообщение д. чл. *Н. Е. Оичукова*: „Сказки и сказочники Сѣвера“. О новомъ сборникѣ сказокъ: „Сѣверныя сказки“. Гдѣ и кѣмъ записывались сказки сборника. Условія записей. Какая будетъ идеально записанная сказка. Сказки съ эпическимъ содержаніемъ. Сказки про животныхъ, чудесныя, бытовыя, прибауточки и прибасеночки. Разказы про чертей, лѣшихъ, водяныхъ, мертвецовъ, оборотней, колдуновъ и пр. Историческія преданія. Разказы про инородцевъ и про сосѣдей. Отношенія народа къ сказкамъ, вѣра въ ихъ содержаніе. Общій колоритъ сказокъ Сѣвера. Сказки Печорскія и Олонецкія и ихъ особенности. Море и лѣсъ въ Печорскихъ сказкахъ и Петербургъ въ Олонецкихъ. Отраженіе въ сказкахъ особенныхъ чертъ сказочниковъ. Жепскія сказки и ихъ особенности. Въ нихъ отражается вся жизнь женщины съ рожденія до могилы. Характеристика нѣкоторыхъ сказочниковъ. 3) Сообщение чл. сотр. *И. С. Абрамова*: „Поѣздка въ Стародубье“. (О старообрядцахъ, штундистахъ, толстовцахъ и хлыстахъ сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губерніи). Содержаніе: Историческія данныя о заселеніи Стародубья. Нѣкоторыя свѣдѣнія о первыхъ насельникахъ изъ рукописи 1736 г., найденной въ посадѣ Еліонкѣ. Буйные нравы поселенцевъ. Промыслы слобожанъ: трепальщики пеньки, щетинники, коробейники, книгоноши. Черты изъ быта старообрядцевъ: хороводы, свадьбы, тайная милостыня. Изъ области вѣрованій. Новая секта „пасхальники“. О дѣятельности православныхъ миссіонеровъ. Послѣ манифеста о вѣротерпимости. Краткія свѣдѣнія о мѣстныхъ штундистахъ, толстовцахъ и хлыстахъ. Заключение.

Во время доклада были показаны костюмы стародубскихъ старообрядцевъ и предметы ихъ домашнего обихода.

Соединенное засѣданіе Отдѣленій Географіи Математической и Географіи Физической. 16 окт. д. чл. *К. Н. Давыдовъ* сдѣлалъ сообщеніе „Изъ поѣздки въ Папуасію. Очеркъ природы Аруанскихъ острововъ“. Приведемъ нѣкоторые пункты программы: Цѣль поѣздки на острова Индо-Австралійскаго Архипелага.—Маршрутъ.—Общій очеркъ путешествія отъ Явы до Аруанскихъ острововъ.—Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о географіи Архипелага Ару.—Населеніе, административное положеніе въ Нидерландской Индіи.—Селеніе Добо и его обитатели.—Мѣстные нравы.—Значеніе Добо въ жизни Аруанскаго Архипелага.—Къ вопросу о положеніи голандцевъ на Ару и вообще въ Папуасіи.—Деревня Ванумбай—ея характеръ, населеніе.—Нѣкоторыя данныя о населеніи Коброра и Вокама.—Коборскія селенія.—Кочевыя племена.—„Срѣзывать головы“.—Blakang Tahva.—Общая характеристика и значеніе въ экономической жизни Ару.—Населеніе.—Промысловая жизнь.—Ловля рыбы, добываніе жемчуга, черепахи, трепанговъ.—Общій очеркъ этнографіи Ару.—Туземцы Ару: племена, языкъ, наружность.—Домашній бытъ.—Общественная и семейная жизнь.—Положеніе женщины.—Религіозныя вѣрованія.—Къ вопросу о каннибализмѣ въ Папуасіи и въ частности на Ару.—Научные результаты путешествія.—Заключение. (Были показаны діапозитивы и демонстрированы зоологическія и этнографическія коллекціи).

Русское Антропологическое О—во. 24 окт. сообщеніе д-ра Л. Г. Оршанскаго: О дѣтскихъ рисункахъ. Программа: Дѣтскіе рисунки, какъ пограничный вопросъ психологіи, эмбриологіи искусства и педагогики. Обзоръ литературы о дѣтскихъ рисункахъ. Программы собиранія и изученія дѣтскихъ рисунковъ (проф. Лампрехта и Левинштейна, Кершенштейнера). Результаты изученія и ихъ оцѣнка. Положеніе вопроса въ Россіи. Программа собиранія рисунковъ, выработанная Русскимъ Обществомъ психологіи и Обществомъ Учителей рисованія въ 1908 г.

Демонстрація рисунковъ и діапозитивовъ.

Въ четвергъ, 11 сентября, въ Университетѣ состоялось 57-е засѣданіе Лингвистической секціи Неофилологическаго общества. Былъ выслушанъ докладъ Л. В. Щербы: „Экспериментально-фонетическія наблюденія изъ области русской фонетики“.

Студенческій Географическій кружокъ. Въ четвергъ, 23 октября состоялось XVII засѣданіе. *Предметы занятій.* Сообщенія: 1) С. И. Руденко: Палеолитическая стоянка въ Мезинѣ, Черниговской губ., 2) Н. Н. Лебедева: Предварительное сообщеніе о поѣздѣ на Байкалъ.

Сибирскія и дальневосточныя коллекціи Этнографическаго Отдѣла Музея Императора Александра III.

Музей—одно изъ значительнѣйшихъ хранилищъ очень цѣнныхъ коллекцій домашней обстановки, предметовъ культа, рабочаго инвентаря, одежды и т. п. вещей, собранныхъ въ средѣ русскаго и инородческаго населенія Сибири.

Однимъ изъ самыхъ большихъ и полныхъ коллекціями отдѣловъ музея является отдѣлъ якутскій, получившій цѣнныя вещи еще на второмъ году существованія музея,—въ 1902 г., отъ Э. К. Пекарскаго и совѣтника якутскаго областного управленія А. И. Попова. Э. К. Пекарскимъ коллекціи были доставляемы еще и въ 1903—1904 гг. А. И. Поповъ присылаетъ вещи ежегодно; въ якутскомъ коллекціонированіи на музей принимали участіе и гг. Іоновъ, С. А. Вутурлинъ, Е. П. Поповъ. Якутскими коллекціями представлены въ музей Императора Александра III—якуты, тунгусы, юкагиры, чукчи и коряки.

Иркутская губернія представлена разновременно доставленными коллекціями гг. Д. П. Першина, Хангалова, Ц. Ж. Жамцарано-Шарандъ; здѣсь обследовались преимущественно буряты, и обследованія эти естественно распространились и на бурятско-тунгусское населеніе Забайкальской области; въ послѣдніе годы цѣнныя коллекціи были доставлены изъ Забайкалья и гг. Борисомъ Вампиловымъ, Лысковымъ Жаповымъ (буряты). Заслуживаетъ быть отмѣченной большая отзывчивость какъ бурятскаго населенія, такъ и молодой бурятской интеллигенціи къ важному дѣлу научнаго коллекционирования предметовъ ихъ матеріальнаго быта и культа. Эта высококультурная черта очень помогаетъ осуществленію работъ музея, предпринимаемыхъ въ бурятской средѣ. Князь Д. Э. Ухтомскій, сынъ извѣстнаго журналиста, собиралъ въ текущемъ году въ Забай-

кальи коллекціи по ламанизму, Ц. Жамцарано собиралъ лѣтомъ текущаго-же года коллекціи по шаманизму забайкальскихъ бурятъ.

Коллекціи изъ Енисейской губерніи доставлялись разновременно гг. П. Е. Островскихъ (съ 1901 г., Туруханскій край), покойнымъ Мартыновымъ (Минусинскій уѣздъ), А. В. Адриановымъ, Ф. Я. Конъ и А. А. Макаренко. П. Е. Островскихъ представилъ своими коллекціями остяковъ, якутовъ, самоѣдовъ, долганъ, юраковъ; тунгусы и татары мелецкой инородческой управы охарактеризированы вещами, доставленными г. А. А. Макаренко, собиравшимъ утварь и предметы культа у тунгусовъ еще въ 1907 и текущемъ 1908 г. въ системѣ рѣки Подкаменной Тунгуски; работы г. Островскихъ по Туруханскому краю продолжаются сейчасъ гг. Рычковымъ и Толстымъ; г. Конъ и г. Адриановъ въ верховьяхъ Енисея обследовали старовѣрческія поселенія Усинскаго края, качинскихъ татаръ; г. Конъ доставилъ коллекціи и по быту сойотовъ. Русское населеніе губерніи представлено и по другимъ ея уѣздамъ коллекціями А. В. Адрианова и А. А. Макаренко. Въ текущемъ году на р. Тазъ былъ посланъ для собиранія коллекцій среди обитающихъ тамъ инородцевъ г. Тугариновъ.

Коллекціи по Томской губерніи собирались Д. А. Клеменць (Алтай), по Тобольской—г-жей Рагозиной (русское населеніе) и г. Ю. Горбатовскимъ (тарскіе татары). Киргизскій югъ Сибири почти не представленъ въ музеѣ. У киргизъ, народа болѣе многочисленнаго, чѣмъ буряты, не находится, однако, достаточнаго количества лицъ, способныхъ отдаться этнографическому коллекціонированію разной національной обстановки.

Амурская и Приморская области, о. Сахалинъ, Шантары, Командоры и другія островныя группы сѣверо-восточныхъ морей Сибири также очень слабо освѣщены коллекціями музея. Кое-что передано въ музей Александра III изъ Гродековскаго музея въ Хабаровскъ и изъ Сахалинскаго музея; есть работы П. Ю. Шмидтъ, извѣстнаго ихтиолога сѣверо-востока Тихаго океана, попутно занимавшагося и этнографическимъ коллекціонированіемъ обследованныхъ имъ побережій. Чукотскія и корякскія коллекціи доставлялись въ музей начальникомъ анадырскаго округа г. Сокольниковымъ. Коллекціи, доставленные названными мѣстами и лицами изъ Приморской области, характеризуютъ корейцевъ, алеутовъ и мѣстныя племена тунгусовъ, гольдовъ, гилаковъ, орочей, коряковъ, чукчей.

Можетъ быть отмѣченной еще коллекція кн. Э. Э. Ухтомскаго по ламайскому культу у монголовъ. Вообще же китайскія области, сопредѣльныя Сибири, представлены очень слабо въ коллекціяхъ музея. Мало вещей изъ Монголіи; изъ Тибета есть лишь отдѣльныя вещи. Джунгарія, китайскій Восточный Туркестанъ зарегистрированы также очень слабо работами прежнихъ лѣтъ. Теперь же самая возможность собиранія даже чисто научныхъ коллекцій въ западномъ Китаѣ вообще и въ Тибетѣ въ особенности сильно затруднена послѣднимъ англо-русскимъ трактатомъ о разграниченіи сферъ вліянія Россіи и Англіи въ Центральной Азіи.

Музей Императора Александра III много сдѣлалъ по сибиревѣдѣнію, но еще больше остается ему сдѣлать въ этой области. Цѣлыя районы страны вовсе не представлены коллекціями, другіе предста-

влены иногда лишь немногими вещами. Между тѣмъ живой переселенческий потокъ быстрѣ, чѣмъ раньше, стираетъ своеобразныя черты сибирской жизни—русской старожилой и инородческой; поэтому надо спѣшить съ регистраціей этихъ чертъ,—и сибирская интеллигенція должна бы помочь такой регистраціи, какъ путемъ живого содѣйствія лицамъ, командируемымъ въ Сибирь музеемъ, такъ и путемъ самостоятельныхъ коллекціонированій предметовъ домашней утвари, рабочаго инвентаря, оружія, культа и одежды какъ русскаго-старожилаго, такъ и инородческаго населенія Сибири, въ цѣляхъ доставленія этихъ коллекцій въ музеи. Намъ кажется, что такая работа внесла бы разнообразіе, повысила бы интересъ интеллектуальной жизни и самой сибирской интеллигенціи.

Минусинскій городской Мартыановскій Музей въ 1906 году. (По „Отчету“... Канскъ. 1908). Въ отчетномъ году коллекція Музея достигли слѣдующихъ цифръ: въ антропологическомъ отдѣлѣ—518 №№, въ этнографическомъ 2.962, въ археологическомъ—17.394, въ нумизматическомъ—3.002. При чемъ въ 1906 г. поступило вновь по археологii 147 №№ и по нумизматикѣ 124 №№.

Въ частности этнографическій отдѣлъ состоитъ изъ коллекцій: русскаго населенія края (510 экз.), инородческаго (697 экз.), пограничныхъ сойотъ (851 экз.), латышей изъ колоній (140 экз.), финскаго племени (48 экз.), по сравнительной этнографіи (381 экз.) и по народной медицинѣ¹⁾. Этнографическая группа есть также въ образовательномъ отдѣлѣ (978 №№). Въ промышленномъ отдѣлѣ есть предметы кустарной промышленности, ремеслъ (1.315), охотничьяго и рыбнаго промысла (59). Изъ новыхъ пріобрѣтеній по отдѣлу археологii интересенъ желѣзный жертвенникъ (изъ д. Листвяговой на р. Тубѣ)—первая такого рода находка въ Минусинскомъ округѣ.

Рѣдкій шаманскій костюмъ поступилъ въ Этнографическій музей Академіи Наукъ. Костюмъ принадлежитъ шаману енисейскихъ остяковъ. Въ цѣломъ онъ, видимо, изображаетъ птицу и въ этомъ отношеніи совершенно оригиналенъ. Помимо обычныхъ желѣзныхъ привѣсковъ на костюмѣ есть нѣсколько новыхъ украшеній и, кромѣ того, весь онъ украшенъ красочными рисунками, вышитыми оленьимъ волосомъ.

Обществомъ изученія Амурскаго края намѣчены слѣдующіе проекты использования 2.000 р., пожертвованныхъ примурскимъ генералъ-губернаторомъ: 1) Археологическая экспедиція въ окрестности „Тыра“ для изысканій и раскопокъ въ окрестностяхъ извѣстныхъ развалинъ. 2) Экспедиція съ лингвистическими цѣлями къ гольдамъ. 3) Изданіе маршрутной карты Приморской области. 4) Экспедиція съ цѣлью изученія быта переселенцевъ. 5) Изданія руководства для собиранія разныхъ свѣдѣній и предметовъ, касающихся разныхъ

¹⁾ Почему-то общее число предметовъ по этнографіи не сходится. По подсчету выходитъ 3.012, а ранѣе помѣчено—2.962.

сторонъ жизни Амурскаго края. 6) Экспедиція въ мѣста необслѣдованныя въ географическомъ отношеніи.

Изъ поѣздки въ Кубинскій уѣздъ Бакинскои губерніи директоръ кавказскаго музея А. Н. Казнаковъ привезъ коллекцію по этнографіи горскихъ евреевъ и нѣкоторые предметы по этнографіи татаръ и лезгинъ. Особенно полно собраны предметы по кустарнымъ промысламъ: по приготовленію ковровъ, изъ которыхъ лучшими въ уѣздѣ являются татарскіе, приготовленію галуновъ, шнуровъ, поясовъ, обуви, кузнечному промыслу и др., а также множество дѣтскихъ игрушекъ, амулетовъ и т. п.

Малорусская этнографія въ „українскомъ товариствѣ“ — „Провіта“. Въ 1907 году въ малорусскомъ Одесскомъ обществѣ „Провіта“ („Провѣщеніе“), въ которомъ еженедѣльно читается по два реферата, часть послѣднихъ была посвящена этнографіи Украинны. Такъ были прочитаны доклады—Комарова: „Українскій вертепъ и вертепная драма“, „Кармелюкъ въ пѣсняхъ и народныхъ преданіяхъ“, „Про пасхальныя крашанки и писанки“, „Народная пѣсня про Бондаривну“, „Байда, князь Вишневецкій въ украинской словесности“; Ящуржинскаго: „Культь хлѣба въ пѣсняхъ и обрядахъ“, Шелухина: „Народныя украинскія пѣсни“, Андріевскаго: „Кобзарь Остапъ Вересай“ и нѣк. др. Всѣ рефераты читались по-украински и, хотя не отличались ни научностью, ни новизною (большинство было составлено по нечатымъ русскимъ статьямъ), тѣмъ не менѣе приходились по вкусу той средней публикѣ, которая посѣщаетъ общество „Провіта“.

Въ Петербургѣ недавно закрылась грандіозная выставка керамики, на которой были экспонированы издѣлія не только художественно-промышленныя, но также для огнестойкаго строительства до самыхъ простыхъ его формъ въ видѣ черепицы и огнеупорныхъ плитокъ и другихъ матеріаловъ для сельскихъ построекъ. Кромѣ того, на выставкѣ былъ русскій историческій отдѣлъ, тамъ такъ у насъ эмалированная глина получила широкое распространеніе еще въ древнемъ зодчествѣ.

Этнографическая поѣздка къ тунгусамъ. Во вторую этнографическую поѣздку къ тунгусамъ бассейна рѣки „Катонги“, предпринятую по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, А. А. Мазаренко былъ занятъ пополненіемъ лексическаго матеріала по языку тунгусовъ, продолжалъ изученіе образа жизни ихъ, шаманства и обычаевъ; собиралъ свѣдѣнія о разселеніи тунгусовъ, объ устояхъ ихъ экономической жизни и условіяхъ и формахъ торговли съ ними русскихъ; имъ записаны также тунгусскія сказки: о якутскомъ царѣ Тыгы-ракта (по-якутски: Тыгын-ырахтагы), о „Шоломон“ царѣ и др.; добыты образцы рисовальнаго искусства и письменности тунгусовъ и пр.

Экскурсантъ совершилъ поѣздку въ обществѣ двухъ своихъ, испытанныхъ въ предыдущія командировки въ Сибирь, спутниковъ: К. А.

Масленникова и П. Т. Воронова. Первый велъ подѣ наблюдениемъ г. Макаренко метеорологическія наблюденія, занимался при помощи гипсотермометра опредѣленіями береговыхъ высотъ, а также заново воспроизвелъ по компасу глазомѣрную съемку фарватера рѣки „Катонги“ (она же Средняя Тунгуска), съ ея притоками, на протяженіи слишкомъ 900 верстъ; первая съемка была сдѣлана въ 1907 году въ полую воду (большую); съемка этого года, начатая съ начала вскрытія рѣки, закончена была лѣтомъ, когда обнаружились ея пороги и шиверы; получены, такимъ образомъ, весьма интересныя данныя для сравнительнаго сужденія, въ связи съ промѣрами, о высотахъ уровня воды въ „Катонгѣ“ въ главные моменты навигаціоннаго времени и объ условіяхъ возможнаго по ней судоходства. П. Вороновъ, будучи уроженцемъ Ангарскаго края и въ то же время прекраснымъ охотникомъ и знатокомъ мѣстности, оказалъ весьма полезное содѣйствіе при собираніи свѣдѣній о поверхности, флорѣ и фаунѣ бассейна „Катонги“, во многомъ сходныхъ съ таковыми Ангарскаго края; своимъ лопманскимъ искусствомъ Вороновъ, кромѣ того, былъ неоцѣнимымъ проводникомъ въ тайгѣ и по рѣкѣ, изобилующей серьезными препятствіями: благодаря его распорядительной предусмотрительности, быстрой находчивости и поразительному присутствію духа, утлая лодка экскурсантовъ не разъ избѣгла серьезной опасности въ нѣкоторыхъ порогахъ „Катонги“.

Переѣздъ до мѣста назначенія въ 1.200 слишкомъ верстъ былъ сдѣланъ зимнимъ (въ январѣ) путемъ на лошадахъ; въ глубь жительства тунгусовъ совершена поѣздка на оленяхъ; а главный маршрутъ по „Катонгѣ“ и ея видномъ притоку—Чунѣ былъ сдѣланъ на небольшой лодкѣ.

На сокращеніе экспедиціоннаго времени и на сравнительно малый результатъ этнографическихъ изысканій новліяло, между прочимъ, распространеніе оспенной эпидеміи среди тунгусовъ изслѣдованнаго края; послѣдніе, по словамъ А. Макаренко, избѣгали, благодаря этому, посѣщеній ярмарочныхъ мѣстъ и уходили въ невѣдомыя малодоступныя таежныя трущобы.

По той же немаловажной причинѣ оказался мало успѣшнымъ сборъ этнографическихъ коллекцій среди тунгусовъ, порученный А. Макаренко Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III. Имъ доставлены въ обѣ поѣздки (1907—1908 г.) предметы домашней утвари тунгусовъ, одежды съ раскраской и бисернымъ шитьемъ, оружіе, орудія промысла, ремесла, амулеты, предметы шаманскаго культа и похоронъ (гробъ съ останками и пр. принадлежности), берестяная лодка, лыжи, посохи, а также броня тунгусскихъ воиновъ, скованная по старинному образцу, и проч.

Экспедиція на полуостровъ Я-малъ. Изъ Обдорска получены извѣстія объ экспедиціи на полуостровъ Я-малъ. Члены экспедиціи были въ Обдорскѣ 12 дней, ушедшихъ на подготовительныя работы по снаряженію въ дальній и долгій путь. Въ Обдорскѣ была организована особая коммиссія изъ обдорскихъ обывателей. Въ составъ экспедиціи вошли: миссіонеръ-священникъ Мартемыановъ, прекрасно владѣющій самоѣдскимъ языкомъ и хорошо знакомый съ жизнью и бы-

томъ самоѣдовъ, и толмачъ Кудринъ. Для экспедиціи собрано было больше четырехсотъ оленей, сравнительно хорошаго достоинства. Первоначальный путь экспедиціи изъ Обдорска намѣченъ такъ: озеро Вангады, Поды, затѣмъ краемъ Оби до Орнела, до Ямбуринаскаго острова, Ямбуриинскихъ юртъ (астрономически опредѣленный пунктъ), отъ Ямбуры серединой Я-мала на крайній сѣверный его пунктъ. По исчисленіямъ самоѣдовъ, отъ Ямбуры до сѣверной оконечности Я-мала 40 переходовъ (переходъ 30 верстъ), т.-е. около 1.200 верстъ.

Неудавшаяся экспедиція. По порученію этнографическаго отдѣла Русск. Музея Имп. Александра III, г. Тугариновъ долженъ былъ собрать этнографическія коллекціи среди инородцевъ области р. Тазъ (Турханскій край). Но экспедиція эта не удалась вслѣдствіе того, что выбранный г. Тугариновымъ путь оказался непроходимымъ.

По слухамъ въ 1909 году возобновляется изданіе историческаго журнала „Кіевская Старина“, вмѣсто котораго въ 1907 году издавалась „Україна“, просуществовавшая только одинъ годъ. „Кіевская Старина“ была богата этнографическими изслѣдованіями и матеріалами, касавшимися Южной Руси. Можно ожидать, что возобновленный журналъ такъ же будетъ полезенъ въ послѣднемъ отношеніи, какъ и раньше, лишь бы онъ пошелъ по своей прежней строго научной дорогѣ.

Вновь открытое племя въ Аляскѣ. По сообщеніямъ изъ Филадельфіи, туда вернулся изъ продолжительной научной поѣздки въ Аляску американскій ученый проф. Г. Гордонъ, привезшій съ собою богатую коллекцію цѣнныхъ предметовъ, добытыхъ имъ у одного племени, до сихъ поръ неизвѣстнаго ученымъ. Племя это, прежде повидимому многочисленное, насчитываетъ въ настоящее время не болѣе 400 человекъ, поселенія ихъ расположены въ 600 миляхъ отъ устья рѣки Куковилы. Гордонъ называлъ это странное племя „куковагами-тами“. Въ противоположность атабаскамъ (индѣйцамъ) и эскимосамъ, оно сохранило рѣзко выраженные черты азіатской расы. Повидимому, племя принадлежитъ къ раннему поселенію Аляски; вытѣсненное индѣйцами и эскимосами, оно переселилось въ долину рѣки Куковилы, гдѣ и нашло себѣ естественную защиту. Проф. Гордонъ провѣлъ среди этого племени нѣсколько мѣсяцевъ, наблюдалъ ихъ жизнь, нравы и обычаи и собралъ огромную коллекцію разныхъ предметовъ и одежды. Мужчины, по словамъ Гордона, отличаются высокимъ ростомъ и силою, женщины—миловидностью; въ умственномъ отношеніи этотъ народъ стоитъ далеко выше другихъ обитателей арктическихъ странъ; всѣ они—моногамисты, законовъ писанныхъ не имѣютъ; управляются старѣйшимъ въ родѣ—патріархомъ, исполняющимъ въ то же время обязанности священника: одежду дѣлаютъ себѣ не изъ звѣриныхъ шкуръ, а изъ кожи и перьевъ птицъ.

Археологическая находка. Аллагабадъ, 4 (17) сентября. — По полученнымъ отъ путешественника, доктора Штейна, изъ Хотана

отъ 2-го іюля свѣдѣніямъ въ Карашарѣ, въ сѣверо-восточной части пустыни Тарима, найдены картины и скульптурныя изображенія, относящіяся къ эпохѣ преобладанія буддійскаго вліянія. Близъ Мазаръ-Тага найдены большія собранія документовъ, писанныхъ на деревѣ и на бумагѣ, главнымъ образомъ, индійскаго, витайскаго и тибетскаго происхожденія. Документы относятся къ VIII или IX вѣку и принадлежать, очевидно, къ періоду тибетскихъ нашествій.

Новые открытія въ области изученія древняго Востока.—Темпс даетъ краткое описаніе коллекцій, вывезенныхъ Жакомъ Морганомъ изъ Персіи. Коллекціи эти размѣщаются въ настоящее время въ Луврѣ. Жакъ Морганъ уже раньше составилъ себѣ крупное имя въ качествѣ изслѣдователя древняго Востока. Во время своей первой экспедиціи Моргану подъ развалинами древне-персидскихъ Сузъ (время Даріевъ и Ксерксовъ) удалось напасть на слѣды болѣе стараго города, Сузъ эламитскихъ (между 2300 и 750 гг. до Р. Х.), и еще болѣе стараго, существовавшаго, какъ онъ думаетъ, въ первыя времена владычества халдеевъ. Результаты раскопокъ только-что закончившейся второй экспедиціи Моргана еще болѣе продуктивны. На каждой найденной имъ вещи обозначенъ почвенный слой, въ предѣлахъ котораго она найдена. Уже отсюда, слѣдовательно, можно извлечь приблизительныя хронологическія указанія. Эти догадки въ свою очередь подтверждаются многочисленными надписями, собранными Морганомъ на различной глубинѣ. „Такимъ образомъ,—пишетъ авторъ статьи въ Temps,—несомнѣнно, что эта маленькая телѣжка, эта миниатюрная военная колесница, этотъ парикъ изъ обожженной глины, эти лѣстницы, снабженные колесами, не что иное какъ дѣтскія игрушки, которыя дѣти приблизительно за 5000 лѣтъ до христіанской эры возили на веревочкахъ по площадямъ или узенькимъ улицамъ примитивнаго города“. Къ той же древнѣйшей эпохѣ относится коллекція расписныхъ вазъ, одинаково любопытныхъ и своей формой, и своими украшеніями, бронзовыя копья, топоры, пилы, кирки и пр. Къ той же эпохѣ относится найденное въ большомъ количествѣ алебастровое оружіе, сдѣланное очень прочно и изящно, прекрасно выполненныя изображенія животныхъ. Впрочемъ изображенія животныхъ находили во всѣхъ слояхъ, гдѣ производились раскопки. Серія человѣческихъ фигуръ очень богата; почти всѣ онѣ воспроизводятъ положеніе, извѣстное по найденнымъ раньше на мѣстахъ древней Халдеи статуямъ. Тѣсно прижатая къ тѣлу руки, покоящіяся на груди, и кисти, плотно охватывающія одна другую. Головы у статуй нѣтъ, за рѣдкими исключеніями. Объясняется это тѣмъ, что страна много разъ опустошалась войной, и побѣдители, забирая драгоцѣнности, уродовали все, чего не хотѣли брать. Такъ поступали они и со статуями. Только въ томъ случаѣ, если статуя была изображеніемъ особенно знаменитаго лица, ее брали въ качествѣ трофея. Въ числѣ статуй, найденныхъ Морганомъ, есть одна, сдѣланная изъ діорита и восходящая ко времени за 3000, а можетъ быть и 4000 лѣтъ до Р. Х. Статуя изображаетъ одного изъ царей, и подъ ней двѣ надписи: одна—старая, другая—болѣе поздняго происхожденія, гласящая,

что эта статуя какъ побѣдный трофей была взята изъ Халдеи царемъ Шутрукъ-Наконта.

Отказъ отъ кровавой мести. О событіи, имѣющемъ не малое культурноисторическое значеніе, сообщаютъ изъ Салоникъ. Албанскія племена въ трехъ вилайетахъ, Янинѣ, Монастырѣ и Коссовѣ, отказались навсегда отъ кровавой мести. Ихъ уполномоченные принесли „народную клятву“ въ томъ, что кровавая месть отнынѣ исчезаетъ изъ жизни албанцевъ. Съ первыхъ же временъ появленія албанцевъ въ исторіи кровавая месть существовала и сохранялась какъ „священный законъ“, какъ „институтъ“, безъ котораго албанцы не представляли себѣ возможнымъ жить. Она замѣняла собою юстицію, и, регламентированная во всѣхъ подробностяхъ, служила основой, на которой покоилась семейная жизнь албанскихъ племенъ. Неписанный законъ мести рѣшалъ вопросы уголовного права и даже частныя столкновенія.

Хроника составлена *Н. Уиноградовымъ*.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

СТРАН.

1. Новости этнографической литературы. *Акад. А. И. Соболевскаго*. 371
2. Рецензія на: Ген. Шурцъ. Исторія первобытной культуры. *Н. М. Мопилляскаго*.—М. Энгельгардтъ. Вредныя и благородныя расы. *П. Э.—Г. Святицкій*. Выдроджене білоруського письменства. *А. Сержпуттовскаго*.—Ахмаровъ, Г. Н. Тептари и ихъ происхожденіе. *Э. П.*—К. Иностранцевъ. Матеріалы изъ арабскихъ источниковъ для культурной исторіи сасанидской Персіи. Примѣты и повѣрья. *Э. П.*—Изданія сербской Королевской Академіи за 1907 г. *Проф. П. А. Јасрова*. 376
3. Журналы за 1907—1908 г. *Н. В.* 385
4. Новости этнографической литературы. *Н. В.* 387

Приложеніе.

6. Указатель къ „Живой Старинѣ“ за 15 лѣтъ ея существованія. Сост. *Н. Виноградовъ*. 17—32

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь. Хроника.

1. О религіозномъ состояніи инородцевъ Пермской и Оренбургской епархій. *Э. П.* 391
2. Нѣкоторыя русско-литовскія и русско-эстонскія параллели. *Ил. А. Тихомірова*. 394
3. Хроника. (28 замѣтокъ). Сост. *Н. Виноградовъ*. 395

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

XVII
годъ изданія
1908

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XVII
годъ изданія
1908

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова, въ XVII году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодействія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библиографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVII годъ изданія, редакція „Живой Старины“ пригласила къ участию въ журналѣ многихъ ученыхъ специалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библиографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель“ къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для многогородныхъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, для сельскаго духовенства, учителей и учащихся—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины“ (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.